

АКАДЕМИЯ НАУК УКРАИНСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

В. Г. Збенович

**Поселение
БЕРНАШЕВКА
НА ДНЕСТРЕ
(к происхождению
трипольской
культуры)**

КИЕВ
«НАУКОВА ДУМКА»
1980

В монографии рассматриваются материалы трипольского поселения у с. Бернашевки Могилев-Подольского района Винницкой области — единственного на территории Украины раннетрипольского памятника с чертами энеолитической культуры Боян, распространенной на Нижнем Дунае.

Описываются коллекция керамики, орудия труда из камня, кости, рога, а также предметы пластики.

В книге рассмотрены вопросы домостроительства, хозяйственной деятельности, идеологические воззрения жителей поселения. Особое внимание уделено проблеме происхождения трипольской культуры на рубеже V и IV тысячелетий до н. э.

Ответственный редактор *В. А. Круц*

Рецензенты *А. В. Арциховский,*
Т. Г. Мовша

Редакция литературы
по социальным проблемам
зарубежных стран, археологии
и документалистике.

ВВЕДЕНИЕ

Еще в начале XX ст., когда делались первые попытки осмысления нового историко-культурного явления, названного трипольской культурой, вопрос о происхождении ее носителей волновал многих исследователей, порождая многочисленные и противоречивые гипотезы. Несмотря на эрудицию и широту взглядов, первые исследователи Триполья не могли предложить обоснованного решения проблемы, так как в их распоряжении был лишь материал поздних поселений (Триполье, Веремье, Петрены, Кошиловцы, Попудня, а впоследствии — Владимировка, Коломыйщина I и II, Городск, Усатово и др.). Небольшой и разрозненный материал нескольких поселений раннего периода (Озаринцы, Борисовка, Саврань) давал лишь очень ограниченную информацию, что нашло отражение в обобщающей работе Т. С. Пассек¹.

В исследовании трипольской культуры этапными стали раскопки поселения раннего периода у с. Лука-Врублевцевская на Среднем Днестре, проведенные в 1945—1950 гг. С. Н. Бибиковым. Поселение, на котором сохранилось семь углубленных жилищ, было раскопано полностью. Высокий методический уровень раскопок, огромный фактический материал, глубоко проанализированный С. Н. Бибиковым, по праву придали поселению статус эталонного памятника раннего Триполья. Книга о Лука-Врублевцевской² и сейчас, через 27 лет после ее выхода в свет, не утратила своего значения ни в описательной, ни в исторической части.

¹ Пассек Т. С. Периодизация трипольских поселений. — МИА, 1949, № 10, с. 31—41.

² Бибиков С. Н. Поселение Лука-Врублевцевская. — МИА, 1953, № 38.

Новой и интересной была, в частности, точка зрения ее автора по поводу сочетания местных и пришлых элементов в процессе сложения Триполья.

В конце 40-х — начале 50-х годов объектом пристального внимания археологов становится среднее течение Днестра, где в пределах Подолии, Буковины и Северной Молдавии работали крупные экспедиции — Южно-Подольская (М. И. Артамонов)³, Трипольская и Молдавская (Т. С. Пассек)⁴. Здесь было открыто и в разной степени исследовано более десяти раннетрипольских поселений — Берново-Лука⁵, Лука-Устинская⁶, Солончены I и II⁷, Голерканы⁸, Ленковцы⁹. Одновременно изучались и раннетрипольские памятни-

³ Артамонов М. И. Південноподільська експедиція.— АП УРСР, 1949, т. 1, с. 255.

⁴ Пассек Т. С. Раннеземледельческие (трипольские) племена Поднестровья.— МИА, 1961, № 84.

⁵ Там же, с. 42—60.

⁶ Белоновская Т. Д. Раннетрипольское поселение Лука-Устинская.— В кн.: Исследования по археологии СССР. Л., 1961, с. 56—68.

⁷ Пассек Т. С. Раннеземледельческие..., с. 60—69; Мовша Т. Г. Глинябитное жилище раннетрипольского поселения Солончены I.— Изв. Молд. фил. АН СССР, № 5 (25). Кишинев, 1955, с. 5—13; Мовша Т. Г. Многослойное трипольское поселение Солончены II.— КСИА АН СССР, 1965, вып. 105, с. 91—94.

⁸ Пассек Т. С. Раннеземледельческие..., с. 70—79.

⁹ Черний К. К. Раннеотрипольские поселения Ленківці на Середньому Дністрі. К., 1959.

¹⁰ Макаревич М. Л. Середньобузька експедиція по дослідженню пам'яток трипільської культури.— АП УРСР, 1952, т. 4, с. 89—95; Даниленко В. М., Макаревич М. Л. Дослідження на II Сабатинівському ранньотрипільському поселенні в 1949 р.— АП УРСР, 1956, т. 6, с. 134—144.

ки Южного Буга — Сабатинівка II и Греновка¹⁰, Александровка¹¹.

В результате этих работ был получен огромный фактический материал, отражающий все сферы быта, хозяйства, производственной деятельности и духовной культуры древнего населения Юго-Запада СССР. Этот материал пробуждал исследовательскую мысль, способствовал появлению новых идей, воссоздающих сложную картину первоначального заселения и постепенного освоения трипольцами Пруто-Днестровского междуречья во взаимосвязи с жизнью трипольских племен на соседних территориях.

Особую актуальность проблема происхождения Триполья приобрела после открытия В. И. Маркевичем на севере МССР нескольких раннетрипольских поселений, в инвентаре которых прослеживались черты, свойственные нижнедунайской нео-энеолитической культуре Боян. Ранее подобные поселения в небольшом количестве были известны лишь на территории Румынии (Извоаре¹², Ларга — Жижия¹³ и др.). В 1955, 1956—1958 и 1960—1961 гг. Т. С. Пассек¹⁴ провела раскопки поселения у с. Флорешты на левом берегу р. Реут. На поселении были зафиксированы два основных культурных слоя, из которых нижний относится

¹¹ Есипенко А. Л. Раннетрипольское поселение Александровка.— МАСП, 1957, вып. 1, с. 10—23.

¹² Vulpe R. Izvoare. București. Editura Acad. R P R, 1957.

¹³ Александреску А. Д. О второй фазе докукutenской культуры.— Dacia, в. з., т. 5. Bucarest, 1961, p. 21—38.

¹⁴ Пассек Т. С. Новые открытия на территории СССР и вопросы позднего неолитической культуры Дунайско-Днестровского междуречья.— СА, 1958, № 1, с. 28—46; Пассек Т. С. Раннеземледельческие..., с. 183—203.

к неолитической культуре линейно-ленточной керамики, а верхний — к раннему Триполью с чертами культуры Боян. С верхним слоем, весьма насыщенным культурными остатками, связаны 13 углубленных жилищ; зафиксированы также следы наземных сооружений. Многочисленный фактический материал поселения Флорешты свидетельствует о том, что памятники этого типа предшествуют раннетрипольским поселениям, известным на территории Украины и Молдавии. Кроме того, наметилась определенная связь между ранним Трипольем и близкими культурами бассейнов Прута и Дуная¹⁵. Выяснилось, что памятники типа Флорешт сыграли заметную роль в сложении трипольской культуры на территории СССР. Необходимость углубленного изучения и дальнейших поисков этих памятников была очевидной, но преждевременная смерть Т. С. Пассек прервала раскопки во Флорештах и не позволила опубликовать все материалы поселения.

В 1972 г. небольшие раскопки были произведены еще на одном поселении типа Флорешт, также расположенном в бассейне р. Реут у с. Рогожаны Флорештского района МССР. В. И. Маркевич обнаружил здесь две землянки, в которых найден материал с чертами культуры Боян¹⁶.

Накоплению данных о раннем этапе трипольской культуры способ-

ствовали раскопки памятников культуры Прекукутени — румынского аналога раннего Триполья. В 60-е годы исследовались, в частности, поселения Траян-Дялул Вней, Тырпешти и некоторые другие, весьма близкие по своему культурному облику памятникам типа Флорешт. Результаты этих работ недавно суммированы в монографии С. Маринеску-Былку, посвященной культуре Прекукутени¹⁷.

Параллельно с раннетрипольскими памятниками В. Н. Даниленко на Южном Буге и В. И. Маркевич в бассейне Днестра на севере Молдавии исследовали поселения буго-днестровской неолитической культуры. Оба исследователя пришли к выводу о существовании генетической связи между местным неолитом и Трипольем¹⁸.

Материал, поступивший в распоряжение археологов-трипольцев в последние 15—20 лет, поставил перед ними ряд новых задач. Прежде всего, требовалось определить место памятников типа Флорешт в системе раннего Триполья и выяснить, связаны ли эти памятники только с территорией румынской Молдовы и севером МССР, или встречаются также в более северных районах. Необходимо было заново проанализировать материал «классических» раннетрипольских поселений Поднепровья и сопоставить его с материалом памятников типа Флорешт на основе количественных характеристик. Наконец, ощущалась потреб-

¹⁵ *Passek T. Relations entre l'Europe Occidentale et l'Europe Orientale a l'époque Neolithique.*— VI Congrès International des sciences préhistoriques et protohistoriques. Les rapports et les informations des archéologues de l'URSS. Moscou, 1962, p. 3—17.

¹⁶ *Маркевич В. И.* Исследования Молдавской неолитической экспедиции.— Археологические исследования в Молдавии (1972 г.). Кишинев, 1974, с. 26—41.

¹⁷ *Marinescu-Bilcu S. Cultura Precucuteni pe teritoriul României.* București. Editura Acad. RSR. 1974.

¹⁸ *Даниленко В. Н.* Неолит Украины. К., 1969; *Маркевич В. И.* Буго-днестровская культура на территории Молдавии. Кишинев, 1974.

ность в сопоставлении инвентаря наиболее ранних трипольских поселений с материалами поздних памятников неолитической буго-днестровской культуры. Лишь проделав эту работу, можно было на новой основе вернуться к рассмотрению важнейшей проблемы происхождения трипольской культуры на территории Украины и Молдавии. Так как раскопки Флорешт не были завершены, а их материал оставался практически необработанным и неизданным, насущной потребностью стали поиски новых эталонных поселений, особенно в Среднем Поднестровье — районе, где расположены все указанные выше памятники.

Оживлению археологической деятельности в Среднем Поднестровье способствовало начавшееся несколько лет тому назад строительство Днестровского гидроузла. Связанное с ним частичное затопление речной долины вызвало необходимость тщательного обследования обоих берегов Днестра от границы с МССР до устья р. Ничлавы на участке длиной около 250 км. Эти разведки были осуществлены Среднеднестровской экспедицией Института археологии АН УССР в 1968—1971 гг.*, и результатом их явилось нанесение на археологическую карту Среднего Поднестровья более 60 новых памятников трипольской культуры¹⁹.

* С 1945 по 1971 г. Среднеднестровскую экспедицию возглавлял С. Н. Бибиков. Разведки 1968—1971 гг. проведены под руководством автора.

¹⁹ Збенович В. Г. Нові трипільські пам'ятки Середнього Подністров'я. — В кн.: Матеріали XIII конф. ІА АН УРСР. К., 1972, с. 104—105; Бибиков С. М., Гедожигов Г. Л., Збенович В. Г. Розвідки на Середньому Дністрі в 1969 р. — Археологічні дослідження на Україні в 1969 р. К., с. 363—369.

К раннему этапу Триполья относятся 15 местонахождений — столько, сколько было обнаружено в Среднем Поднестровье за все годы его исследований. Это поселения у сел Волошково, Ожево, Непоротово, Михалков, Берново, Кормань, Макаровка, Вороновица Черновицкой обл.; Бернашевка и Березовские хутора Винницкой обл.; Лоевцы, Бабшин и Исаковцы Хмельницкой обл.; Окопы Тернопольской обл. Все эти памятники различны по степени сохранности (есть хорошо сохранившиеся и полностью разрушенные), топографии (от первой надпойменной террасы до края плато), характеру жилищ (землянки, площадки, сочетание землянок и площадок) и инвентаря. Последний позволяет прояснить предварительно хронологическое расчленение новых поселений, отнести их к разным фазам раннего этапа Триполья.

Среди указанных пунктов привлекло внимание поселение, расположенное на левом берегу Днестра близ устья его притока р. Жваи (юго-западная окраина с. Бернашевка Могилев-Подольского р-на Винницкой обл.), где при сборе подъемного материала было найдено несколько фрагментов керамики со специфическим «шахматным» узором, присущим посуде культур Боян и Прекукутени II, а также памятникам типа Флорешт. Дальнейшее обследование поселения показало, что эта керамика составляет довольно значительную группу. При шурфовке были выявлены остатки глинобитных наземных жилищ. Стало ясно, что Бернашевка — первое и пока единственное на Украине поселение типа Флорешт, расположенное в окружении обычных раннетрипольских памятников, близких по составу ин-

инвентаря к Луке-Врублевской. Необходимость полного стационарного исследования памятника не вызвала сомнений.

Раскопки Бернашевского поселения проводились с 1972 по 1975 г. под руководством автора. Исследовано шесть наземных жилищ-площадок; материал раскопок обработан и всесторонне изучен.

Неизменными участниками раскопок были В. И. Балабина, Б. Л. Белопольская, О. Ю. Ковлер, Б. Д. Невенко, Б. Ю. Пустинский, О. А. Цветкова, чью дружескую помощь автор постоянно ощущал и при дальнейшей работе. Геомагнитную разведку на поселении выполнил научный сотрудник Института геофизики АН УССР Г. Ф. Загний. Обработка и анализ фаунистических остатков проведены сотрудниками Института зоологии АН УССР В. И. Бибиковой и А. А. Коваленко. Трассологическое исследование богатого производственного инвентаря Бернашевки осуществили сотрудники Ленинградско-

го отделения Института археологии АН СССР Г. Ф. Коробкова и Н. Н. Скакун. Обследование керамики и обломков обожженной глины с целью обнаружения отпечатков и семян древних злаков и других растений произвела Г. А. Пашкевич. Всем упомянутым коллегам автор выражает искреннюю благодарность.

В настоящей монографии отражены результаты раскопок Бернашевского поселения и последующего анализа полученных данных. Исходя из того, что памятники типа Флорешт практически не опубликованы, автор ставил перед собой задачу ввести в научный оборот большой и интересный материал поселения. Много места в книге уделено вопросу о происхождении Триполья, и это не случайно: материал Бернашевки — наиболее раннего на Украине трипольского памятника — позволяет более уверенно и объективно подойти к решению одной из важнейших и актуальных проблем энеолита на нашей территории.

Глава I

ТОПОГРАФИЯ, СТРАТИГРАФИЯ И ПЛАНИРОВКА ПОСЕЛЕНИЯ. ЖИЛИЩА И ДРУГИЕ ОБЪЕКТЫ

Южный участок Среднего Поднепровья, где расположено поселение Бернашевка, в орографическом отношении связан с юго-западным склоном украинского кристаллического щита — Волыно-Подольской возвышенностью, расчлененной долинами Днестра и его притоков. Днестр протекает здесь с северо-запада на юго-восток, почти не образуя меандров, столь характерных для соседних участков его течения. Отличительной особенностью всего Среднего Поднепровья является почти полное отсутствие правых притоков и густое их развитие на Левобережье (в районе Могилева-Подольского, в частности, в Днестр впадают Жван, Караец, Лядова, Серебряя, Немия и другие реки). Такое развитие гидрографической сети наложило свой отпечаток на формирование рельефа: правый склон долины Днестра крутой, тяготеющий к руслу, в то время как левый — террасирован и расчленен глубокими оврагами. Глубина долины здесь превышает 150 м (при ширине 0,5—1 км); высота же водораздельной поверхности достигает отметки 170—220 м над уровнем воды.

Характерной особенностью местного рельефа являются так называемые цовбы — выступающие мысовидные участки высокого берега с куполообразным или плоским верхом.

Склоны долины Днестра покрыты зарослями кустарников; на прилегающих участках плато, в долинах притоков и глубоких балках часто встречаются участки леса широколиственных пород.

По данным геологов, на непосредственно интересующем нас участке долины Днестра выделяется пять

террас¹. Наиболее древняя (V) сформировалась в первой половине нижнего плейстоцена; IV и III — во второй половине нижнего и в среднем плейстоцене. III терраса высотой 30—35 м над уровнем воды занимает основную площадь долины выше устья р. Жван. В верхнем плейстоцене сформировалась II терраса высотой 20—25 м, выступающая ниже устья р. Жван, т. е. непосредственно в районе поселения. В голоцене завершилось формирование покрова I террасы (10 м над уровнем воды); ее галечниковые отложения перекрыты песками, а выше — толщей делювиальных лессовидных суглинков мощностью до 5—6 м². Более молодыми голоценовыми уровнями являются две поймы — средняя (1,5—3 м над уровнем воды) и низкая (0,5—0,9 м), сложенные гравийно-галечниковыми отложениями, песками и суглинками.

Непосредственно в районе раскопок между коренным склоном и современным руслом Днестра располагаются молодые четвертичные террасы, образовавшиеся преимущественно в результате деятельности р. Жван, о чем свидетельствует их конусовидное строение, характерное для дельтовых отложений (формирование дельты р. Жван происходит и в настоящее время).

Несмотря на сравнительно молодой (голоценовый) возраст первой надпойменной террасы, поверхность ее уже затронута вторичными эрозийными процессами. Следы этих

процессов являются глубокие промоины, возникшие в результате движения талых и дождевых вод по береговым склонам и сброса их в реки Днестр и Жван. Промоины наблюдаются вдоль тылового шва террасы, граничащего с коренным склоном, и связывают тыловой шов с руслами Жвана и Днестра.

Именно эти промоины образовали на сравнительно ровной поверхности первой надпойменной террасы в 200 м ниже (южнее) устья р. Жван небольшой холм — останец, на котором впоследствии возникло раннетрипольское поселение³ (рис. 4; 2).

Холм расположен у края террасы, ширина которой достигает здесь 0,5 км, возвышаясь над ней на 3 м. Высота холма над летним уровнем воды в Днестре — около 9 м. Даже во время самых больших паводков, когда Днестр выходит из берегов и затапливает пониженные участки террасы, его воды не поднимаются выше подножья холма. И в древности Днестр не угрожал поселению на холме: здесь не обнаружены прослойки ила, свидетельствующие о наводнениях (в шурфах у подножья холма они фиксировались неоднократно). Не случайно именно этот небольшой участок (примерно 1,5 га) первой террасы был выбран первыми обитателями. В период заселения холм в общем сохранил современные очертания (овал, слегка вытянутый к югу) и рельеф, хотя, естественно, имел несколько большую площадь. Наибольшая крутизна склонов останца фиксируется на севере (т. е. к руслу р. Жван); на северном участке находятся и наибольшие высот-

¹ *Пиотровская Т. Ю.* Новейшая тектоника и история развития долины р. Днестр в его среднем течении. — Бюл. комис. по изуч. четвертич. периода, 1977, № 47, с. 17—27.

² *Гожик П. Ф., Бойко Р. Д.* Басейни річок рухливої зони. — Стратиграфія УРСР, т. 11. Антропоген. К., 1969, с. 231—234.

³ *Свидокимов Г. Л., Збеневич В. Г.* Раннетрипольське поселення поблизу с. Бернашівка на Вінниччині. — Археологія, 10, 1973, с. 61—65.

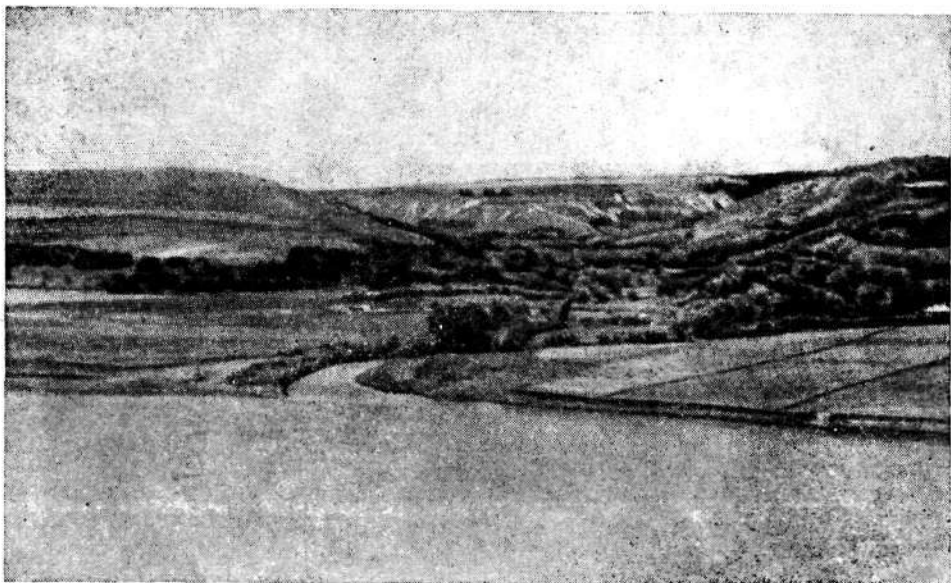

Рис. 1. Вид на поселение Бернашевка с запада.

ные отметки. Крутизна склона к северу от высшей точки поверхности характеризуется перепадом высот в 1 м на 10 м склона. Довольно крутым является и западный склон (к руслу Днестра), на юге и востоке склоны более пологие (перепад высот — 0,1 м на 10 м поверхности).

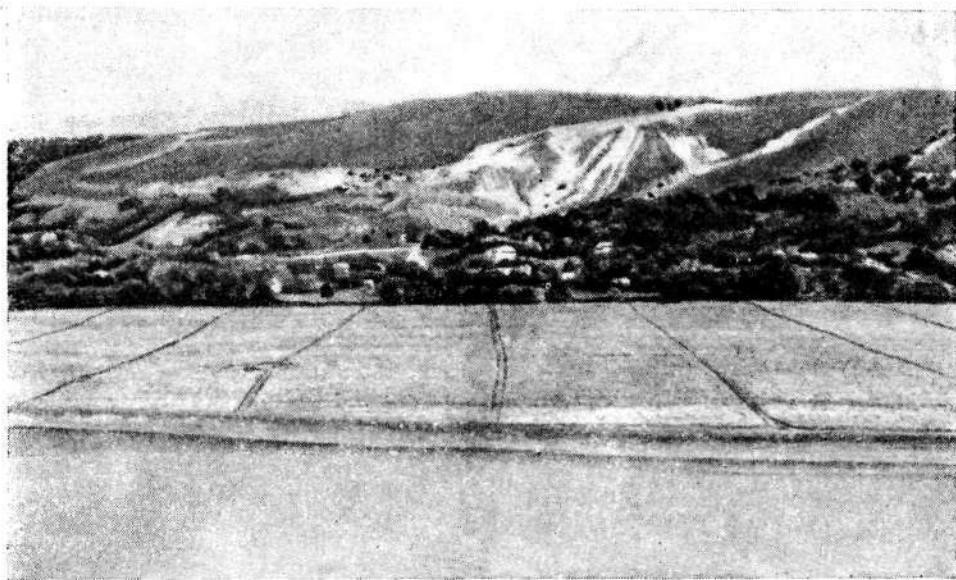
Древнее поселение занимает центральную часть и склоны холма, протянувшись с севера на юг (вдоль берега Днестра) и с запада на восток (в глубь террасы) на 100—110 м. Культурный слой его основательно нарушен: на поверхности в изобилии встречены керамика, кости животных, раковины *Unio* и *Helix*, многочисленные обломки известняка разных размеров, кремневая галька, разнообразные орудия труда, куски глиняной обмазки. По периферии холма подъемный материал встречается гораздо реже. Все это гово-

рит об интенсивном размыве и сносе культурного слоя с высокого участка холма и переоткладывании его на склонах, чему способствовали не только природные процессы, но и постоянная глубокая распашка террасы.

Характеристику почвенной стратиграфии поселения проводим на основании разреза жилища № 5, расположенного на пологом южном склоне холма (мощность пахотного слоя и бурого суглинка может колебаться в зависимости от местоположения участка на холме):

1. Почвенно-растительный слой (гумус) с тонкими корнями растений, рыхлый. Содержит мелкие включения пещины, кости, фрагменты керамики, переотложенные вспашкой. Мощность — 0,3—0,4 м.

2. Бурый плотный суглинок, сильно гумусированный в верхней части.

Контакты с вмещающими породами (как верхней, так и нижней) — нечеткие. В нижней части имеет буровато-серую окраску; с частыми пятнами палево-желтого суглинка по ходам землероев. Книзу заметно светлеет. Во всей толще содержит культурные остатки, особенно обильные на глубине 0,5—0,7 м от поверхности и уменьшающиеся количественно в нижней части слоя. Мощность — 0,7—0,9 м.

3. Суглинок палево-желтый, мелкопесчанистый, с каменистыми включениями (окатанные обломки песчаника) в верхней части слоя. Изредка встречаются культурные остатки, занесенные землероями. Этот слой прослежен до глубины 2,6 м от поверхности.

В 1973 г. научный сотрудник Института геофизики АН УССР Г. Ф. Загний произвел геомагнитную

съемку местности (с использованием магнитометра М-27) для обнаружения глинобитных остатков жилищ. Съемочная сетка, состоящая из квадратов 5×5 м, в углах которых отмечались показания магнитометра, охватила площадь в 10 тыс. м², включая весь холм и его подошву. Съемкой на поселении было обнаружено семь участков с выраженной аномалией по сравнению с окружающей территорией. Аномальные участки, нанесенные на план поселения, представляли собой шесть овальных пятен разных размеров, расположенных по кругу; седьмое пятно находилось в центре круга. Аномальное пятно на северном склоне холма включало раскоп жилища 1, исследованного в 1972 г. Это позволило связывать с наземными глинобитными жилищами и остальные пятна (рис. 3). На аэрофотоснимке мест-

Рис. 2. Ситуационный план поселения.

ности, дешифрованном К. В. Шишкиным, Бернашевское поселение, состоящее из семи жилищ (шесть — по кругу и седьмое — в центре), просматривается весьма четко.

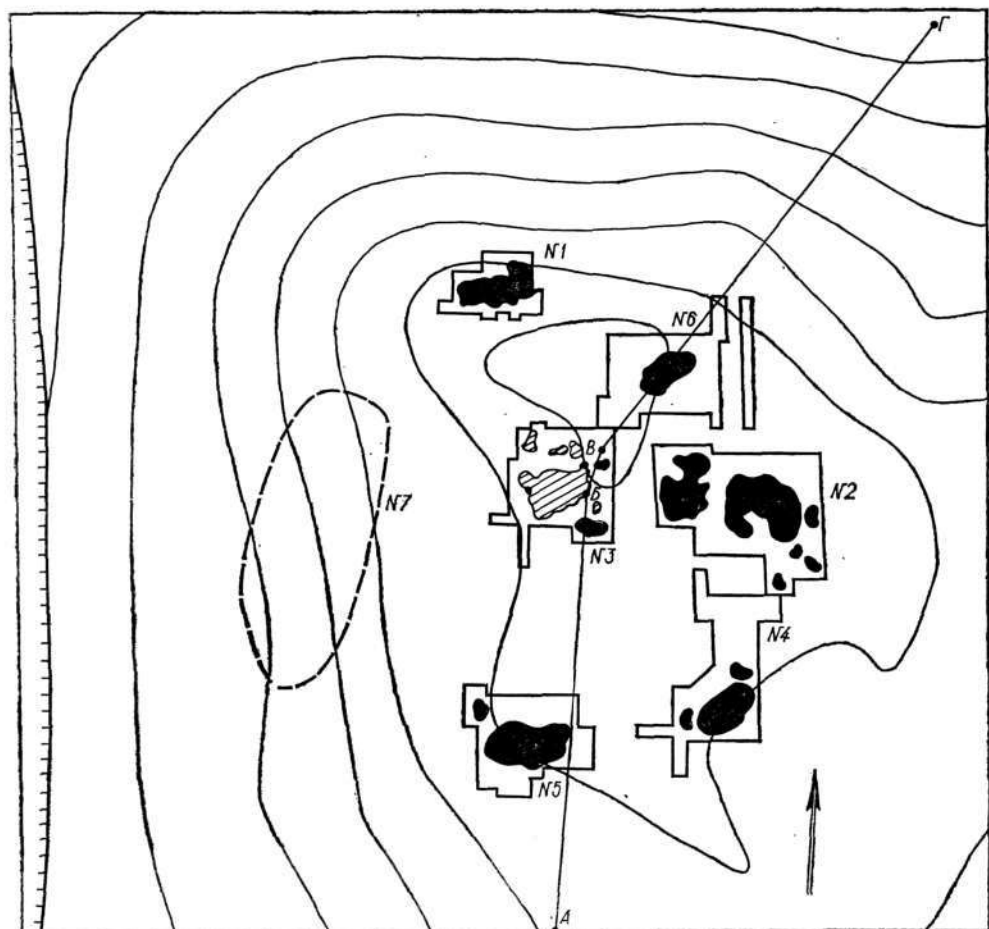
Условия раскопок не позволили вскрыть всю площадь поселения. Раскопы пришлось закладывать непосредственно на месте аномальных пятен, причем в ряде случаев глинобитные остатки жилищ не совпадали с контуром пятна, иногда даже выходя за его пределы. Причина заключается в значительном рассеивании обломков обожженной глины, пе-

реотложенных и растащенных плугом.

Большое аномальное пятно в нижней части западного склона холма связано с жилищем 7. Это жилище, лежащее на незначительной глубине, оказалось полностью разрушенным и не раскапывалось. Здесь на поверхности в изобилии встречены куски обожженной глины, сотни обломков костей животных, фрагментов керамики, орудий труда из кремня, камня, кости и рога, предметы пластики.

Всего за четыре года раскопок на

Профиль по линии АБВГ

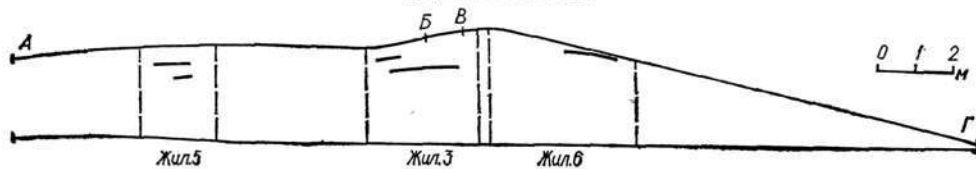

Рис. 3. Общий план раскопок (1972—1975 гг.) и профиль холма:
 а — глинобитные жилища-площадки; б — жилище 3; нижний горизонт.

поселении была раскрыта 1 тыс. м² площади на глубину от 0,7 до 2 м. Все замеры и отсчеты велись от репера — наивысшей точки холма в районе жилища 3. Раскопная сетка состояла из квадратов 2 × 2 м.

Переходим к описанию жилищ и иных объектов, открытых во время раскопок.

Жилище 1 расположено в начале крутого северного склона холма (в западной его части); перепад высот с востока на запад в пределах раскопа составляет 0,3 м на 10 м поверхности, с юга на север — 0,2 м на 4 м поверхности. Глинобитные остатки пола жилища (площадка) залегали непосредственно под пахотным слоем на глубине 0,3 м от поверхности (1—1,1 м от репера). Нивелировка показала, что площадка

лежит почти горизонтально, так как разница между высотными отметками ее восточного и западного краев составляет лишь 0,1 м. Это позволяет предполагать, что участок, на котором строилось жилище, предварительно был спланирован.

Площадка сильно разрушена (рис. 4); ее остатки в виде отдельных скоплений кусков обожженной глины, составляющих массив с рваными краями, протянулись в раскопе на 11 м (при ширине около 2 м). В древности площадка подпрямоугольной формы, ориентированная длинной осью по линии северо-восток — юго-запад, могла достигать в длину 13—14 м при ширине 4,5 м (рис. 5).

Глинобитный пол-настил с примесью половы обожжен в различной

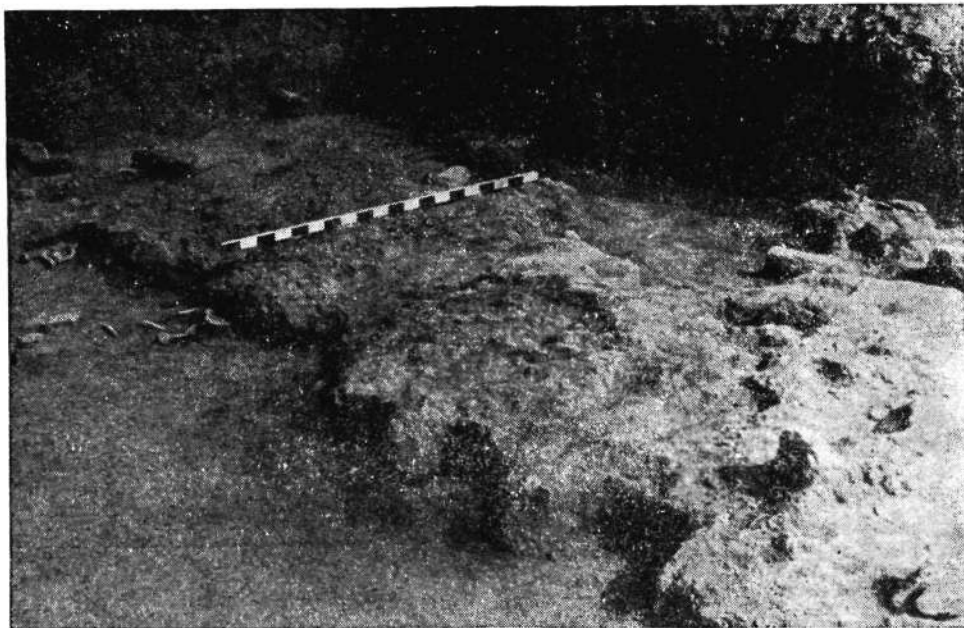

Рис. 4. Жилище 1 (вид с северо-запада).

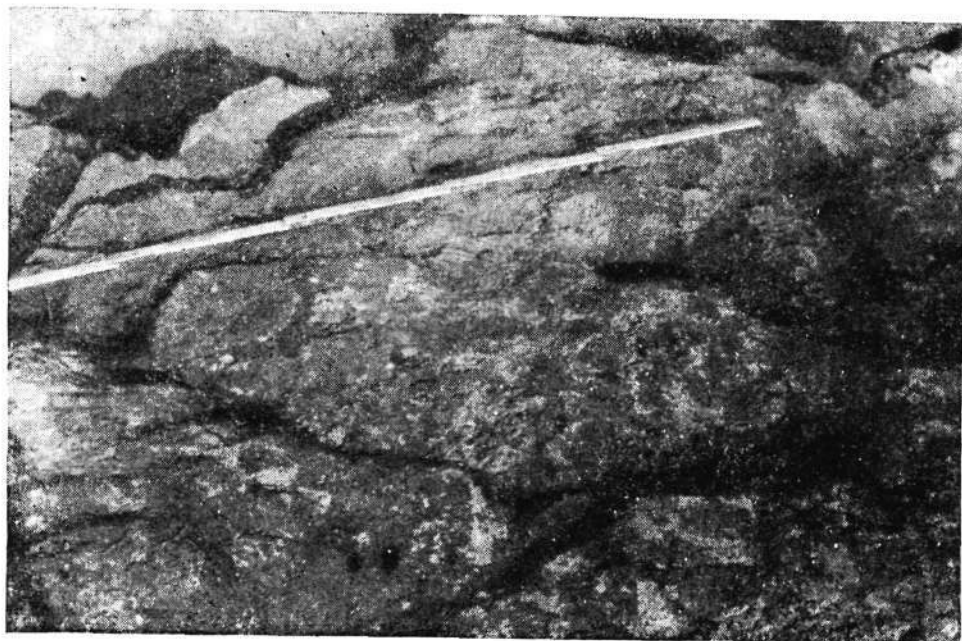

Рис. 6. Остатки пола в центре жилища 1.

степени, поэтому и цвет глины разный — светло-желтый, белесоватый, коричневый. На нижней аморфной части обломков иногда встречаются отпечатки лозы и ветвей деревьев. Толщина настила — 5—6 см, но в центральной его части (кв. В—Г/3) сохранился компактный участок плитчатого пола толщиной 10—12 см. Обломки здесь легко расслаиваются, что свидетельствует о вторичных подмазках пола; верхняя их часть — плоская, ровная (рис. 6). Из-за плохой сохранности площадки не удалось выяснить особенности ее планировки и конструктивные детали. В частности, не обнаружены (или отсутствуют) печи и очаги, обычные для трипольских площадок и легко фиксируемые по характерным остаткам и участкам сильно обожженной,

ошлакованной глины. На западном краю жилища, в кв. А/3 расчищена цепочка плоских глиняных вальков высотой 7—8 см, стоящих на ребре (рис. 7). Вальки тянутся с юго-востока на северо-запад на протяжении 1 м. В кв. В/3 на хорошо сохранившемся участке пола обнаружены две тонкие (3 см) большие глиняные плитки, стоящие на ребре впритык одна к другой. Назначение этих деталей неясно.

В конструкцию жилища, очевидно, входили камни — плитчатые обломки известняка (они иногда достигают в длину 0,5 м), часто встречающиеся вдоль краев площадки. В восточной ее части (кв. Г—Д/2) большие плоские камни залегают непосредственно среди обломков пола, образуя небольшие скопления.

Хотя пахотный слой, перекрывавший площадку, был весьма насыщен культурными остатками, на самой площадке сделано немного находок. Так, обнаружены всего три развала сосудов, причем два из них — уже за краем площадки; найдено также несколько десятков фрагментов керамики, кремневых орудий труда, сланцевый топорик. Вдоль краев площадки, на одном с ней уровне и чуть ниже, находки встречаются гораздо чаще. Это скопления костей и рогов животных, камни (рис. 8). У южного края (кв. В—Г/3) обнаружены два больших турьих рога, лежащие рядом с крупными камнями на расстоянии 1 м друг от друга. На восточной оконечности площадки и рядом с ее краем найдены многочисленные кости и рога животных,

кремневые изделия, камни. Здесь же обнаружен боевой топор из рога оленя. Вообще, восточная половина площадки более насыщена материалом, нежели западная, что, возможно, указывает на разное назначение этих частей постройки: жилая половина и хозяйственная.

Значительное количество находок встречено и непосредственно под площадкой в слое закопченного грунта мощностью 0,15 м. Одиночные находки встречаются до глубины 0,4—0,5 м; ниже, в желтом суглинке, они отсутствуют.

Плохая сохранность жилища 1 и незначительная глубина его залегания сказались на количестве инвентаря, полученного в результате раскопок. Отсюда происходит более двухсот разнообразных орудий труда

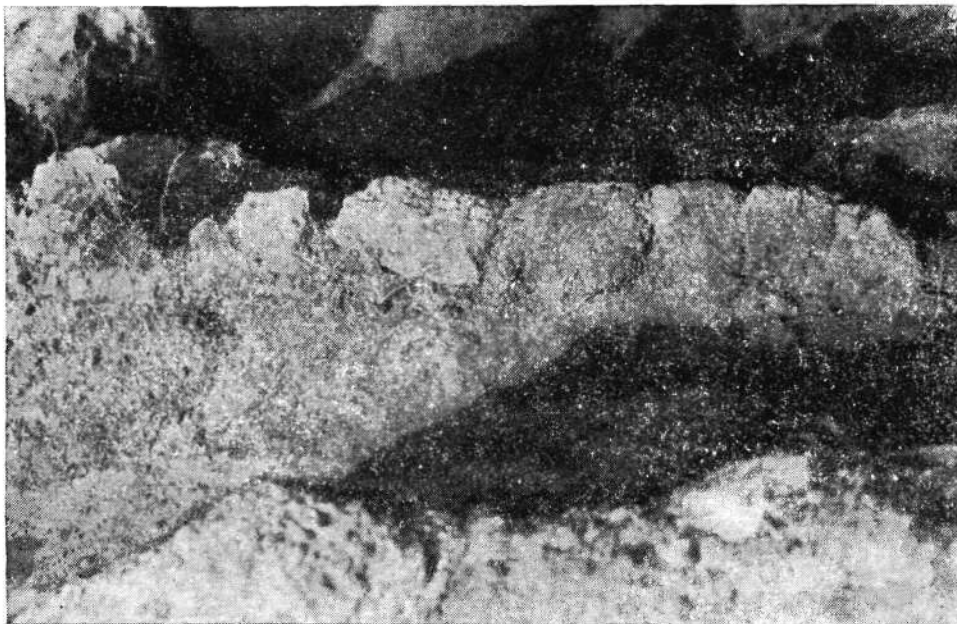

Рис. 7. Жилище 1. Глиняные вальки в кв. А/3.

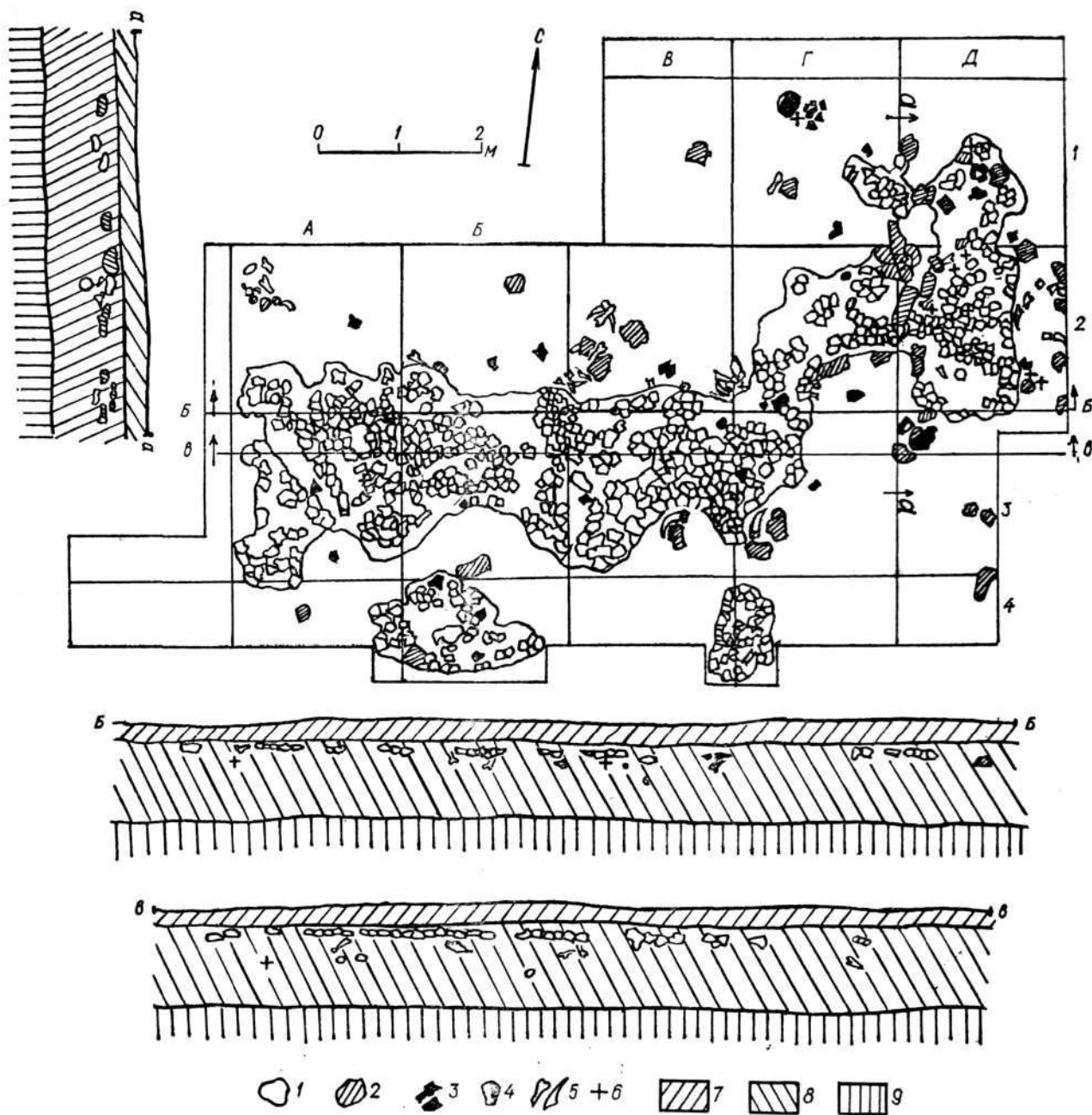

Рис. 5. Жилище 1. План и разрез:

1 — обломки обожженной глины; 2 — камни; 3 — фрагменты керамики; 4 — каменные топоры; 5 — кости животных; 6 — кремни; 7 — гумус; 8 — темно-бурый суглинок; 9 — желтый суглинок.

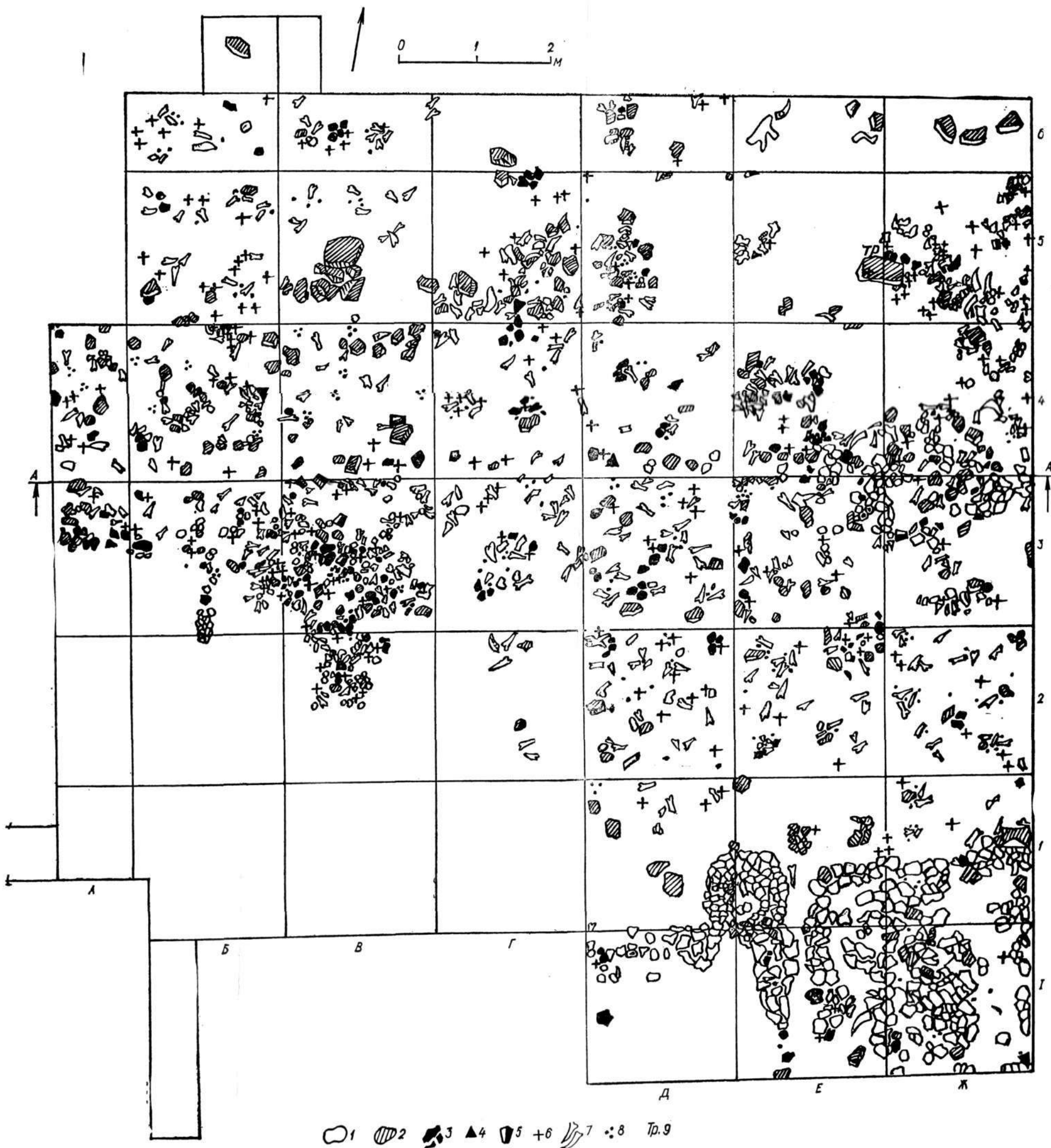

Рис. 13. Жилище 3 (верхний горизонт). План:

1 — обломки обожженной глины; 2 — камня; 3 — фрагменты керамики; 4 — глиняные статуэтки; 5 — каменные топоры; 6 — кремь; 7 — кости животных; 8 — створки раковин; 9 — подпери-польские материалы.

Рис. 8. Скопление культурных остатков у северного края жилища 1.

из кремня, камня, кости и рога. Заметно преобладают кремневые изделия — нуклеусы (48), отбойники (12), отжимники-ретушеры (3), скребки, преимущественно на отщепе (около сотни) вкладыши серпов на пластинках (2), орудия для обработки дерева — скобели (20), пластинки-ножи различного назначения (36), сверла (4), резцы и резчики (7). Некоторые орудия являлись комбинированными, полифункциональными (сверло-скобель, резец-скребок и т. д.).

Из местных пород сланца изготовлены орудия для обработки дерева — топоры, тесла, стамески (9). Роговые изделия представлены боевым топором и небольшой мотыжкой. Из обломка трубчатой кости животного сделано небольшое пило.

С жилищем 1 связаны 832 фрагмента керамики — остатки 186 сосудов.

48,4% всех сосудов составляет керамика I группы. Она имеет в тесте примесь грубо измельченного шамота, поверхность ее шероховатая, часто со следами пальцевого сглаживания. Эта группа посуды (она может быть квалифицирована как кухонная) представлена в основном округлотелыми и банковидными горшками, мисками и так называемыми фруктовыми — плоскими вазами — тарелками на полый цилиндрической подставке.

36,6% сосудов относятся ко II группе, обычной для всех раннетрипольских поселений. В нее входит керамика из хорошо отмученной глины с примесью мелкого песка (столовая посуда). В основном — небольшие округлотелые или ребристые горшочки с хорошо залощенной поверхностью, украшенные канделюра-

ми, врезанными линиями, оттисками гребенчатого штампа.

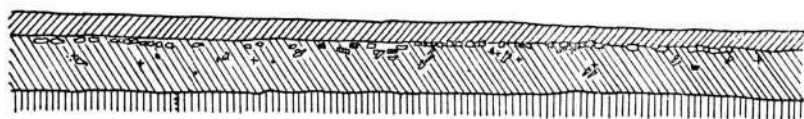
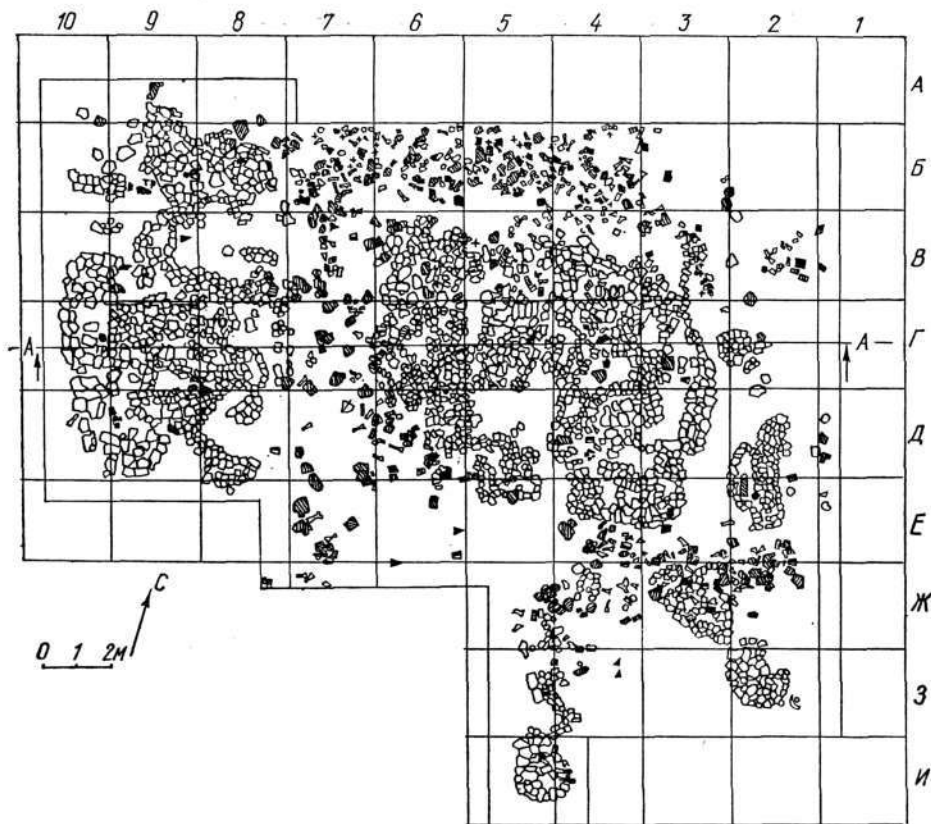
III группа керамики включает 15% всех сосудов. В ее глине содержится примесь шамота, не столь обильная, как в кухонной посуде, к тому же шамот мелко истолчен. В качестве примеси использовался также песок. Поверхность сосудов тщательно заглажена, залощена и украшена орнаментом из врезанных узких линий в спиральных и угловых композициях. Именно на этой посуде, представленной фруктовыми, грушевидными горшками и крышками в виде опрокинутого современного блюда, встречается орнамент, свойственный культуре Боян — шахматный узор, врезанные узкие треугольники («волчьи зубы») и пр.

Наконец, следует упомянуть о двух обломках глиняных женских статуэток; небольшим количеством антропоморфной пластики площадка № 1 заметно отличается от всех остальных жилищ.

Раскопанная площадка № 1 дала некоторое представление о типе остальных жилищ на поселении, степени их сохранности и видах инвентаря.

Жилище 2 расположено на пологом восточном скате холма, где перепад высот с запада на восток составлял 0,4 м на 16 м поверхности. Площадка залегает на глубине 0,45—0,5 м от поверхности (1,1—0,9 м от репера), непосредственно на склоне, без предварительной его планировки. Она имеет подпрямоугольные очертания и длинной осью ориентирована по линии запад — восток. В длину площадка достигала 18—19 м, в ширину — около 8 м (рис. 9). Сохранность площадки плохая: глинобитный пол как бы разорван на участки с рваными краями. В глине заметна

○-1 ●-2 ◐-3 ▲-4 ▽-5 +-6 Δ-7 ∴-8 Тр-9 ▨-10 ▩-11 ▤-12

Рис. 9. Жилище 2. План и разрез:

1 — обломки обожженной глины; 2 — камни; 3 — фрагменты керамики; 4 — глиняные статуэтки; 5 — каменные топоры; 6 — кремень; 7 — кости животных; 8 — створки раковин; 9 — позднетрипольские материалы; 10 — гумус; 11 — темно-бурый суглинок; 12 — желтый суглинок.

растительная примесь; на отдельных плитчатых обломках снизу видны отпечатки лозы. Обжиг неравномерный; цвет варьирует от ярко-красного до серовато-желтого. В юго-западном углу (кв. Д/8—9) небольшой

участок пола сильно обожжен, покрыт зеленоватой коркой шлака. Возможно, здесь находился очаг. Глинобитный настил основательно разрушен, потрескался, расслоился и на разных участках выглядит

по-разному. Местами сохранились его фрагменты толщиной 10—12 см, залегающие более или менее компактно и горизонтально на площади 1—2 м² (в частности, в кв. Г—Д/4—5), но чаще всего фиксируются рваные бесформенные обломки и комья обожженной глины (рис. 10).

В плане площадка делится на две части: западная (1/3 всей ее площади) отделена от восточной своеобразным коридором шириной до 1,5 м, где почти нет обломков глины, но встречено много известняковых камней. По характеру находок эти две камеры ничем не отличаются одна от другой; обе, очевидно, имели жилое назначение. В восточной части большой камеры (кв. Г/5) расчищено несколько плоских вальков с желобча-

тым углублением сбоку, стоящих на ребре и образующих подковообразную фигуру (ширина ее устья — 1 м), как бы врезанную в глинобитный пол. Последний здесь сильно разрушен и судить о назначении этой конструктивной детали трудно.

В значительном количестве на площадке встречены обломки известняка с уплощенной поверхностью, сосредоточенные в основном вдоль краев пола и в уже упоминавшемся проеме, разделяющем две камеры жилища. Возможно, камни эти входили в конструкцию, являясь какими-то архитектурными деталями, но их роль в архитектуре жилища неясна из-за фрагментарности последнего.

Вдоль северного края площадки, уже за ее пределами, зафиксирова-

Рис. 10. Остатки пола в центральной части жилища 2.

но скопление костей животных, большое количество мелких и средних камней, раковины *Unio*, отщепы и орудия из кремня. Фрагментов керамики сравнительно немного. Мощность этого скопления культурных остатков — 15 см, очевидно, мы здесь имеем дело с бытовыми отходами, выброшенными за пределы жилища (рис. 11).

На глинобитном полу жилища, между его обломками, в значительном количестве встречены фрагменты раннетрипольской керамики (развалы сосудов практически отсутствуют), кости и рога животных, кремневые орудия труда и отщепы, антропоморфные статуэтки (рис. 12). В кв. Ж/4 на южном краю площадки найден череп быка, а рядом с ним — цилиндрическая подставка фруктошницы. В верхней части культурного слоя, иногда прямо на площадке, изредка встречается материал позднетрипольского времени — фрагменты красноглиняной столовой посуды, два кремневых клиновидных топорика и пикообразное массивное орудие.

Материал беспорядочно разбросан в пределах площадки; в его ассортименте, количестве и размещении не улавливается связь с каким-либо конкретным функциональным назначением той или иной части жилища.

При разборке площадки под ней, а также за ее пределами зафиксирован культурный слой, состоящий главным образом из больших костей и рогов животных (в кв. 3/2 в юго-восточном углу площадки сразу же под ней обнаружен большой череп быка). Много также камней; керамики и орудий труда обнаружено немного. Прокопка показала, что мощность культурного слоя под площад-

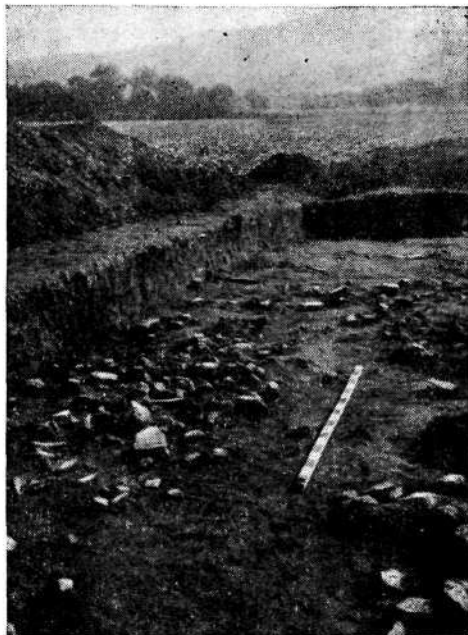

Рис. 11. Скопление культурных остатков у северного края жилища 2.

кой составляет около 0,4 м, причем в нижней части темно-бурого суглинка находок уже почти нет. Культурные остатки залегают во взвешенном состоянии, не составляя четких скоплений.

Материал, добытый при раскопках жилища 2, богат и разнообразен. Среди производственного инвентаря (более 1000 предметов) преобладают изделия из кремня. Это разнообразные нуклеусы — призматические, конусовидные, аморфные (всего около 50); отбойники (3), отжимники — ретушеры (13); скребки на отщепках (529) и пластинах (19); сверла (23); скобели (113); вкладыши серпов (16); развертки (5); пилки (4); разнообразные резцы и резчики (29); пластинки — ножи

разного назначения (219); пластинки-скребки и др. Многие изделия из кремня являются орудиями комбинированными, полифункциональными. Особо следует отметить два орудия — отжимник-ретушер на пластинчатом скребке и развертку на пилке, — изготовленные из кремня специфического кофейного цвета. Месторождение такого кремня известно на нижнем Дунае, в Добрудже, откуда, очевидно, и происходят эти изделия.

Из местных пород мягкого сланца изготовлен набор плотницких инструментов — тесла, топоры, стамес-

ка (15), мотыги для обработки земли (2), отжимники-ретушеры (2). Из песчаника сделано рубящее орудие и цилиндрический пестик для растирания зерна.

Костяные изделия представлены пятью шильями и целым рыболовным крючком. Найдена также обушковая часть роговой мотыги и обломок рога со следами надпила кремневой пилкой.

К украшениям относятся многочисленные створки раковин *Unio* с отверстиями, прямоугольная бляшка, вырезанная из такой створки и снабженная четырьмя сквозными от-

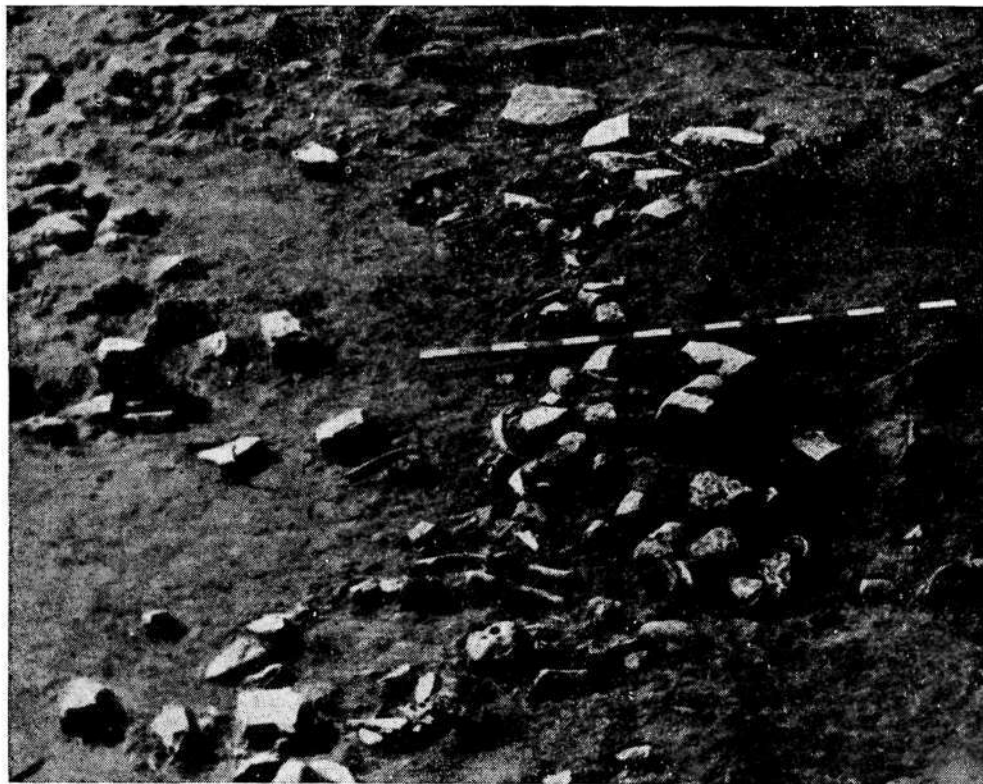

Рис. 12. Жилище 2. Скопление культурных остатков в кв. Б—В/7.

верстиями, плоская овальная каменная подвеска.

Керамика представлена 2626 фрагментами от 661 сосуда. Больше половины сосудов (54,2%) относятся к I группе (так называемая кухонная посуда). Это большие широко открытые горшки с округлым слабо профилированным туловом, котловидные горшки, широко открытые миски, жаровня с невысоким косым бортиком, цедилки со сквозными отверстиями в стенках. Обычно кухонная посуда украшена рядами пальцевых зашипов, насечками, налечами.

Керамика II группы (столовая) составляет 32,8%. Доминирующая форма — округлотелый горшок небольших и средних размеров со слабо выраженными плечиками и невысоким прямым венчиком. Отдельную группу составляют горшки с высоким горлом в виде усеченного конуса в широком приплюснутым реповидным туловом. Нижняя часть такого горшка обычно сужена в виде невысокого цилиндра. К этой группе принадлежат и небольшие черпаки с плоскими или округлыми в сечении ручками. Столовая посуда, как правило, украшена рядами каннелюр в сочетании с оттисками гребенчатого штампа, наколами, насечками, врезанными линиями в угловых или спиральных композициях.

Лишь 13% посуды относится к III группе. Это сосуды с примесью мелкоколченого шамота и песка, хорошо заглаженной, залощенной поверхностью. Ведущей формой является уже упоминавшаяся фруктоvníца на высокой полой цилиндрической подставке. Встречаются также раздутые грушевидные сосуды со стянутым узким горлом и цилиндрической придонной частью. Много крышек разных размеров, снабжен-

ных невысокой цилиндрической ручкой с грибовидной шляпкой. Обычно эта керамика украшена врезным спиральным орнаментом; реже встречается выемчатый шахматный узор, удлиненные треугольные выемки («волчьи зубы»), овальные или подпрямоугольные наколы, вмятины и т. д. Иногда орнамент этот заполнен белой пастой.

В жилище 2 найдено более 20 глиняных антропоморфных статуэток, передающих женскую фигуру с подчеркнутой стеатопигией — образец пластики, обычной для всех ранне-трипольских поселений. Нестандартной является статуэтка, верхняя часть которой имеет вид призматического столбика с плоским срезом; нос передан щипком, глаза — косыми черточками, рот — большой горизонтальной вмятиной. Единичным экземпляром представлена схематизированная статуэтка в виде плоского глиняного брусочка с зубчатыми краями.

К зооморфным пластическим изображениям относятся фигурка бычка, изображенного в профиль, и плоская ручка ковшика, конец которой оформлен в виде головы быка с крутыми рогами.

Жилище 3 расположено в центральной части холма, в центре круга, образованного остальными шестью жилищами. Участок, занятый жилищем, сравнительно ровный: перепад высот с севера на юг составляет здесь около 0,2 м на 13 м поверхности. В раскопе площадью 150 м² зафиксировано стратиграфическое залегание культурных и строительных остатков, позволяющих говорить о наличии здесь двух горизонтов.

Верхний горизонт проявляется уже на первом штыхе в виде культурного слоя мощностью около 30 см

(0,25—0,5 м от репера), расчищенного по всей площади раскопа, но залегающего неравномерно (рис. 13). Так, в западной половине раскопа, особенно в кв. Б—В/3, расчищены значительные скопления культурных остатков — многочисленные кости и рога животных, фрагменты керамики (в том числе несколько целых маленьких сосудиков), кремневые изделия, сланцевые топоры, предметы пластики (рис. 14). Не обнаружено ни одного развала сосуда. Обломки обожженной глины встречаются лишь спорадически. Такая же

картина зафиксирована и вдоль восточной границы раскопа. Привлекает внимание северо-восточный угол (кв. Е—Ж/4—5, Г—Д/5), где найдено очень много отщепов, нуклеусов и орудий труда из кремня. Повсеместно встречаются камни мелких и средних размеров. В центральной части раскопа культурный слой разрежен, видимо, сильно разрушен.

Собственно строительные остатки — обрывки наземного глинобитного жилища — зафиксированы лишь у восточного края раскопа в кв. Д—Ж/1—Г (рис. 15). На площади

Рис. 14. Жилище 3 (верхний горизонт). Скопление культурных остатков в западной части раскопа.

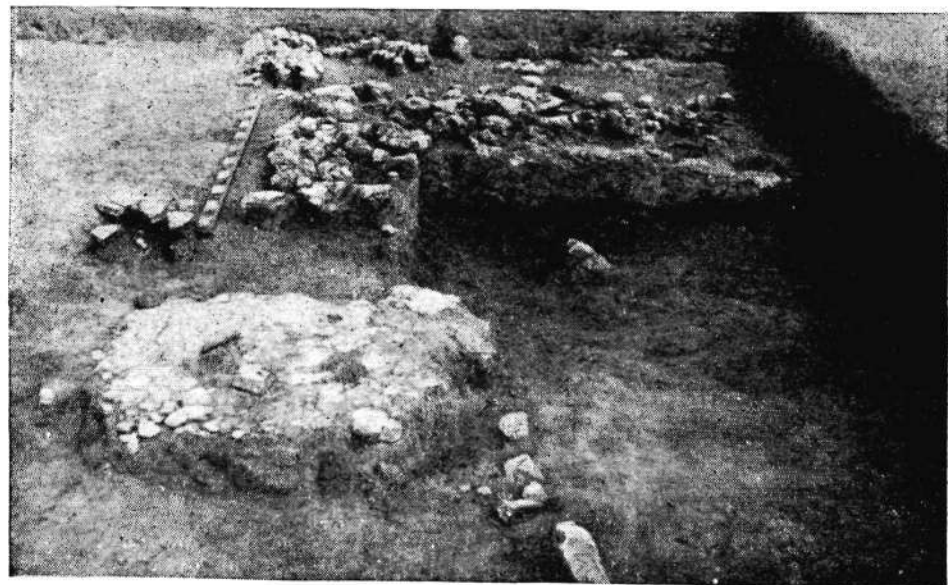

Рис. 15. Жилище 3 (верхний горизонт). Восточная часть раскопа.

Рис. 16. Жилище 3 (верхний горизонт). Остатки пола и под печи.

13 м² здесь обнаружен более или менее компактный участок глинобитной площадки, сильно разрушенной и расслоившейся (рис. 16). Уровень залегания площадки — 0,26—0,33 м от репера, т. е. непосредственно на первом штыхе. Глина содержит обильную примесь половец, крупнотолченых створок раковин и в зависимости от обжига имеет красновато-кирпичный или желтый цвет. Обломки глинобитного настила толщиной 10 см снизу иногда имеют отпечатки лозы.

Уже за пределами глинобитного пола, в кв. Е—Д/1, находился округ-

лый в плане участок тонкой плитчатой обмазки диаметром 1,1 м. Гладкая ровная обмазка потрескалась, но в целом сохранила свой первоначальный вид и очертания; уровень ее залегания — 0,4 м, а слегка покатым восточный край дает отметку 0,48 м. Южная часть обмазки перекрыта бесформенными комьями обожженной глины. Мощность плитчатой обмазки — 5 см. Грунт под ней заметно обожжен, содержит примесь мелких угольков. Непосредственно на обмазке лежали рог тура и несколько камней средних размеров (рис. 17).

Рис. 17. Жилище 3 (верхний горизонт). Остатки пола печи.

На остатках площадки и среди ее обломков встречены фрагменты керамики, кости животных, кремневые изделия и камни.

Крайняя фрагментарность глинобитных остатков не позволяет судить о форме, размерах и конструктивных особенностях жилища. Лишь характерные признаки описанного выше округлого участка тонкой плитчатой обмазки позволяют рассматривать его как под печи.

Культурный слой за пределами жилища, очевидно, непосредственно связан с функционированием последнего (бытовые и кухонные отбросы). Участок же с повышенной концентрацией кремневых изделий и отходов кремнеобработки (кв. Е—Ж/4—5 и Г—Д/5) можно рассматривать как рабочую площадку или мастерскую.

Нижний горизонт зафиксирован на глубине 0,6—0,8 м от репера и по характеру своему заметно отличается от верхнего. Большую часть раскопа на уровне нижнего горизонта занимают остатки глинобитного жилища (рис. 18); мощные скопления культурных остатков за его пределами отсутствуют. Площадки, связанные с двумя горизонтами (одна лежит ниже другой на 0,3—0,5 м), в плане не совпадают. Так, в юго-восточном углу раскопа, где были сосредоточены остатки глинобитного пола верхнего горизонта, нет никаких следов площадки нижнего горизонта. И, наоборот, — в центральной и северной частях раскопа, где на глубине 0,25—0,5 м были зафиксированы скопления культурных остатков, но без следов обожженной глины, уже на уровне 0,6—0,65 м от репера залегала площадка нижнего горизонта (рис. 19; 20). Непосредственная стратиграфия остатков глинобитных площадок обоих горизон-

тов зафиксирована лишь на очень небольших участках в кв. Е/3 и Е/1.

Глинобитный пол жилища нижнего горизонта сильно разрушен, разорван, поэтому определить истинные размеры и форму жилища нелегко. Похоже, что это была прямоугольная постройка размерами 12 × 8 м, ориентированная длинной осью по линии север — юг. Жилище построено без предварительной планировки поверхности; глина была уложена на каркас из лозы и толстых веток деревьев. Мощность глинобитного настила колеблется от 6—8 см до 15—17 см (в кв. Г/2—3). На северо-западном краю жилища (кв. Б/5—6) сохранился наименее разрушенный участок пола длиной 2,5 и шириной 1 м, состоящий из плитчатых обломков ярко-красного цвета мощностью 8—12 см (рис. 21).

О наличии каких-то конструкций внутри жилища мы можем судить по нескольким продолговатым плоским глиняным валькам (кв. Б/3 и Г/4), уложенным дугообразно, а также по обломкам «лекальных» вальков в кв. Д/5, однако характер их неясен из-за крайней фрагментарности этих сооружений. В кв. В/3—4, судя по ошлакованной до лимонного цвета глине, мог находиться очаг или печь; тут же найдено много керамики и камней. Рядом (кв. В/2—3), у края площадки под обломками пола, расчищена яма диаметром и глубиной 0,5 м, в которой находились развал большого сосуда — зерновика, часть кухонного горшка и фрагменты венчиков девяти кухонных сосудов (все находки сильно обожжены).

Непосредственно на площадке и между ее обрывками обнаружено много камней — плитчатых обломков известняка разных размеров. В кв. Д/3 найден камень в виде высокой призмы

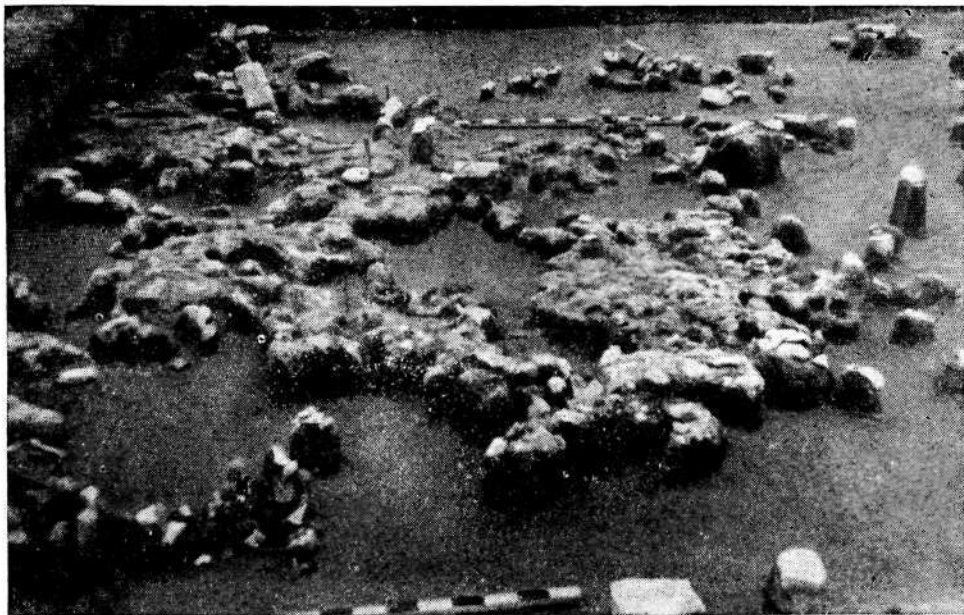

Рис. 19. Южная половина жилища 3 (нижний горизонт).

Рис. 20. Северная часть жилища 3 (нижний горизонт).

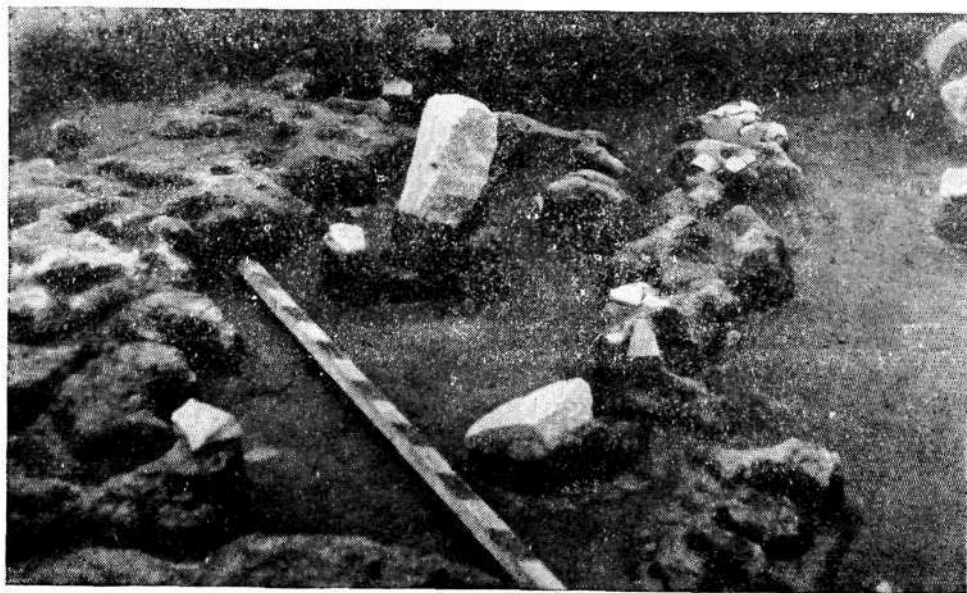
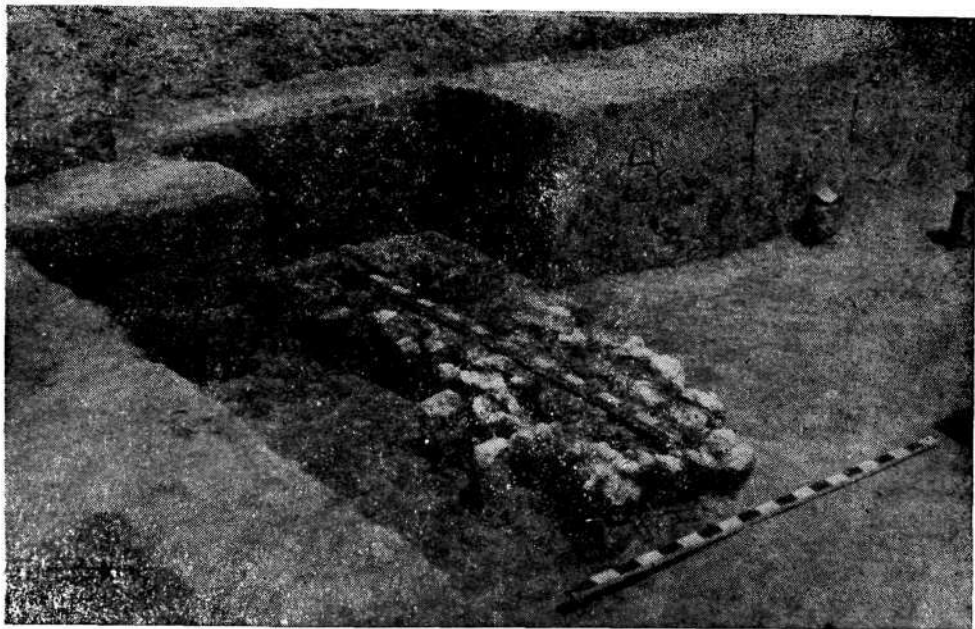

Рис. 21. Жилище 3 (нижний горизонт). Остатки поля в кв. Б/5—6.

Рис. 22. Жилище 3 (нижний горизонт). Камни в кв. Д/3.

(рис. 22), возможно, вкопанный в землю вертикально (верхний его срез зафиксирован на глубине 0,37 м, основание — на глубине 0,7 м). Много камней найдено уже за пределами площадки; они как бы окаймляют ее. Так, вдоль южного края жилища на глубине 0,7 м в кв. Д/1 открыты узкие плитчатые обломки известняка, примыкающие друг к другу. Эта выкладка длиной около 2 м, возможно, выполняла роль оградки или входила в фундамент стенки (рис. 23).

Повсеместно на площадке найдены многочисленные кости животных, орудия труда из кремня, кости и рога, фрагменты керамики и развалы целых сосудов. Последние обнаружены на юго-западном краю площадки (кв. Д/2—3; В/1—2 (рис. 24), на ее восточной границе (кв. Д/2, Е/3). Особенно большое скопление развалов сосудов зафиксировано уже за пределами площадки у ее северо-восточного угла (кв. Е/5, Ж/4—5). Здесь найдены остатки 15 сосудов, в том числе «фруктовниц», крышек, больших кухонных горшков (рис. 25). Возможно, здесь находилась кладовая или легкая пристройка, где хранились сосуды с припасами.

Вдоль южной и северной границ жилища в большом количестве встречаются кости и рога животных. В кв. Е/1, например, распичено небольшое скопление костей и раковин *Unio*; здесь же найден кремневый отбойник. В соседнем квадрате Д/1 такой же отбойник лежал рядом с роговым топориком и костями животных между большими плитчатыми кусками известняка. Очевидно, у края жилища находились участки, связанные с какими-то хозяйственными занятиями (разделкой мяса, обработкой сырья и т. д.).

Жилище нижнего горизонта несет

явные следы пожара: это обгоревшие, оплавленные сосуды, перегоревшие кремневые и сланцевые орудия труда, следы нагара на глине площадки. Грунт под площадкой (особенно в южной ее части) и кости животных, встреченные здесь, местами обожжены до черноты. Весьма вероятно, что постройка погибла в огне. Спустя некоторое время на ее месте был выстроен новый дом, менее «капитальный» и почти не совпадающий со старым по площади.

Прокопка грунта под площадкой позволила обнаружить наличие нижежащего культурного слоя (преимущественно кости животных, камни, немного фрагментов керамики) мощностью около 30 см, связанного со средней частью бурого суглинка.

О том, что оба строительных горизонта разделены небольшим промежутком времени, свидетельствует полное сходство инвентаря двух жилищ, проявляющееся в идентичности форм и орнаментальных сюжетов керамики всех технологических групп, в процентном соотношении этих групп, наборе орудий труда и предметов пластики. Заметно лишь неравное соотношение кремневых изделий в пользу верхнего горизонта, где, по-видимому, находилась мастерская по обработке кремня, связанная с жилищем. Исходя из вышеизложенного, описание вещественного материала даем суммарно для обоих жилищ.

Кремневый инвентарь представлен более чем 1 тыс. предметов. Это пуклеусы разных типов (133), отбойники (27), отжимники-ретушеры (10). Среди орудий преобладают скребки на пластинках и отщепцах (560), ножи на пластинках (82), вкладыши серпов (16), скобели (71), резцы и резчики (29), сверла и про-

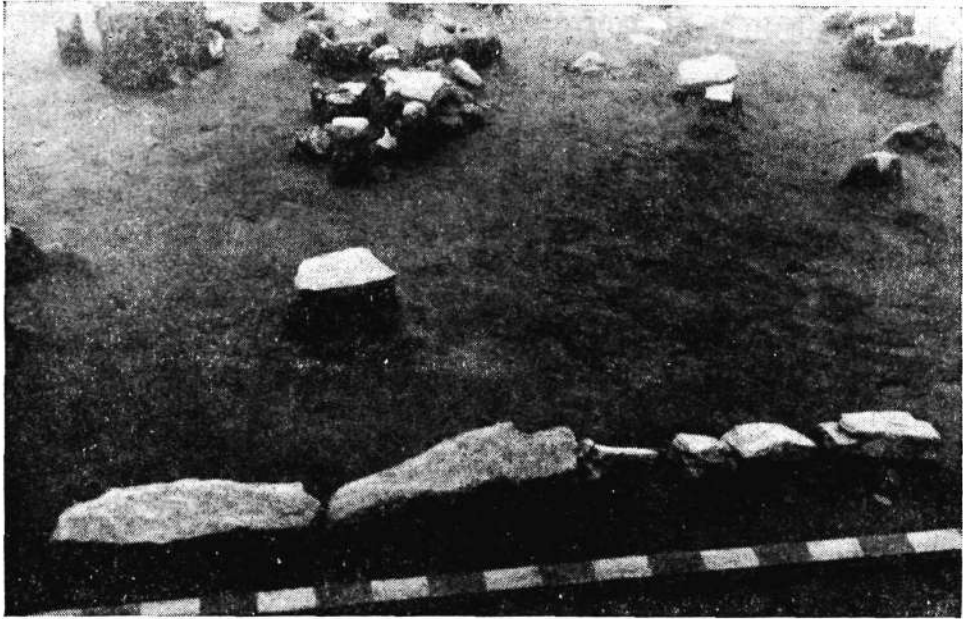

Рис. 23. «Оградка» у южного края жилища 3 (нижний горизонт).

Рис. 24. Развалы сосудов у юго-западного края жилища 3 (нижний горизонт).

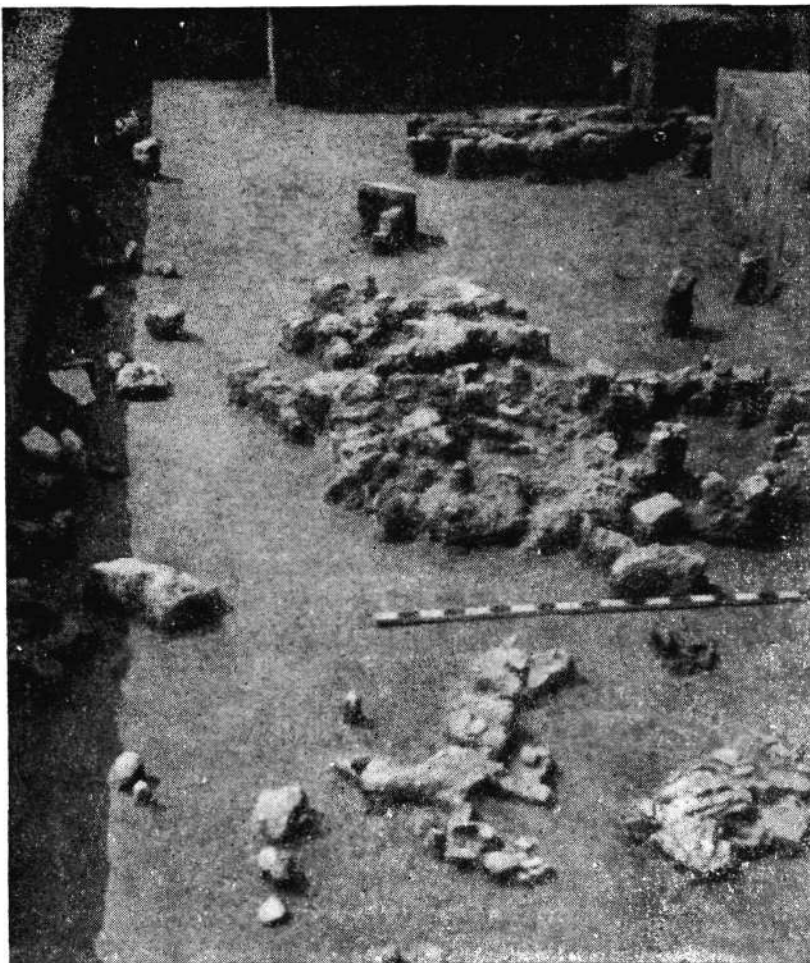

Рис. 25. Развалы сосудов у северо-восточного края жилища 3 (нижний горизонт).

колки (19), развертки, пилки и т. д. Привлекают внимание два микролитических кремневых изделия удлиненно-ромбической формы — первая находка геометрических микролитов в Бернашевке.

Из мягких сланцевых пород изготовлены в основном плотницкие инструменты — топоры, тесла, ста-

мески (15), мотыги для обработки земли (4). Из камня твердых кристаллических пород изготовлены два топора.

Набор костяных орудий состоит из 12 шильев, кочедыка для плетения, ткацкого челнока и рыболовного крючка. Из рога оленя сделаны два шила, шесть разных мотыг,

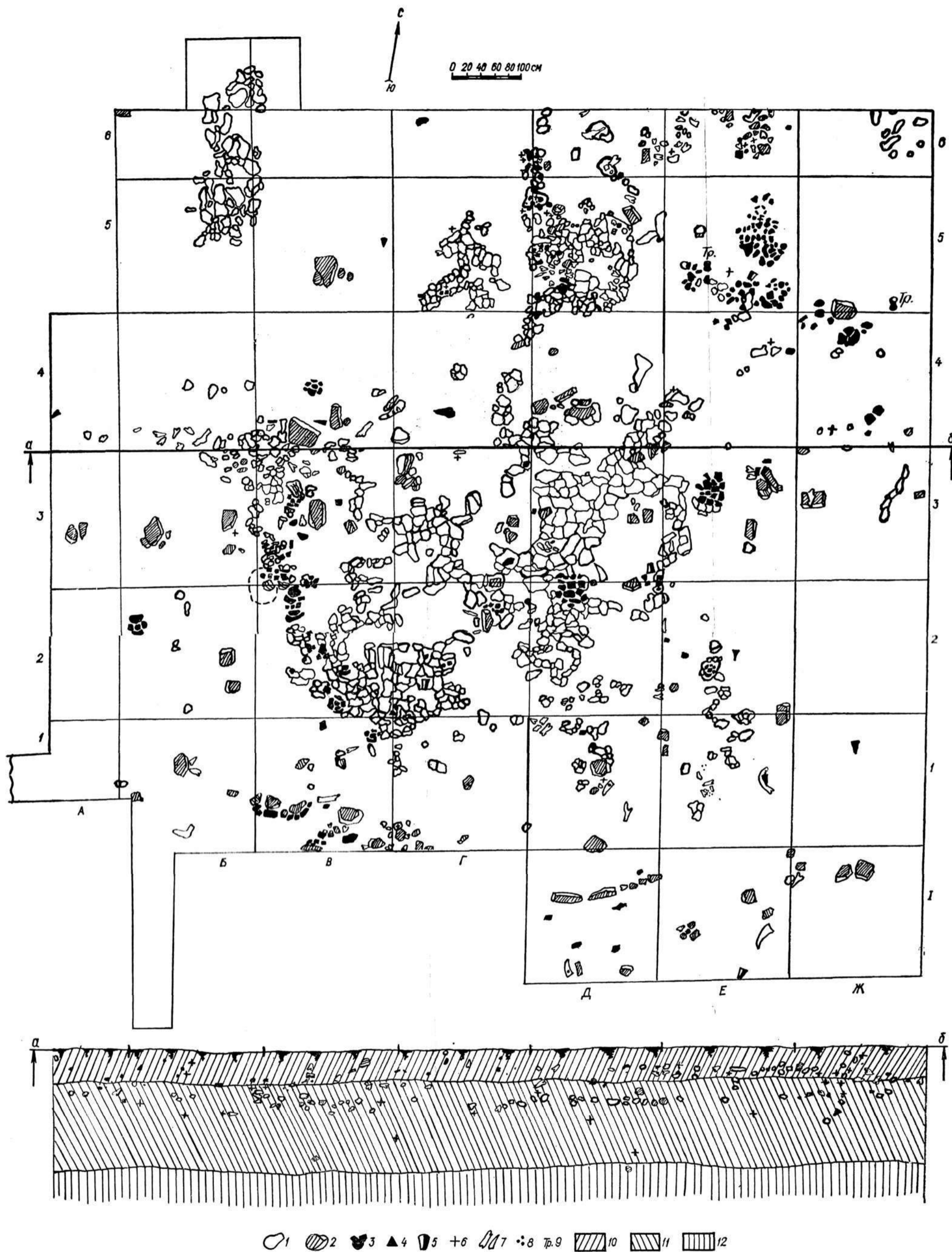

Рис. 18. Жилище 3 (нижний горизонт). План и разрез.

1 — обломки обожженной глины; 2 — камни; 3 — фрагменты керамики; 4 — глиняные статуэтки; 5 — каменные топоры; 6 — кремь; 7 — кости животных; 8 — створки раковин; 9 — позднегрипольские материалы; 10 — гумус; 11 — темно-бурый суглинок; 12 —

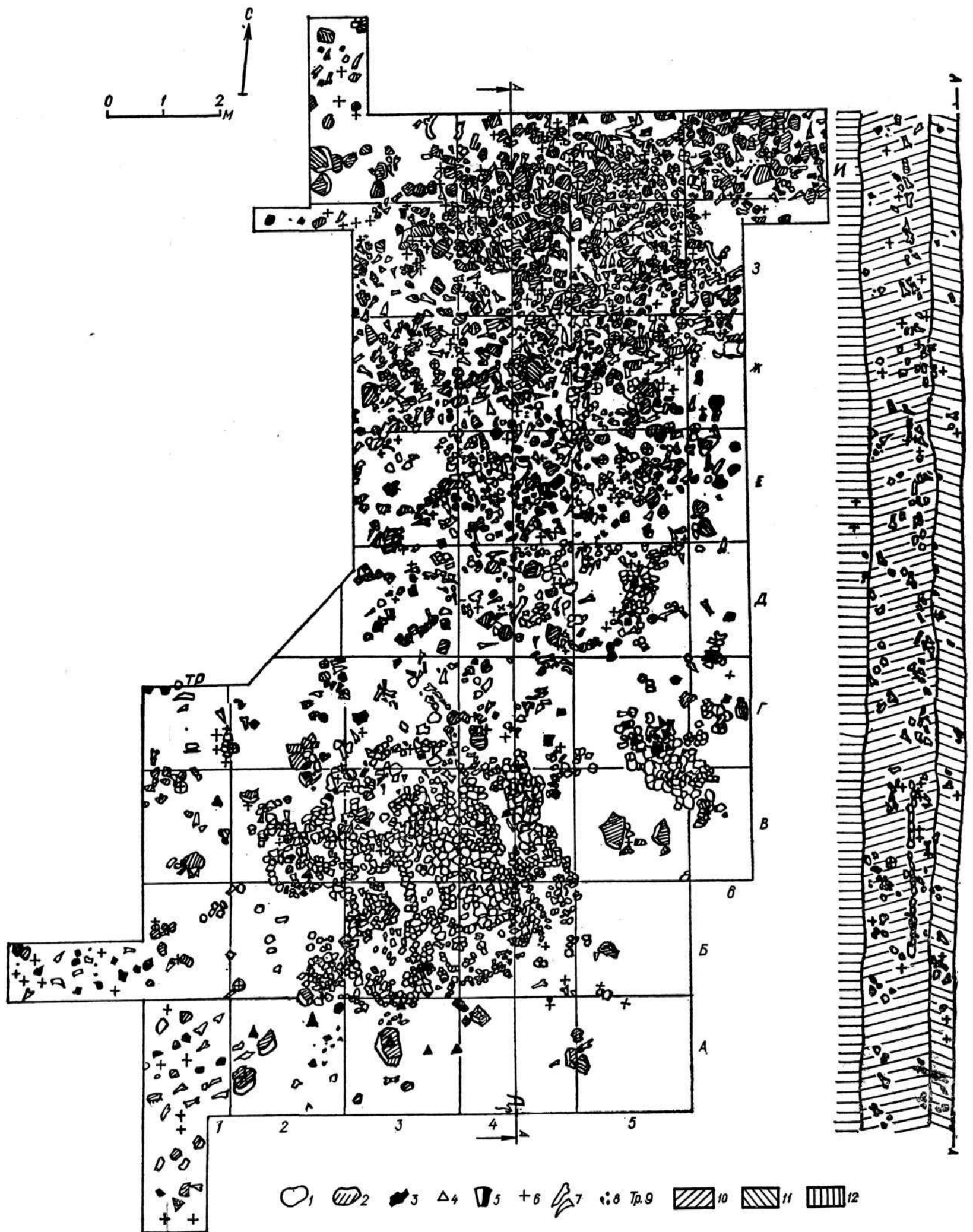

Рис. 27. Жилище 4. План и разрез:

1 — обломки обожженной глины; 2 — камни; 3 — фрагменты керамики; 4 — глиняные статуэтки; 5 — каменные топоры; 6 — кремь; 7 — кости животных; 8 — створки раковин; 9 — позднетрипольские материалы; 10 — гумус; 11 — темно-бурый суглинок; 12 — желтый суглинок.

муфта и рукоять для закрепления орудий труда.

Керамический комплекс состоит из 5150 фрагментов от 1381 сосуда. 59,7% всех сосудов относится к I технологической группе (кухонная керамика). Это преимущественно грубая толстостенная посуда с примесью шамота в тесте. Часто встречаются большие сосуды для хранения припасов, различные горшки, кувшины, «фруктовницы». Кухонная посуда преимущественно украшена защитным орнаментом или не орнаментирована.

II группа (столовая посуда) в целом по жилищу составляет 23,6%. Это обычный округлотелый горшок с приплюснутым туловом и цилиндрической шейкой, чашечки, ковши-черпачки с ручками. Орнамент состоит из каннелюр в разных композициях и оттисков гребенчатого штампа.

16,7% приходится на долю III керамической группы, среди которой значительная часть — это сосуды с типичной «боянской» орнаментацией (шахматный узор и т. д.). Довольно много крышек, украшенных сложным спиральным узором, передающим образ летающего дракона.

14 экземплярами представлены обычные равнетрипольские глиняные статуэтки с подчеркнутой стеатопигией. В очень схематизированном виде передают женскую фигуру и некоторые ручки ковшиков-черпачков. Зооморфная пластика отсутствует, если не считать навершия плоской крышки сосуда, выполненного в виде фигуры птицы с обломанной головкой.

Кроме равнетрипольского материала, при раскопках жилища 3 был найден численно небольшой набор

кремневых изделий и керамики, относящийся к началу позднего этапа трипольской культуры. Эти изделия обнаружены в основном с материалами верхнего горизонта. Кремль (около 20 предметов) представлен в основном большими пластинами и двумя треугольными наконечниками стрелок. Большая часть керамики изготовлена из хорошо отмученной розовой глины. Найдены также два целых миниатюрных сосудика с росписью черной краской. Один из них деформирован в результате сильного вторичного обжига. Никаких строительных остатков, связанных с позднетрипольским материалом, не обнаружено.

Жилище 4 расположено на пологом скате холма в юго-восточной части поселения. На раскопе длиной 17 м перепад высот с севера на юг составляет всего 0,36 м. Культурный слой, перекрывающий остатки жилища (его мощность — 0,7 м), весьма насыщен материалом. На глубине второго и третьего штыхов встречаются участки с повышенной концентрацией находок — скопления.

Остатки глинобитной площадки обнаружены в южной части раскопа (его площадь 150 м²) на глубине 0,9—1 м от репера (рис. 26). Как и в других случаях, площадка представляет собой глинобитный настил подпрямоугольных очертаний, достигающий в современном виде в длину 7 м при ширине 3 м. Длинной осью площадка ориентирована с запада на восток (рис. 27; 28).

Жилище основательно разрушено, особенно в восточной части (кв. В—Г/5—6), где сохранился лишь небольшой участок глинобитной вымостки. Горизонтально залегающий пол сильно потрескался и расслоился. Его обломки толщиной 7—9 см

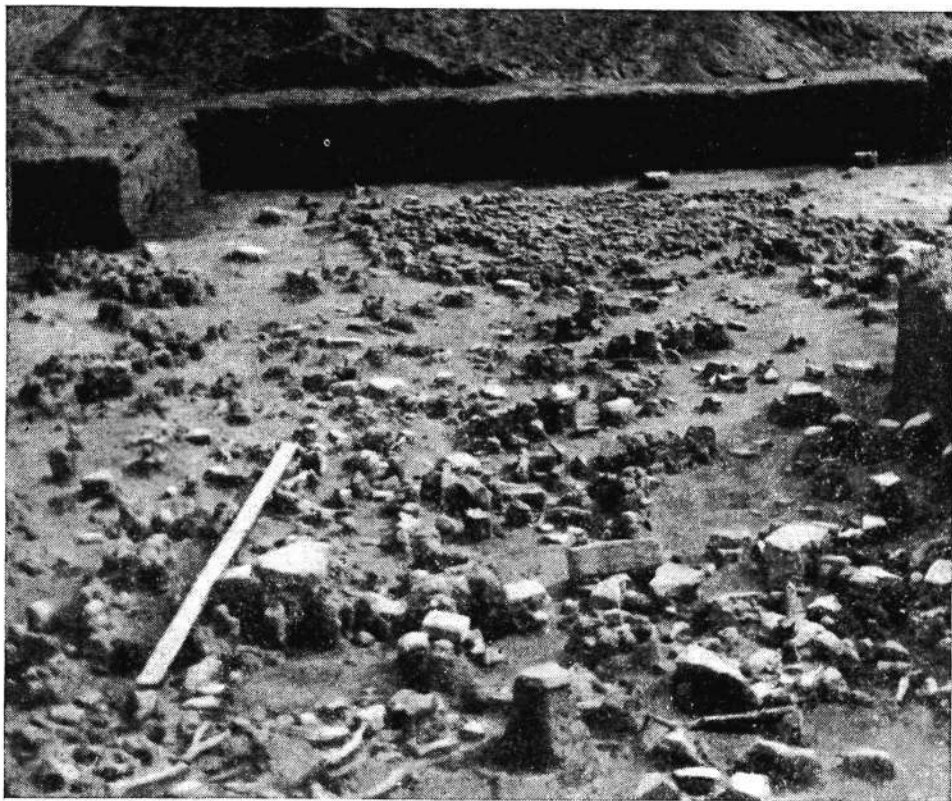

Рис. 26. Жилище 4 (вид на раскоп с севера).

имеют ровную, сглаженную поверхность (рис. 29). С боков и снизу на них иногда встречаются отпечатки толстых ветвей и небольших плоских плашек. Красная и желтовато-розовая глина содержит обильную примесь полова.

Никаких конструктивных деталей (характерные вымостки, возвышения, остатки стен, места очагов и т. д.) проследить не удалось. Следует отметить плитчатые обломки известняка, залегающие вдоль краев площадки без сколько-нибудь четкой конфигурации. Возможно, они

входили в конструкцию жилища, являясь основанием стен.

На полу и между его обломками в значительном количестве встречаются кремневые изделия и обломки кремня, фрагменты керамики и кости животных. Развалы сосудов отсутствуют; лишь на глинобитном остатке в кв. Г/5 обнаружен развал большого зерновика (рис. 30).

Ниже уровня площадки зафиксирован культурный слой мощностью 0,5 м. Непосредственно под глинобитным полом, на глубине 1,15—1,3 м от репера найдены костяной

рыболовный крючок, проколка, раз-
вертка из клыка кабана, антропо-
морфная глиняная статуэтка, дно
большого сосуда (рис. 31) — т. е.
предметы, связанные с функциони-
рованием жилища. В основном же
культурный слой на глубине 1—
1,5 м от репера насыщен костями и
рогами диких животных, небольшо-
ми камнями, отдельными фрагмен-
тами керамики, редкими кремневыми
изделиями. В нижней, светлеющей,
части бурого суглинка находок очень
мало.

В кв. В—Г/3—4 на глубине 1,4—
1,6 м расчищено небольшое скопле-

ние, состоящее из целого черепа ту-
ра, лежащего кверху затылочной ча-
стью, челюсти и нескольких костей
быка, рогов оленя и козы (рис. 32).
Здесь же найден шаровидный крем-
невый отбойник и около десяти мел-
ких фрагментов керамики.

Если южная треть раскопа занята
непосредственно жилищем (площад-
кой), то характер культурных остат-
ков в его центральной части (линия
квадратов Д и Е) не позволяет счит-
ать, что здесь находилось жилое
сооружение. На указанном участ-
ке лишь спорадически встречаются
скопления кусков пещины (кв. Д/4—

Рис. 28. Жилище 4. Остатки глинобитного пола.

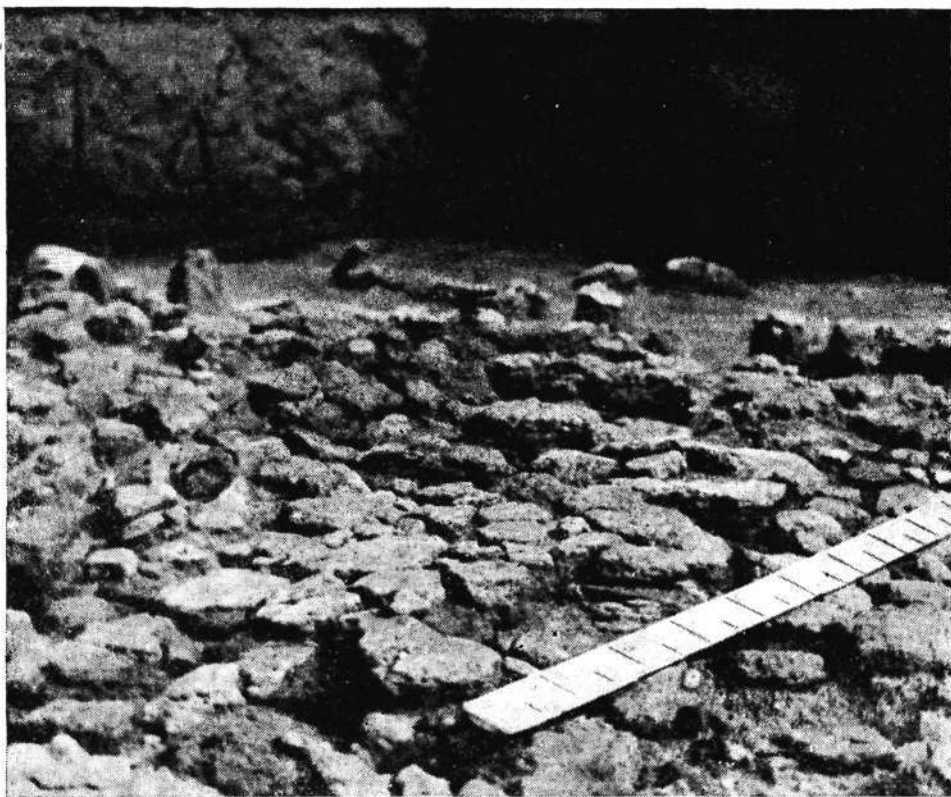

Рис. 29. Жилище 4. Остатки пола в кв. Б/3—4.

5) в виде аморфных комков, резко отличающихся от обломков глинобитного пола. Между островками печины залегают уплощенные куски известняка различных размеров, кости и рога животных, керамика (рис. 33). В целом культурные остатки здесь довольно разрежены, причем в процентном отношении количество фрагментов керамики равно количеству костей, а кремний встречается реже. Возможно, в данном случае мы имеем дело с небольшим легким помещением типа сарая, непосредственно примыкающим к жилию.

Наконец, резко отличается по характеру культурного слоя и его залеганию северная часть раскопа (линия квадратов Ж—И) (рис. 34; 35). Здесь лишь по линии квадратов Ж изредка встречаются отдельные комки рыхлой печины, теряющиеся среди сплошного залегания камней, костей, обломков кремня. Плитчатые куски известняка разных размеров лежат плашмя на глубине 0,8—0,9 м, иногда впритык друг к другу; похоже, что это рукотворная вымостка (рис. 36). В кв. 3/5 цилиндрический обломок известняка высотой 0,46 м стоял вертикально, заклиненный у

основания еще одним массивным камнем. Между камней (а также на них и под ними) в изобилии залежали кости животных — трубчатые, фаланги, челюсти, ребра; рога оленя и тура. Всего на уровне 0,8—1 м в раскопе обнаружено более 1700 крупных и средних костей животных (в основном диких), основное их количество приходится именно на северную часть раскопа. На краю скопления, в кв. Ж/6 (глубина 1 м) рядом с небольшими кусками печины найдены целый череп тура и оленьи рога (рис. 37). По-видимому, такое распределе-

ние костей в пределах раскопа не случайно и обусловлено специфическим использованием указанного участка, скорее всего, в качестве рабочего места для разделывания туш животных. Наконец, обращает внимание повышенная концентрация кремня в культурном слое северной части раскопа на уровне 0,8—1 м. Особенно насыщены кремнем кв. Ж/3 (около 70 обломков и орудий труда) и Ж/5 (90). Причем здесь в изобилии встречены не только отходы производства (обломки, отщепы, сколы), но и нуклеусы, отбойники, готовые орудия труда. Так, в кв.

Рис. 30. Жилище 4. Развал сосуда в кв. Г/5.

Рис. 31. Дно сосуда под полом жилища 4 (кв. В/3).

Ж/3 найдено 11 нуклеусов, в квадратах Ж/5—6—12, 3/5—6—18, И/4—9 нуклеусов и т. д. Место с повышенной концентрацией кремня, т. е. в основном кв. Ж—3/4—5, можно рассматривать в качестве специального участка для его обработки, возможно, — мастерской. Поскольку кремень располагался преимущественно между и под костями, можно предположить, что со временем мастерская перестала существовать и была перекрыта отходами обработки туш животных.

Таким образом, в раскопе, кроме

жилища 4, открыта примыкающая к нему легкая постройка типа сарая, а также находящиеся рядом участки с направленной хозяйственной деятельностью (очевидно, расположенные под открытым небом и, возможно, вымощенные камнем) — кремневая мастерская и площадка для обработки туш убитых на охоте животных.

В процессе раскопок жилища 4 и прилегающих объектов был обнаружен значительный вещественный материал, в котором преобладают кремневые изделия (1150). Для коллек-

ции характерен высокий процент полезно использованных изделий: лишь 168 экземпляров не имеют следов использования, являясь отходами производства.

160 экземплярами представлены нуклеусы — конусовидные, призматические, аморфные — и нуклевидные обломки. С процессом изготовления кремневых орудий связаны отбойники (29) и отжимники-ретушеры (10). Среди орудий труда заметно преобладают скребки на отщепе (около 500) и пластинках (26), различные ножи на пластинках (152), скребки (44). Меньшим числом из-

делий представлены вкладыши серпов (14), сверла (9), проколки (4), резцы (3) и другие орудия труда. Найдено три геометрических микролита, служивших вкладышами охотничьего оружия.

Каменные орудия труда — это в основном топоры и тесла из местных пород сланца (14); найдены также топор-тесло и два проушных топора из камня твердых кристаллических пород.

Среди изделий из кости преобладают шилья на обломках трубчатых костей животных (15). Кроме того, обнаружены две иглы, два кочедыка

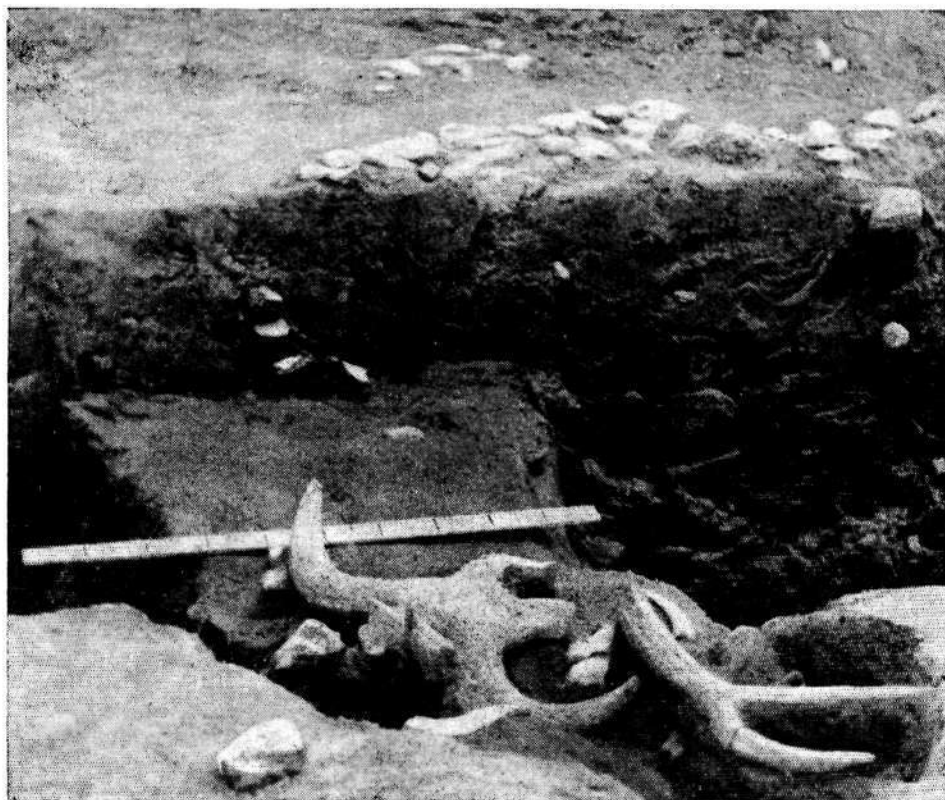

Рис. 32. Скопление культурных остатков под полом жилища 4 (кв. В/3—4).

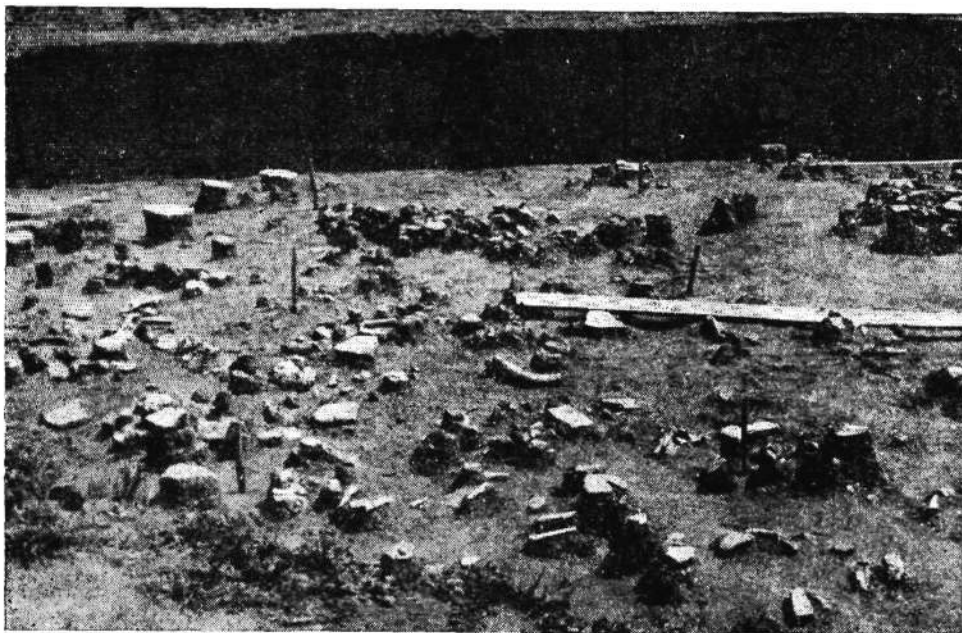

Рис. 33. Жилище 4. Центральная часть раскопа.

для плетения сетей, рыболовный крючок. Всего три орудия сделаны из рога оленя — шило, колотушка и большая мотыга. Довольно много створок раковин *Unio* с округлыми отверстиями в базальной части, служивших, по-видимому, украшениями.

Керамический комплекс составляют 1878 фрагментов — остатки более 650 сосудов. Как обычно, преобладает посуда I группы (кухонная) — 49,2%. В целом она несколько отличается от аналогичной посуды предшествующих жилищ, так как лишь около 30% ее составляют обычные толстостенные сосуды с тяжелым рыхлым черепком, обусловленным обильной примесью грубо толченого шамота. Большинство составляют сосуды с примесью песка, мелкого шамота (черепок плотный) и сглажен-

ной, покрытой ангобом поверхностью. Формы сосудов и орнамент обычны для этой категории керамики.

II группа (столовая посуда) составляет 29,8% комплекса.

21% составляют сосуды III группы — «фруктовницы», грушевидные горшки, уплощенные и полусферические крышки. Особенностью этой группы керамики из жилища 4 является почти полное отсутствие специфического «боянского» орнамента в виде позитивно-негативного шахматного узора.

В жилище найдены также обломки 11 антропоморфных глиняных статуэток с подчеркнутой стеатопигией. Особое место занимает статуэтка из белой глины, передающая мужской образ. По художественному стилю, орнаментации она отличается от

обычной раннетрипольской пластики и связана, по-видимому, с более западными районами.

Зооморфная пластика представлена изображением головы быка на конце ручки ковшика, головкой овцы (?) и навершием крышки, стилизованным под фигурку водоплавающей птицы. К предметам культа относятся также глиняные цилиндрические столбики — обломки ножек моделей жилищ различной высоты и толщины.

Жилище 5 расположено в юго-западной части поселения на покатом

к Днестру склоне холма. Судя по нивелировочным отметкам 15-метровой южной стенки раскопа, перепад высот с востока на запад здесь составляет 0,4 м. Глинобитная площадка залегала неглубоко, на уровне второго штыха (рис. 38). Отметка ее восточного края — 0,62—0,7 м от репера, западного — 0,8—0,99 м, т. е. поверхность склона не была спланирована древними строителями.

Судя по остаткам сильно разрушенной площадки, жилище 5, ориентированное по линии запад—восток

Рис. 34. Жилище 4. Восточная часть раскопа (вид с северо-запада).

Рис. 35. Жилище 4. Северный край раскопа (вид с запада).

(с легким отклонением к югу) и имеющее подпрямоугольные очертания, достигало в длину 9 м при ширине 3,5 м (рис. 39). Более или менее компактное залегание остатков глинобитного пола отмечено лишь на западном конце площадки, где в кв. Г—Д/6 расчищены участки из прилегающих друг к другу довольно больших (15×18 см) плитчатых обломков толщиной 7—9 см (рис. 40). На нескольких из них сверху просматриваются отпечатки узких (5—6 см) деревянных плашек; на нижней аморфной поверхности иногда

заметны оттиски лозы или довольно толстых веток деревьев. Найдено несколько переотложенных обломков обожженной глины с закругленными («лекальными») гранями. В кв. Г/6 часть пола сильно обожжена, ошлакована.

В остальных квадратах западной части площадки, в центре и на восточном ее конце, сохранились лишь разрозненные небольшие куски рыхлой комковатой печины (рис. 41). Вдоль северного края жилища на одном уровне с остатками площадки залегали плитчатые обломки извест-

няка, возможно, входившие в конструкцию стен.

При расчистке остатков площадки встречены многочисленные фрагменты керамики, орудия труда из кремня, кости и рога, кости животных, ракушки. Целые сосуды или их развалы отсутствуют, лишь в кв. Г/7 на краю жилища обнаружен развал столового сосуда с костями животных (рис. 42). У южного края, в кв. Д/6 на глубине 0,91 м от репера, был найден целый череп овцы (рис. 43).

Непосредственно за восточным краем площадки (кв. Г—Д/1—3) на

площади около 12 м² расчищено на глубине 0,65—0,75 м мощное скопление культурных остатков (рис. 44). Здесь много плитчатых обломков известняка средних и крупных размеров; в северо-восточном углу квадрата Д/3 находилась большая известняковая плита (0,6 × 0,4 × 0,1 м). На камнях и между ними в большом количестве залежали мелкие камни, кости, ракушки, куски кремня, кремневые орудия труда. Очень много костей и рогов животных. Часто встречаются орудия труда из кости и рога (рис. 45). Керамики немного; най-

Рис. 36. Жилище 4. Скопление культурных остатков в северной части раскопа.

дено несколько раздавленных мелких столовых сосудиков. Обломки печины полностью отсутствуют.

Описанное место по характеру залегания культурных остатков и их составу (нет обожженной глины, мало керамики, очень много камней, костей животных, отбойников, нуклеусов, отходов кремнеобработки и готовых изделий) весьма напоминает рабочую площадку у жилища 4 и, по-видимому, имеет такое же производственное назначение (переработка туш животных и изготовление орудий).

Иную картину дает северо-западная часть раскопа. Здесь в кв. А—Б/8—9 на площади около 1 м² расчищены участок плитчатого глинобитного пола и рядом с ним узкая вымостка из округлых известняковых глыбок, тянущаяся почти на 4 м с юго-запада на северо-восток. Среди них найдены несколько фрагментов керамики, большие кости животных, обломки кремня и около десятка круглых кремневых отбойников (рис. 46). Весь этот комплекс, расположенный в 6 м к северо-западу от западного края жилища, не явля-

Рис. 37. Череп тура у восточного края жилища 4.

Рис. 38. Жилище 5 (вид с запада).

ется частью последнего и, скорее всего, указывает на наличие здесь в древности небольшого помещения, возможно, сарая, связанного с жилищем 5 и имеющего хозяйственное либо производственное назначение.

На всей площади раскопа был зафиксирован культурный слой, залегающий ниже уровня жилища 5. Много находок обнаружено непосредственно под площадкой: в кв. Д/З — роговая мотыга, в кв. Г/5 — сланцевый топорик и костяное шило, в кв. Д/6 — крышечка сосуда и антропоморфная статуэтка. Также много фрагментов керамики, кремневых изделий и обломков кремня, костей животных. Любопытно, что на некоторых костях хорошо заметны следы алой охры. Грунт под площад-

кой местами имеет примесь золы, а на культурных остатках — следы нагара.

При прокопке грунта в восточной части раскопа, в 3 м от восточного края площадки, было обнаружено небольшое скопление плитчатых обломков обожженной глины на площади около 2 м² (половина кв. Г/2 и небольшая часть кв. Г/1). Это разрозненные куски рыхлой глины со значительной примесью половы, лишь на небольшом участке составляющие компактный массив. Среди обломков глины и рядом с ними найдены кости животных (кучка костей в кв. Г/2 на глубине 1,18 м от репера), раковины *Uplu*, несколько фрагментов керамики и у северной границы кв. Г/1—2 — четыре довольно больших обломка известняка. В скопление также

входят мелкие камни и несколько кремней.

Поскольку описанное скопление, включающее строительные остатки, лежит на 0,4—0,5 м ниже уровня жилища 5 (1,05—1,18 м от репера) и никаких следов ямы здесь не зафиксировано, можно говорить о наличии в раскопе жилища 5 двух строительных горизонтов. Таким образом, здесь вскрыты остатки наземного жилого помещения (площадки) с двумя строительными горизонтами, легкой постройки типа сарая и открытой площадки с производственными функциями.

Инвентарь, происходящий из жилища 5, сравнительно невелик в количественном отношении. Среди 583 кремневых изделий отметим нуклеусы нескольких типов (72), отбойники (8), отжимники-ретушеры (11), скребки на отщепах (302) и пластинках (8), скобели (27), различные ножи на пластинках (66), пластинки, используемые в качестве скребков (32), вкладыши серпов (9), сверла и проколки (6) и т. д.

Из сланца сделаны топоры и тесла (10), ретушер и абразивная пластинка. В качестве пестика для растирания краски употреблялась

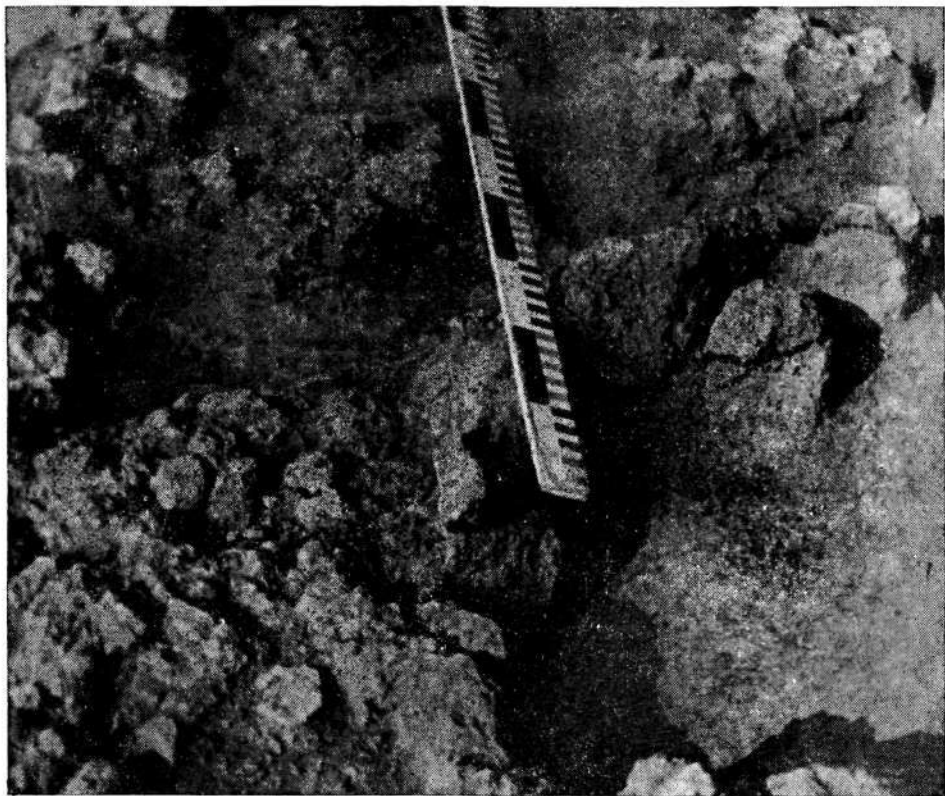

Рис. 40. Жилище 5. Участок пола в кв. Г/6.

Рис. 41. Центральная часть жилища 5.

удлиненно-овальная плоская песчаниковая плитка длиной 8 см.

Среди костяных шильев (6) выделяется орудие длиной 12 см, вся поверхность которого залощена в процессе работы. Из кости изготовлены также кочедык для плетения, долото, большое ложило. Штамповый орнамент для керамики изготовлен из нижнего клыка кабана.

В обломках дошли три роговые мотыги и боковой отросток рога оленя с узким клиновидным, симметрично заточенным концом.

Керамический комплекс составляют 1617 фрагментов керамики — остатков 617 сосудов. Как обычно, половину его (51,4%) следует отнести к посуде I группы. Примерно в равной пропорции встречаются сосуды, изготовленные из глины с примесью песка и мелкоотделанного шамота (по-

верхность сглаженная, ровная), а также с примесью крупного шамота с нарочито шероховатой заглаженной пальцами поверхностью. Около 90% всех форм составляют разнотипные горшки; реже встречаются большие миски — тазы, «фруктовницы» и другие сосуды. 60% кухонной посуды лишено орнамента; остальная керамика преимущественно украшалась защипами, погтевыми оттисками и насечками.

II группа (31,3%), т. е. столовая посуда, обычно украшенная каннелюрами и гребенчатым штампом, ничем не отличается от аналогичной посуды, найденной в ранее раскопанных жилищах.

17,3% всего комплекса составляет керамика III группы с примесью мелкого шамота и хорошо заглаженной поверхностью. В отличие от ана-

логичной посуды жилища 4, она часто украшена типичным для культуры Боян выемчатым узором в виде шахматной доски, узких треугольников («волчьи зубы»), и сложных ромбовидно-меандровых мотивов. Узор этот часто заполнен белой пастой. На крышках, как обычно, при помощи врезанной спирали переданы стилизованные изображения змея-дракона.

Лишь тремя экземплярами представлены дошедшие в обломках обычные женские антропоморфные фигурки с подчеркнутой стеатопигией. Несколько выделяется одна из них,

вылепленная из розовой глины и лишенная орнамента. Она изображает сидящую женщину с откинутым торсом, ноги которой разомкнуты и соединены защипом-перепоной.

Весьма интересна глиняная поделка (высота 6 см) цилиндрической формы с закругленным верхом. Одна ее сторона уплощена и помечена глубокими ямками-защипами, низ фигурки скошен и обломан. Возможно, это также антропоморфное изображение, но очень стилизованное.

Жилище 6 расположено в северо-восточной части поселения между

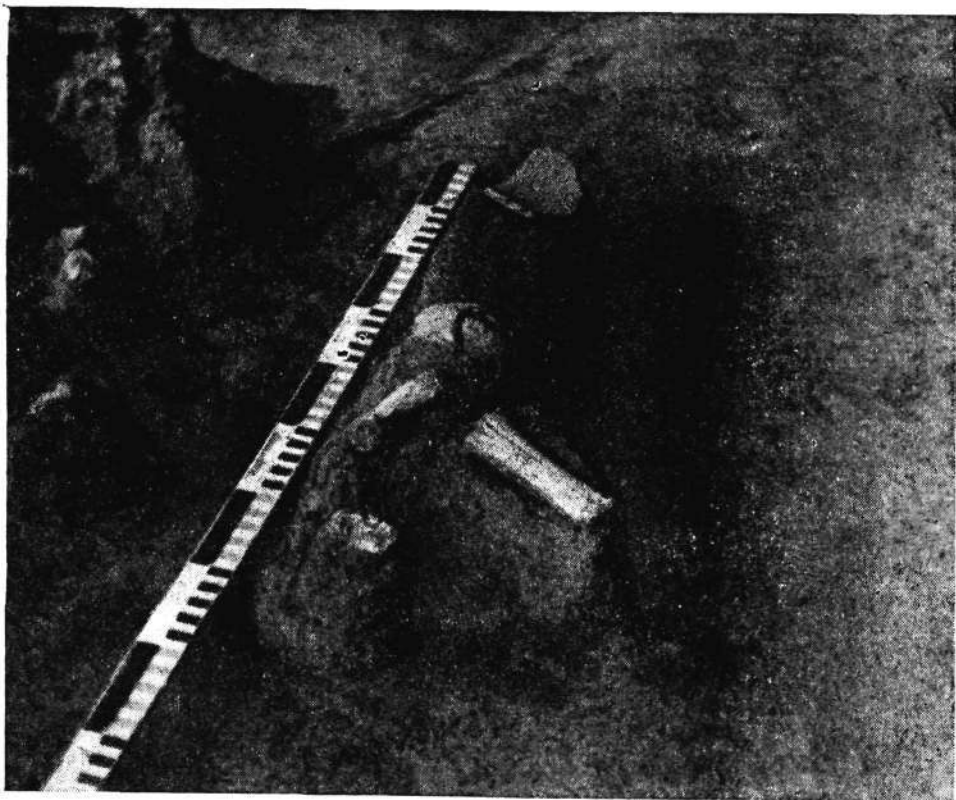

Рис. 42. Западный край жилища 5 (кв. Г/7).

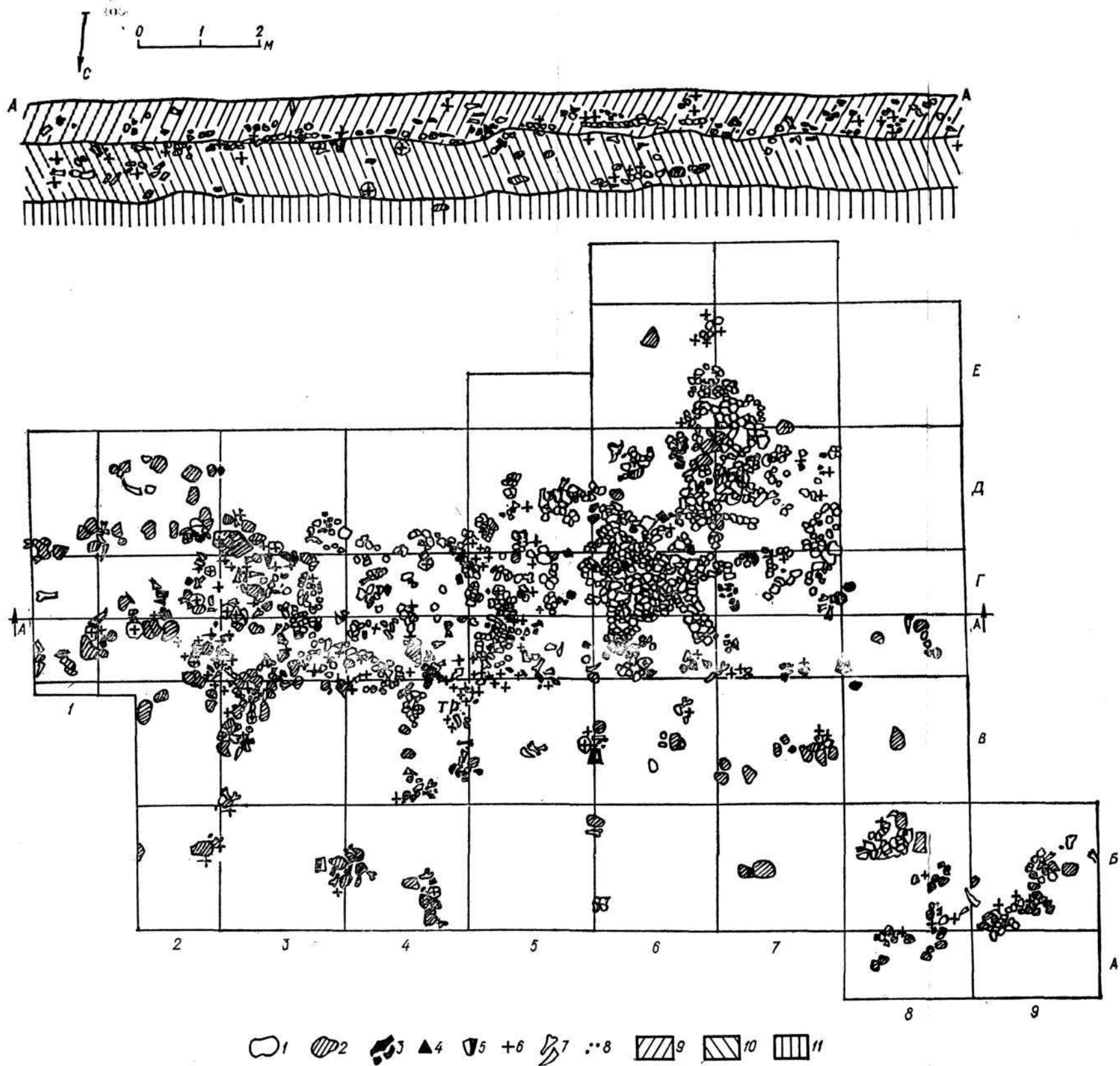

Рис. 39. Жилище 5. План и разрез;

1 — обломки обожженной глины; 2 — камни; 3 — фрагменты керамики; 4 — глиняные статуэтки; 5 — каменные топсы; 6 — кремьнь; 7 — кости животных; 8 — створки раковин; 9 — гумус; 10 — темно-бурый суглинок; 11 — желтый суглинок.

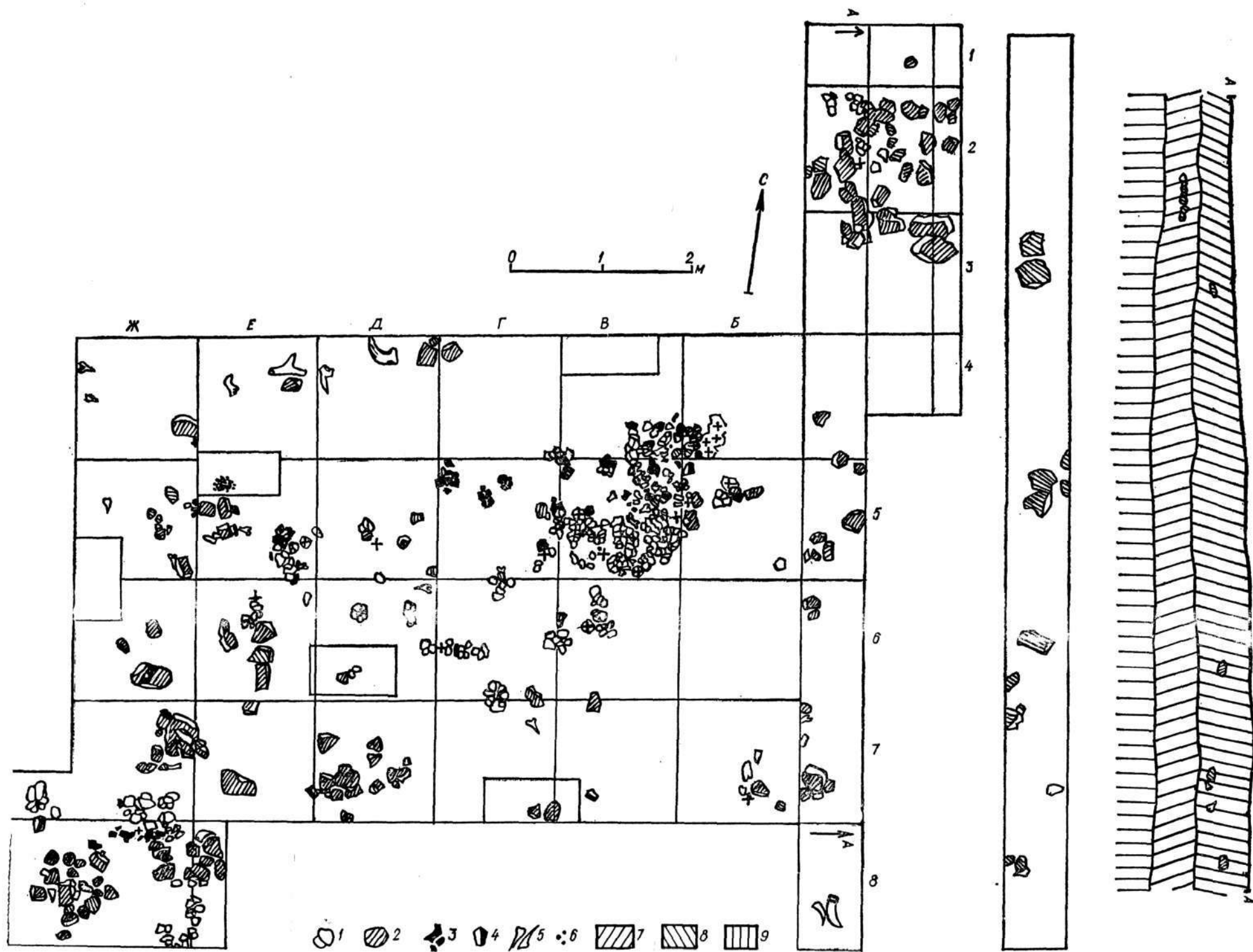

Рис. 48. Жилище 6. План и разрез:

1 — обломки обожженной глины; 2 — камни; 3 — фрагменты керамики; 4 — каменные топоры; 5 — кости животных; 6 — створки раковин; 7 — гумус; 8 — темно-бурый суглинок; 9 — желтый суглинок.

Рис. 43. Череп овцы у южного края жилища 5.

жилищами 1 и 2, занимая относительно ровный участок на вершине холма. Северо-восточная часть раскопа пришлась уже на крутые склоны с перепадом высот 1 м на 10 м поверхности; не случайно именно здесь в результате смыва и распашки с вершины холма аккумулировался мощный культурный слой. В центральной же части раскопа уже на глубине второго штыха (0,35—0,4 м от репера) были обнаружены остатки наземного жилища (рис. 47).

Находясь на небольшой глубине, жилище 6 со временем оказалось полностью разрушенным; сохранность его наихудшая по сравнению со всеми исследованными жилищами. По обрывкам глинобитного пола можно предположить, что площадка имела подпрямоугольные очертания,

длинной осью была ориентирована с северо-востока на юго-запад и достигала в длину 10 м при ширине 5 м (рис. 48).

Более или менее компактное залегание остатков глинобитного пола отмечено лишь на площади около 4 м² в кв. В/4—5 (рис. 49). На остальных же участках раскопа зафиксированы небольшие и далеко отстоящие одна от другой кучки комковатой рыхлой печины розового и белесоватого цветов. Толщина глинобитного пола не превышала 5—6 см. Вдоль края сохранившихся участков пола, на нем и между его обрывками, залегали развалы сосудов (рис. 50—52), фрагменты керамики, орудия труда, многочисленные кости животных, мелкие камни. Вдоль западного края площадки цепочкой протянулись

Рис. 44. Скопление культурных остатков у восточного края жилища 5.

плитчатые обломки известняка, иногда довольно больших размеров (0,3—0,5 м длины), не составляющие, однако, определенной конструкции (выкладки). В юго-западном углу раскопа уже за пределами площадки камни залежали кучно, образуя небольшое скопление (рис. 53). Возможно, как и в других жилищах, камень использовался здесь при выкладке стен.

Как и в других частях поселения, в раскопе жилища 6 выявлен культурный слой, залегающий ниже уровня строительных остатков. Здесь он несколько более тонкий, чем под дру-

гими жилищами (до 0,3 м) и, как обычно, состоит преимущественно из костей и рогов животных. В северо-западной части раскопа (кв. Е/5) на глубине 0,89 м от репера в слое расчищено небольшое скопление раковин *Unio*.

Несмотря на разрушенность и фрагментарность остатков самого жилища, инвентарь его, и в первую очередь керамика, весьма представительна. Из 534 кремневых изделий назовем нуклеусы трех основных типов — конусовидные, призматические, аморфные (71), отбойники (5),

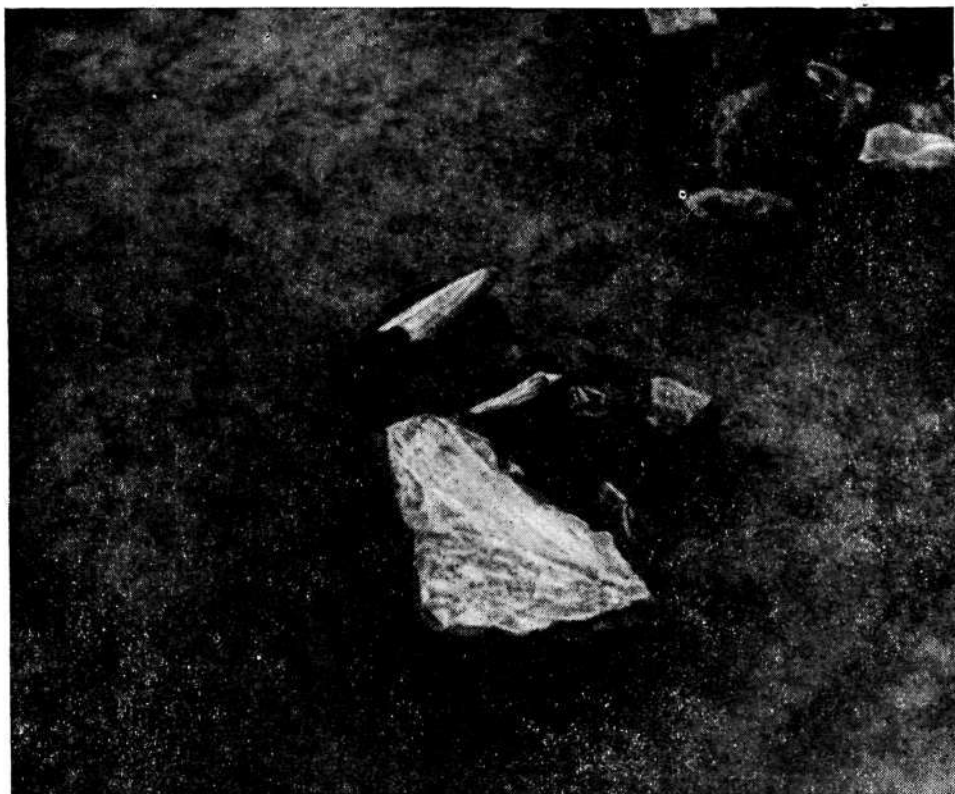

Рис. 45. Жилище 5. Орудия труда из рога в кв. Г/1.

отжимники-ретушеры (5), скребки на отщепах (259) и пластинках (7), скребели (29), ножи для разделки мяса и обработки дерева (26), пластинки, используемые как скребки (41), вкладыши серпов (5), сверла (5), резцы и резчики (12) и т. д. Как обычно, многие изделия являются комбинированными, полифункциональными. Отдельно следует упомянуть большой двулезвийный нож на пластине из кофейного добруджского кремня.

Обычный набор составляют сланцевые орудия труда — тесла (7), то-

поры (4), стамески (2). Довольно много сланцевых мотыг (6). Некоторые из перечисленных изделий вторично были использованы как отжимники-ретушеры. Из твердой кристаллической породы камня изготовлен массивный цилиндрический отбойник с зауженными и закругленными концами.

Костяные орудия представлены тремя шильями и лощиком для кожи. К этой же группе можно отнести шпатель для керамики, изготовленный из нижнего клыка кабана и вторично использованный как сверло.

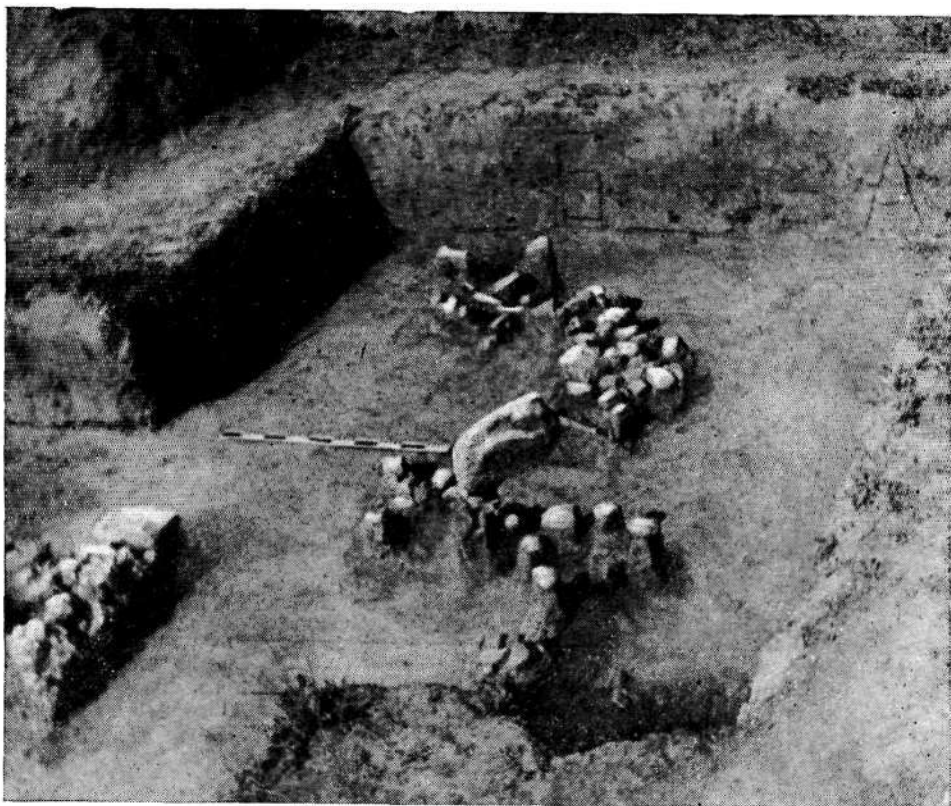

Рис. 46. Остатки хозяйственной постройки у жилища 5.

Из рога оленя сделаны три мотыги, дошедшие в обломках. Часть одной из мотыг вторично была использована как муфта для орудия.

При раскопках жилища 6 было найдено 1762 фрагмента керамики — остатки 539 сосудов. Керамика I группы (кухонная) составляет 51,2% комплекса. Основные формы — это слабо профилированные горшки с почти прямыми стенками, широко открытые округлотелые котловидные горшки, глубокие полусферические горшки-чаши, «фруктовницы» на грубых массивных поддонах,

глубокие миски — тазы и др. Больше половины сосудов лишены орнамента; остальные украшены в основном защипами в один-два ряда у основания шейки, а также защипами и насечками по всей поверхности. Очень редко встречается рельефный орнамент (выступы-налепы, каннелюры) и другие орнаментальные мотивы.

Столовая посуда (II группа) составляет 32,1% керамического комплекса. Как обычно, ведущей формой является небольшой горшок с округлыми боками или угловатым профилем. Обычны также округлодонные

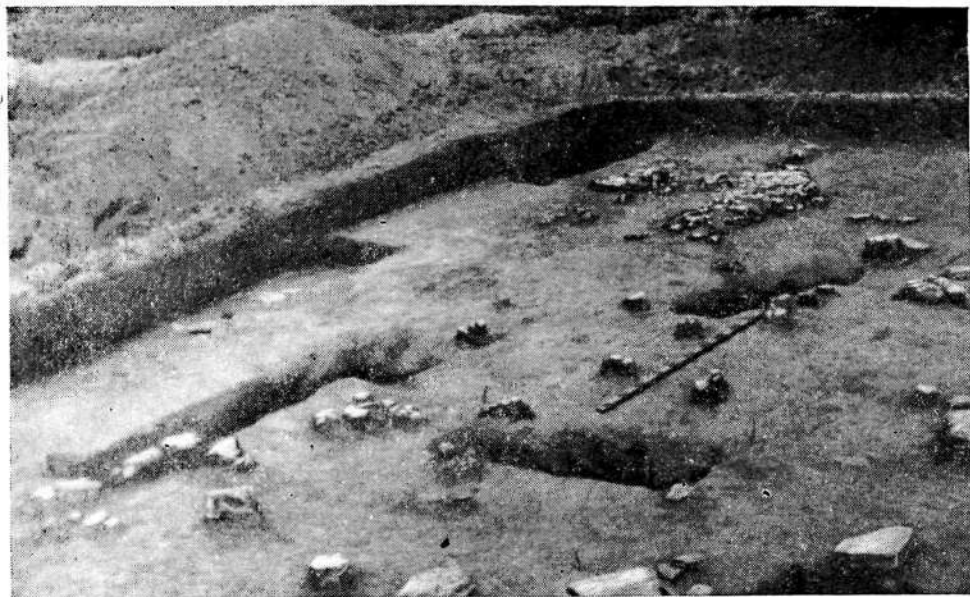

Рис. 47. Жилище 6 (вид на раскоп с запада).

Рис. 49. Жилище 6. Остатки пола в кв. В/4—5.

Рис. 50. Жилище 6. Сосуды среди обломков пола.

Рис. 51. Жилище 6. Сосуды среди обломков пола.

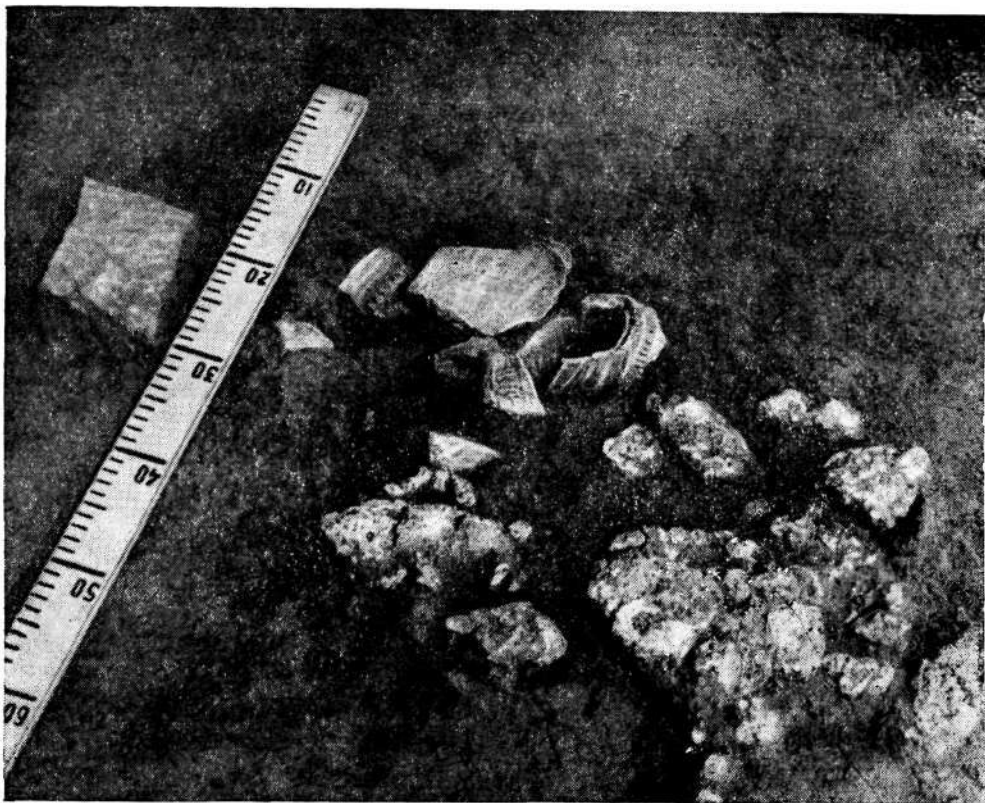

Рис. 52. Развал сосуда у восточного края жилища 6.

чашечки, черпаки с ручками. Изредка встречаются крышки. Орнамент состоит из рядов каннелюр, оттисков гребенчатого штампа, узких врезанных линий в спиральных или угловых композициях.

16,7% приходится на долю III керамической группы с ее ведущей формой — «фруктовницей», большим количеством крышек и элементами «боянского» орнамента.

Среди десяти антропоморфных глиняных статуэток представляют интерес фигурка, стоящая на ножке-столбике, а также статуэтка в сидя-

чей позе, с которой, по-видимому, связано найденное в этом же жилище небольшое глиняное креслице. Следует упомянуть навершие крышки, выполненное в виде фигурки водоплавающей птицы, и два изображения лап животных. К предметам пластики относится и небольшая фигурка с зубчатыми краями, вырезанная из створки раковины *Unio*.

Совершенно разрушенное жилище 6 трудно сопоставить с остальными жилищами; по остаткам же материальной культуры оно не только

вполне схоже с ними, но подчас совпадает в мельчайших деталях.

* * *

К моменту заселения холма-останца на краю первой надпойменной террасы рек Днестра и Жвана он уже имел основные черты современного рельефа; на это указывает анализ отметок глубин залегания первоначального культурного слоя. Последний, как уже отмечалось, повсеместно зафиксирован ниже уровня залегания глинобитных площадок, и мощность его в зависимости от участ-

ка холма колеблется в пределах 0,3—0,5 м. Он состоит, в основном, из крупных костей животных (преимущественно диких); часто встречаются рога и даже целые черепа туров. Много камней разных размеров; орудия труда, и особенно керамика, встречаются гораздо реже, чем в слое, связанном с площадками. Культурные остатки равномерно распространены в средней части толщи бурого суглинка, уменьшаясь к границе с желтым лессовидным суглинком. На поселении нет никаких следов углубленных жилищ-землянок или

Рис. 53. Скопление камней у юго-западного края жилища б.

полуземлянок, поэтому естественно предположить, что основатели поселения жили вначале в легких наземных жилищах, не имеющих глинобитных полов. Именно с такими жилищами связывает Т. С. Пассек скопления культурных остатков (главным образом костей и рогов крупных животных), зафиксированные при раскопках поселения Флорешты⁴. Исследователи аналогичного поселения Ларга-Жижиа в Румынии не обнаружили в процессе раскопок ни углубленных, ни наземных глинобитных жилищ, при достаточно мощном культурном слое⁵. Здесь, по-видимому, также сооружались недолговременные жилища, остатки которых фиксируются с большим трудом.

Характер домостроительства в начальный период существования Бернашевского поселения вполне отвечает, надо полагать, определенной неустойчивости быта и хозяйства поселенцев, связанных преимущественно с охотой. Однако уже к этому времени относятся первые попытки применения глины в строительстве, о чем говорят небольшие участки глинобитной вымостки в жилищах (напомним, что такой участок был открыт на глубине 0,4—0,5 м под площадкой № 5).

Первым «монументальным» сооружением поселения стало жилище 3 (нижний горизонт) — большая глинобитная постройка площадью 100 м², расположенная в самом центре холма. Сопоставляя нивелировочные отметки остальных площадок и учитывая рельеф поверхности, приходим к выводу, что все другие глинобитные жилища возникли позже.

⁴ Пассек Т. С. Раннеземледельческие..., с. 199.

⁵ Александреску А. Д. О второй фазе докукуненской культуры р. 21.

Таким образом, единственная постройка нижнего строительного горизонта, погибшая, по-видимому, при пожаре, стала композиционным центром будущего глинобитного поселка. Вскоре на ее месте выросло жилище верхнего горизонта, в плане совпадающее с первым лишь частично, а вокруг него одновременно было построено еще шесть домов. Дома эти, ориентированные длинной осью по линии запад — восток или юго-запад — северо-восток, были обращены к центру фасадной либо торцевой частью. Они отстояли один от другого на 15—18 м и в плане образовывали почти правильный круг диаметром более 50 м (см. рис. 3).

Глинобитные жилища Бернашевки весьма примитивны по конструкции. Как правило, они возводились без предварительной планировки поверхности; подсыпка грунта производилась лишь в том случае, когда дом строился на довольно крутом склоне (жилище 1). Пол-настил из глины с обильной примесью соломы, половы, крупных обломков раковин речных моллюсков укладывался на основу из тонких расколотых стволов деревьев. Толщина глинобитного пола колеблется от 8—10 до 15—17 см. Поверхность его хорошо заглаживалась. Судя по горизонтальному расслаиванию, полы неоднократно подмазывались.

Возможно также, что при строительстве домов использовался камень-известняк, плитчатые обломки которого в большом количестве встречены при раскопках всех без исключения жилищ. Как правило, камни залегают вдоль края глинобитной площадки, повторяя ее контуры. Следует полагать, что из камня сооружались основания стен, перегородки, пороги. Часть оградки из

узких длинных камней зафиксирована *in situ* вдоль южного края жилища 3 (нижний горизонт). В узком «коридоре», разделяющем на две части жилище 2, совершенно отсутствуют обломки обожженной глины, но зато встречено много камней. Видимо, древние строители научились утилизировать материал, в изобилии предлагаемый им природой.

По размерам жилища можно разделить на три группы: малые (25—30 м²) — жилища 4,5 и, возможно, жилище 3 (верхний горизонт); средние (50 м²) — жилища 1, 6, большие (100 м² и более) — жилища 2,3 (нижний горизонт). Малые и средние жилища были однокамерными. В большом жилище 2 (площадь его составляет примерно 150 м²) заметны следы внутреннего членения в виде прохода, отделяющего западную треть жилища.

Трудно восстановить детали внутреннего устройства жилищ. Лишь в жилище 3 (верхний горизонт) обнаружены остатки примитивной купольной печи в виде округлого пода (гладкая плитчатая обмазка), уложенного непосредственно на грунт. Диаметр печи — 1,1 м, мощность пода — 5 см. В жилищах 2, 3, 5, возможно, находились очаги открытого типа, оставившие след на площадке в виде сильно обожженного, ошлакованного до зеленого цвета участка пола. В жилище 3 (нижний горизонт) рядом с таким участком находились развалы сосудов, камни и небольшая яма, в которой также найдены обломки нескольких горшков.

Количество и характер культурных остатков в пределах жилищ, локализация этих остатков позволяют судить о различных функциях того или иного участка внутри дома. Так, можно полагать, что южная часть

жилища 3 (нижний горизонт), где обнаружены большие камни, кремневые и роговые орудия труда, отдельные крупные кости и рога животных, использовалась для изготовления различных орудий. Подобная картина отмечена и в восточной половине жилища 1, юго-восточном углу жилища 2. В северо-восточном углу жилища 3 (нижний горизонт) почти нет орудий труда, но здесь на небольшой площади зафиксированы *in situ* развалы 15 сосудов; этот участок можно считать подсобным помещением для хранения посуды и, возможно, припасов.

По соседству с некоторыми жилищами, по-видимому, располагались небольшие постройки типа сараев, выполняющие какие-то хозяйственные функции (кладовые, амбары). Одна из таких построек непосредственно примыкала с севера к жилищу 4. Вместе с комьями рыхлой пещины, резко отличающейся от обломков глинобитного пола (по-видимому, стены сарая были обмазаны глиной), здесь найдены плоские обломки известняка, кости животных и фрагменты керамики; орудий труда из кремня очень мало. Такие же культурные остатки зафиксированы в 6 м к юго-востоку от жилища 5 на площади около 10 м²; кроме того, здесь обнаружено много округлых известняковых голышей и около десятка кремневых отбойников. Возможно, это служебное помещение имело не только хозяйственные, но и производственные функции. Основная же производственная деятельность жителей поселка была связана с рабочими площадками под открытым небом, на которых раздвигались туши животных и изготовлялся инвентарь — кремневые орудия труда и охотничье оружие. Такие производственные

участки, где в массовом количестве найдены кости, камни и отходы кремнеобработки (при очень малом числе фрагментов керамики) выявлены рядом с жилищем 3 (верхний горизонт), 4 и, возможно, 5.

Таким образом, Бернашевское поселение предстает перед нами как совокупность жилищно-бытовых и производственных комплексов, связанных с жизнедеятельностью небольшого коллектива, численность которого вряд ли превышала 50—60 человек.

Полная идентичность керамики и орудий труда, происходящих из разных уровней культурного слоя, свидетельствует о том, что последний сформировался на протяжении короткого отрезка времени; на это же указывает и небольшая мощность прослойки между двумя строительными горизонтами в жилище 3 (всего 0,3 м). Это поселение нельзя отнести к категории долговременных; прожив здесь, очевидно, несколько десятилетий, жители покинули его.

Вторично холм был заселен спустя тысячелетие, в начале позднего этапа Триполья. Никаких следов жилищ этого времени не обнаружено, а остатки материальной культуры представлены небольшим количеством кремневых орудий труда и фрагментов сосудов, собранных как подъемный материал.

При сопоставлении Бернашевки с территориально и хронологически близкими памятниками становятся особенно заметными ее специфические черты, дополняющие наше сегодняшнее представление о топографии, планировке и домостроительстве раннетрипольских поселений.

Абсолютное большинство поселений раннего этапа трипольской куль-

туры (прежде всего, имеются в виду поселения Среднего Поднестровья) расположено на краю первой надпойменной террасы, в 2—7 м над летним уровнем воды. Это относится к Луке-Врублевецкой⁶, Берново, Солончанам I, Голерканам⁷ и многим другим поселкам. Тот факт, что поселение могло быть залито (и неоднократно заливалось, как это видно на примере Луки-Врублевецкой) при паводках, по-видимому, не имел особого значения при выборе места. Бернашевское же поселение было приурочено к единственному возвышенному холмообразному участку террасы, недоступному водам Днестра. В этом отношении его можно сравнить с наиболее ранними памятниками Румынии (Траян-Дялул Вией, Тырпешти⁸, Ларга-Жиция⁹) и МССР (Флорешты¹⁰), расположенными на средних террасах рек, достаточно высоко над водой (до 20 м).

По подсчетам Т. С. Пассек, площадь раннетрипольских поселков обычно составляла 200 × 250 м¹¹. Для однотипного с Бернашевкой поселения Рогожаны В. И. Маркевич приводит цифру 500 × 700 м¹²; о размерах поселения во Флорештах в литературе нет сведений. Таким образом, Бернашевку (100 × 100 м) следует отнести к самым малым поселениям раннего этапа Триполья. Размерам поселения отвечает и неболь-

⁶ Бибиков С. Н. Поселение Лука-Врублевецкая, с. 14.

⁷ Пассек Т. С. Раннеземледельческие..., с. 43, 60, 70.

⁸ Marinescu-Bîlca S. Cultura Precucuteni..., p. 13, fig. 9, 1, 2.

⁹ Александреску А. Д. О второй фазе..., p. 21.

¹⁰ Пассек Т. С. Раннеземледельческие..., с. 193.

¹¹ Там же, с. 93.

¹² Маркевич В. И. Исследования Молдавской неолитической экспедиции, с. 26.

шое количество его жилищ (7), однако на других раннетрипольских поселениях число жилищ также не было значительным. Полностью раскопанное поселение Лука-Врублевская, как известно, состояло из семи жилищ¹³ (можно допустить, что несколько землянок здесь было разрушено во время обвалов береговой кромки); в Тырпешти открыто десять построек¹⁴. Близкую картину дают и синхронные памятники соседних раннеземледельческих культур. Примером может служить тщательно и всесторонне исследованное Е. Комшей поселение поздней фазы культуры Боян в Радовану (Мунтени). Каждый из двух строительных горизонтов поселения состоял из 12 глинобитных площадок («платформ», по терминологии румынских исследователей)¹⁵.

Значительный интерес представляет планировка Бернашевского поселения. Предшествующие раскопки поселений, расположенных на широких надпойменных террасах, позволили исследователям высказать предположение о том, что постройки здесь размещались вдоль берега (торцом к реке), образуя прямую улицу или несколько параллельных улиц. По мнению исследователей поселения Александровка в Побужье, дома здесь группировались в три ряда,

¹³ Бибииков С. Н. Поселение Лука-Врублевская, с. 20—66.

¹⁴ *Marinescu-Bilcu S. Cultura Precucuteni...*, p. 168—169.

¹⁵ *Comşa E. Istoria comunităţilor culturii Boian. Bucureşti, Editura Acad. RSR, 1974, p. 159—164; Comşa E. Quelques problèmes relatifs au complexe néolithique de Radovanu.— Dacia, n. s., t. XVI. Bucarest, 1972, p. 39—51.*

¹⁶ *Зиньковский К. В., Зиньковская Н. В. Раннетрипольское поселение Александровка в свете новых исследований.— В кн.: 150 лет Одесскому археологическому му-*

вьянутых вдоль русла речки¹⁶. Двумя параллельными рядами (по шесть домов в каждом) были расположены жилища нижнего горизонта уже упоминавшегося поселения культуры Боян в Радовану, хотя поселение это занимало не край надпойменной террасы, а вершину высокого холма¹⁷.

Не определена планировка Траяна-Дялуд Вией и Тырпешти — единственных почти полностью исследованных поселений культуры Прекукутени в Румынии. С. Марипеску-Былку весьма осторожно замечает, что, возможно, дома здесь сосредоточены небольшими группами, по две-три постройки в каждой¹⁸. Также неясна планировка поселения во Флорештах.

На этом фоне Бернашевка выделяется своей четкой круговой планировкой, несомненно, не случайной и хорошо продуманной. Все зависит от причин, обусловивших именно эту планировку (вряд ли она была продиктована здесь интересами обороны), и несмотря на уникальность Бернашевки в этом смысле, можно утверждать теперь, что истоки круговой планировки больших трипольских поселков среднего этапа следует искать на начальных фазах развития культуры.

Раскопки в Бернашевке дают повод еще раз коснуться проблемы соотношения разных типов жилищ в раннем Триполье. Напомним, что 25 лет тому назад С. Н. Бибииков, рассмотрев полуземлянки Луки-Врублевской на фоне немногочис-

лею АН УССР. Тез. докл. юбил. конференции. К., 1975, с. 49.

¹⁷ *Comşa E. Quelques problèmes relatifs...*, p. 45, fig. 4.

¹⁸ *Marinescu-Bilcu S. Cultura Precucuteni...*, p. 36.

ленного тогда материала по жилищам ранних культур Южной, Юго-Восточной и Центральной Европы, пришел к выводу, что углубленные жилища раннего Триполья (а также культуры линейно-ленточной керамики) отражают давнюю местную традицию домостроительства. Со временем, благодаря прямым и косвенным связям с югом, в трипольской культуре появились наземные глинобитные дома, близкие по типу к неолитическим жилищам Балканского полуострова¹⁹. Позднее С. Н. Бибииков выделил в развитии раннего Триполья два этапа; с начальным (А — I) связаны, по мнению исследователя, лишь углубленные жилища, с более поздним (А — II) — только площадки²⁰. Т. С. Пассек²¹ и Е. К. Черныш²² допускают сосуществование углубленных и наземных глинобитных жилищ, но отмечают количественное преобладание первых (в частности, на Среднем Днестре).

Многочисленные данные по домостроительству неолитических племен Юго-Восточной Европы убедительно показывают, что разнообразные углубленные жилища (в том числе конструктивно очень близкие раннетрипольским) вполне обычны для весьма обширного региона. Землянка — распространенный тип жилища

для всего неолита Северо-Восточной Болгарии (культуры Цонево, Златарски, Усое II)²³ и Добруджи (культура Хаманджия)²⁴. К северу от Дуная они широко распространены на ранних фазах развития культуры Боян (Болинтиняну и Джулешти) и встречаются на более поздних (Видра)²⁵. Исключение составляет культура Прекукутени (румынский аналог раннего Триполья), на поселениях которой углубленные жилища ранее не встречались. Однако недавно на поселении Тырпешти наряду с наземными домами были открыты землянки²⁶; по-видимому, и этот тип жилищ был известен носителям культуры Прекукутени.

Первые наземные глинобитные дома («площадки», «платформы») появляются уже на первой фазе развития культуры Прекукутени в памятниках юго-восточной Трансильвании и западной Молдовы (на территории СССР памятники типа Прекукутени I отсутствуют). Вопрос об их происхождении еще не решен окончательно. Так, Е. Комша, описывая «платформы» из Радовану, не исключает их заимствования с юга, из ареала культуры Караново²⁷. С. Маринеску-Былку, считая «платформы» изобретением прекукутенских племен, тем

¹⁹ Бибииков С. Н. Поселение Лука-Врублевская, с. 76—77.

²⁰ Бибииков С. Н. О хронологическом разделении памятников Триполья — А и типа Гумельницы (Алдень — II) на Юго-Западе СССР. — В кн.: VII Международный конгресс доисториков и протопристориков. Докл. и сообщ. археологов СССР. М., 1966, с. 93—99.

²¹ Пассек Т. С. Раннеземледельческие..., с. 93.

²² Черныш К. К. Раннетрипольские поселения Ленківці..., с. 40—42.

²³ Тодорова Х. Археологическо проучване на селищната могила и некропола при Голямо Делчево. — Разкопки и проучвания. София, 1975, 5, с. 15—20; Тодорова Х. Новая культура среднего неолита в Северо-Восточной Болгарии. — СА, 1973, № 4, с. 16—31.

²⁴ Berciu D. Cultura Hamangia. București, Editura Acad. RSR, 1966, p. 138—155, 235—239.

²⁵ Comşa E. Istoria comunităților..., p. 136—138.

²⁶ Marinescu-Bîlcu S. Cultura Precucuteni..., p. 30.

²⁷ Comşa E. Istoria comunităților..., p. 168.

не менее, допускает влияние культуры Винча, где уже были известны глинобитные жилища²⁸.

По-видимому, к идее наземного дома со сплошным или частичным глинобитным покрытием пола пришли именно прекукутенские (раннетрипольские) обитатели района между Карпатами и Днестром, унаследовавшие навыки применения глины при строительстве жилищ от своих предшественников (возможно, предков) — носителей культуры Боян, ливейно-ленточной керамики и др. Для примера приведем находки крупных обожженных глиняных вальков с отпечатками веток на поселениях Богата II и Джулешти (культура Боян, фаза Джулешти), рассматриваемые Е. Комшей как следы наземных глинобитных построек²⁹. Примечательно также большое наземное жилище культуры линейно-ленточной керамики в с. Незвиско на Днестре (раскопки Е. К. Черныш), на земляном полу которого были открыты небольшие глинобитные площадки. Привлекает внимание площадка размерами 2,2 × 2,2 м, сооруженная из крупных глиняных вальков, уложенных на деревянные плахи³⁰. Два наземных жилища с глинобитным полом на каркасе из прутьев и плах недавно были раскопаны на поселении культуры линейно-ленточной керамики у с. Гура-Каменка Флорештского района МССР³¹.

²⁸ *Marinescu-Bilcu S. Cultura Precucuteni...*, p. 36—37.

²⁹ *Comşa E. Istoria comunităților...*, p. 146, 151.

³⁰ *Черныш Е. К.* К истории населения энеолитического времени в Среднем Поднестровье. — МИА, 1962, № 102, с. 13.

³¹ *Макарова Л. Н.* Исследование памятников культуры ливейно-ленточной керамики в Днестровско-Прутском междуречье. — АО 1974 г. М., 1975, с. 440—441.

Эти и другие факты свидетельствуют о довольно высоком уровне домостроительства у непосредственных предшественников трипольцев.

Первые глинобитные дома ранних трипольцев в количественном отношении значительно уступали простым легким наземным постройкам и имели примитивную конструкцию (тонкий слой глины на подстилке из прутьев и листьев), но в отдельных случаях глинобитный настил укладывался на субструкцию из бревен (Эрстегин)³². В Тырнешти из десяти построек лишь одна имела сплошную «платформу», а в остальных отмечены небольшие участки пола с глинобитной вымосткой³³. Многие поселения культуры Прекукутени на территории Румынии вообще не имеют глинобитных жилищ. Так, по сведениям С. Маринеску-Былку, ни на одном из поселений II фазы этой культуры, распространенных по всей территории Молдовы, не зафиксированы жилища с «платформами» — факт, заставивший исследовательницу предположить, что их наличие на III фазе связано с влиянием трансильванской культуры Петрешти³⁴.

Тем важнее открытие в Бернашевке раннетрипольского поселка, целиком состоящего из жилищ-площадок и по облику материнской культуры вполне аналогичного прекукутенским поселениям II фазы. Заманчиво было бы считать Бернашевку единственным среди столь ранних (и, таким образом, первым) поселением с площадками на нашей территории, однако, судя по отчетам Т. С. Пассек, на поселении Флорешти над землян-

³² *Marinescu Bilcu S. Cultura Precucuteni...*, p. 26.

³³ *Ibid.*, p. 31.

³⁴ *Ibid.*, p. 37.

ками зафиксирован довольно мощный культурный слой с обрывками глинобитных площадок. В раскопе XIII, в частности, сохранилась глиняная вымостка размерами $4 \times 2,8$ м³⁵. Недавно появилось предварительное сообщение об обнаружении глинобитных домов и на поселениях Рогожаны и Гура-Каменка в МССР³⁶. Таким образом, на Украине и в Молдавии постепенно выявляется целый пласт ранних трипольских памятников, в домостроительстве которых развиваются и приумножаются традиции глинобитной архитектуры поселений более западных районов.

Что же касается землянок в нижних горизонтах Флорешт и Рогожан или предполагаемых легких наземных жилищ в Бернашевке, то они не представляют отдельную начальную фазу раннего этапа Триполья, а отражают начальный период в развитии каждого конкретного поселения. Постоянно продвигаясь на восток и оседая на новых землях, носители раннетрипольской (прекукутенской) культуры сначала сооружали более легкие «временки», а обжившись, строили долговременные дома, соответствующие местным климатическим условиям. Подобные процессы неоднократно имели место на разных территориях и в разное время. Так, по мнению Е. Компи, углубленные жилища двух первых фаз культуры Боян связаны с подвижным, «полустабильным» образом жизни ее носителей. На поздних фазах (Видра и переходная) полная оседлость и зем-

леделие как основное занятие привели к доминированию стационарных наземных жилищ³⁷. Появление землянок у первых трипольских обитателей Киевского Поднепровья и повышение роли охоты в их экономике В. А. Круц объясняет вынужденным передвижением поздних трипольцев из более южных районов на новые для них земли. Позднее, с освоением этих земель, начинается возрождение прежнего облика культуры с привычным способом ведения хозяйства и жилищами-площадками³⁸. В принципе, нельзя исключить и возможность одновременного существования на поселении наземных и углубленных жилищ, но для установления факта такого сосуществования необходим скрупулезный анализ материала из жилищ обоих типов (интересны, в частности, соображения В. И. Маркевича по поводу синхронности площадок и землянок на раннетрипольских поселениях Александровка и Путинешты в Молдавии³⁹). Вероятно, этот вопрос должен решаться конкретно для каждого отдельного поселения.

Жилые и хозяйственно-производственные комплексы, подобные открытым в Бернашевке, вполне обычны для многих раннетрипольских поселков. Площадки Ленковцев, Солончен I, Греновки, Сабатиновки II и других поселений имели сравнительно небольшие размеры (30—50 м²), лишь в отдельных случаях достигая 70—90 м². Глинобитный пол в виде

³⁷ Comşa E. Istoria comunităţilor..., p. 167.

³⁸ Круц В. А. Позднетрипольские памятники Среднего Поднепровья. К., 1977, с. 139—146.

³⁹ Маркевич В. И. Исследования Молдавской неолитической экспедиции в 1970—1971 гг.— В кн.: Археологические исследования в Молдавии в 1970—1971 гг. Кишинев, 1973, с. 60.

³⁵ Пассек Т. С. Отчет о работе Молдавской археологической экспедиции в 1960 г.— Научный архив ИА АН СССР. Р—1/2408, с. 22—23.

³⁶ Маркевич В. И., Черныш Е. К. Исследования в Пруто-Днестровском междуречье.— АО 1973 г. М., 1974, с. 423—424.

сплошного настила или отдельных участков, выложенных глиняными вальками (плитками), залегал непосредственно на грунте или на подстилке из веток и хвороста. Как правило, жилища состояли из одного-двух помещений, в каждом из которых стояла купольная печь с земляным или плитчатым полом. Рядом с печами в ряде жилищ были открыты ямы и скопления сосудов. Обычны также небольшие глинобитные вымостки культового или бытового назначения⁴⁰. К площадкам Сабатиновки II и Греновки примыкали каменные выкладки, иногда достигающие значительных размеров. М. Л. Макаревич считает их предпорожными частями жилищ⁴¹. Они дали повод некоторым исследователям рассматривать применение камня в домостроительстве как локальную специфическую черту южнобугских раннетрипольских памятников⁴². Использование камня при сооружении жилищ в Поднестровье (Бернашевка, полуземлянки Луки-Врублевецкой⁴³) не позволяет согласиться с этим выводом.

В целом жилища Бернашевки, да и остальных раннетрипольских поселений, весьма примитивны и являются лишь первым звеном в цепи, закончившейся такими сложными и совершенными постройками, как пло-

щадки Раковца, Владимировки, Коломыйщины и многих других поселений развитого Триполья. Сменились многие поколения древних строителей. пока на некоторых позднейших памятниках раннего этапа Триполья — культуры Прекукутени III (Ленковцы, жилище 2⁴⁴, Траян-Дялул Фынтынилор⁴⁵) появились мощные площадки больших размеров, лежащие на субструкциях из бревен и плах — прообраз домов развитого Триполья — культуры Кукутени. Изложенное заставляет отнестись с известным скептицизмом к реконструкции жилища из Александровки, предложенной молодыми исследователями этого поселения⁴⁶. В их представлении площадка — это двухэтажный дом, верхний этаж которого был жилым, а слегка углубленный в землю нижний этаж (высота его около 2 м) и прилегающие к нему постройки имели хозяйственное назначение. Все помещения связывались системой проходов, а оба этажа — лестницами; стены и простенки, а также межэтажные перекрытия были глинобитными (на деревянной основе). Для возведения столь сложных построек требовались колоссальный опыт и большая практика, которых у раннетрипольских мастеров еще не было, да и быть не могло.

Следует отметить, что на некоторых раннетрипольских памятниках были открыты хозяйственные и производственные комплексы, подобные исследованным в Бернашевке. Так, в Луке-Врублевецкой специальный

⁴⁰ Черниш К. К. Ранньотрипольське поселення Ленківці..., с. 9—17; Мовша Т. Г. Глинобитне жилище раннетрипольського поселення Солончени I.— Изв. Молд. фил. АН СССР, № 5 (25). Кишинев, 1955, с. 5—9; Макаревич М. Л. Середньобузька експедиція..., с. 89—92.

⁴¹ Макаревич М. Л. Середньобузька експедиція..., с. 89, 91.

⁴² Черныш Е. К. К вопросу о раннетрипольских поселениях.— Изв. Молд. фил. АН СССР, 1956, № 4 (31), с. 11.

⁴³ Бибииков С. Н. Поселение Лука-Врублевецкая, с. 39, 55.

⁴⁴ Черниш К. К. Ранньотрипольське поселення Ленківці..., с. 10—14.

⁴⁵ Dumitrescu H. Şanţierul Traian.— SCIV, 1953, N 1—2, p. 52—54.

⁴⁶ Зиньковский К. В., Зиньковская Н. В. Раннетрипольское поселение Александровка..., с. 49.

участок в пределах жилища 3 служил для изготовления кремневых орудий⁴⁷. В непосредственной близости от глинобитного жилища в Солончанах I находились два рабочих места с отходами кремневого производства и готовыми орудиями⁴⁸. На площадке 2 в Сабатиновке II было очень мало находок; их скопление обнаружено к северу от жилища. М. Л. Макаревич считает, что именно здесь проходили основные хозяйственные работы⁴⁹. Легкие постройки типа сараев, вплотную примыкающие к жилищу или расположенные неподалеку от него, по-видимому, также являлись неотъемлемой деталью раннетрипольских поселков. Кроме Бернашевки, они были открыты в Ленковцах⁵⁰; в качестве аналогии можно упомянуть небольшую хозяйственную пристройку к одному из жилищ верхнего горизонта поселения в Радовану (культура Боян)⁵¹.

⁴⁷ Вибиков С. Н. Поселение Лука-Врублевская, с. 39.

⁴⁸ Мовша Т. Г. Глинобитное жилище... с. 10.

⁴⁹ Макаревич М. Л. Отчет о работе Среднебугской экспедиции 1947 и 1948 гг.— Научный архив ИА АН УССР, 1948/1, с. 7.

⁵⁰ Черниш К. К. Раннетрипольське поселення Ленківці..., с. 17—18.

⁵¹ Cotza E. Quelques problèmes..., p. 47, fig. 10; Cotza E. Istoria comunităților..., p. 163.

Итак, почти все черты Бернашевского поселения в той или иной степени присущи многим раннетрипольским памятникам Юго-Запада СССР и, в первую очередь, связанным со Средним Поднестровьем. С другой стороны, традиции домостроительства роднят его с поселениями нео-энеолитических культур Подунавья, Трансильвании, Молдовы (Боян, Прекукутени, Гумельница). Прimitивность глинобитных жилищ Бернашевки в сравнении с площадками большинства раннетрипольских поселений Украины и Молдавии является хронологическим признаком. Таким образом, Бернашевка и ее аналоги (Флорешты, Рогожаны и др.) выступают в роли связующего звена, хронологического и территориального, объединяя западный и восточный ареалы большой культурной общности Прекукутени — раннее Триполье. Но уже в кругу этих памятников, очевидно, возникли новые черты (в частности, кольцевая планировка поселений), предопределившие специфику восточного ареала. В дальнейшем, на развитом и позднем этапах Триполья самобытность в планировке и домостроительстве многих изученных поселений междуречья Днестра и Дняпра становится еще более заметной.

Глава II

ИЗДЕЛИЯ ИЗ КАМНЯ И КОСТИ

Около 6,5 тыс. изделий из кремня, сланца, камня твердых пород, кости и рога, полученных за четыре года раскопок в Бернашевке, составляют сейчас наиболее значительную коллекцию равнетрипольского производственного инвентаря. Трассологическое исследование этого материала под бинокулярным микроскопом (с увеличением в 16—56 раз) позволило установить функциональное назначение каждого предмета, уточнить традиционную типологию изделий и в ряде случаев выяснить технологию их изготовления в употреблении.

Орудия труда из кремня

Обилие кремневых изделий является характерной чертой трипольских памятников Среднего Поднепровья. Не составляет исключения и Бернашевское поселение, давшее более 6 тыс. орудий труда из кремня (5 тыс. экземпляров происходит из жилищ, остальные собраны на поверхности). В качестве сырья использовался местный меловой (сеноманский) кремень из обнажений коренного берега, а также переотложенный кремневый щебень, речная галька и валуны. Это преимущественно непрозрачный светло-серый кремень, иногда с белыми вкраплениями; реже он бывает более темных тонов, почти черный. Также редко встречается молочнобелый кремень и немногочисленные изделия из прозрачного кремня, по-видимому, волынского происхождения. Всего десятком экземпляров представлены орудия из характерного непрозрачного кремня кофейного цвета, происходящего из месторождений Нижнего

Подунавья (Добруджа). Изделия эти, несомненно, являются импортами из указанного района.

Первичная обработка кремневого сырья и, возможно, изготовление нуклеусов проходили на стороне, непосредственно у мест добычи кремня. Производство орудий связано уже с поселением, на котором встречены многочисленные отходы кремнеобработки — сколы, обломки, отщепы. Следует отметить, однако, высокую степень утилизации кремня из Бернашевки: лишь около 16% входящих в коллекцию отщепов и пластин не имеют следов обработки и использования, т. е. являются производственными отходами в чистом виде.

На табл. 1 показано количественное соотношение различных категорий кремневого инвентаря по каждому жилищу* и в целом на поселении (подъемный материал в таблицу не включен). Следует иметь в виду, что комбинированные (полифункциональные) орудия, встречающиеся в значительном количестве, внесены в соответствующие графы таблицы (например, ретушер на нуклеусе отпесен и к ретушерам и к нуклеусам; скребок-резец — и к резцам и к скребкам и т. д.). Это, естественно, увеличивает (на 120) число изделий, включенных в таблицу, по сравнению с предметами, входящими в коллекцию.

Переходим к описанию различных категорий кремневого инвентаря поселения Бернашевка.

Нуклеусы. Вместе с орудиями вторичного употребления (отбойники и

* Кремневый инвентарь из нижнего и верхнего горизонтов жилища 3 аналогичен по всем показателям (качество кремня, размеры, набор и количественное соотношение орудий) и поэтому рассмотрен суммарно.

отжимники — ретушеры на нуклеусах) в коллекцию входит 526 нуклеусов. Размеры их колеблются в пределах 4—10 см, но абсолютное большинство составляют изделия высотой 6—7 см. Различаются нуклеусы трех основных типов: призматические, конусовидные и аморфные.

а) Призматические нуклеусы составляют примерно половину общего количества этих изделий и предназначены в основном для получения пластинок различной ширины. Преобладают одноплощадочные призматические нуклеусы с перпендикулярной постановкой ударной площадки относительно продольной оси (косоплощадочные нуклеусы представлены 30 экземплярами). Третью часть составляют призматические нуклеусы с двумя противоположными ударными площадками, обычно расположенными параллельно. Для призматических нуклеусов характерна односторонняя огранка с довольно небрежными широкими сколами (рис. 54, 1—4), причем с наиболее массивных нуклеусов скалывались широкие пластинчатые отщепы (рис. 54, 9). Экземпляры со следами правильного кругового встречного скалывания попадаются редко (рис. 54, 5, 6). На многих нуклеусах ударная площадка подправлена двумя-тремя поперечными сколами.

Десятком экземпляров представлены небольшие сработанные нуклеусы с правильной круговой огранкой, служившие для получения узких пластинок (рис. 55, 14—19); почти все они вторично использовались в качестве отжимников-ретушеров. Также единичными являются уплощенные нуклеусы (одно-двухплощадочные) с односторонней плоскостью скалывания (рис. 54, 7, 8, 10, 11).

В качестве особого подтипа высту-

Т а б л и ц а 1

Количественное соотношение различных групп кремневых изделий на поселении Бернашевка

Жилища	изделия			нуклеус		отбой-ник		отраж-ник-ре-тушер		отходы				кремь на пластинах				сверла	проколки	развертки	резы и резчики	палки	геометрические микролиты	Всего					
	призматические		конусовидные		аморфные		осколки		на пластинах и от-печах		на нуклеусах		боковые		концевые		двусторонние								округлые		стрельчатые		
	31	41	—	6	4	8	3	—	на пластинах	на нуклеусах	45	29	13	4	3	2	36								20	2	4	—	7
1	48		12		3		41		94		2		36		20		2		4		—		7		269				
2	22	22	1	10	2	1	8	5	297	140	54	17	21	19	219	113	16	23	1	5	29	4	—	1331					
3	50	74	1	8	8	19	7	3	282	196	8	57	—	17	128	71	27	14	5	2	29	3	1	1156					
4	102	78	1	13	16	13	2	8	283	135	43	14	13	26	189	44	14	9	4	2	3	1	3	1184					
5	39	30	—	3	3	5	7	4	161	100	28	5	8	8	99	27	9	2	4	—	1	—	—	603					
6	30	33	1	7	4	1	4	1	147	67	31	8	6	7	74	29	5	5	—	—	12	1	—	594					
Всего	274	248	4	47	37	47	31	21	1215	667	177	105	51	79	745	304	73	57	14	9	81	9	4	5077					
	573		84		52		778		2215		79		745		304		73		57		14		9		5077				

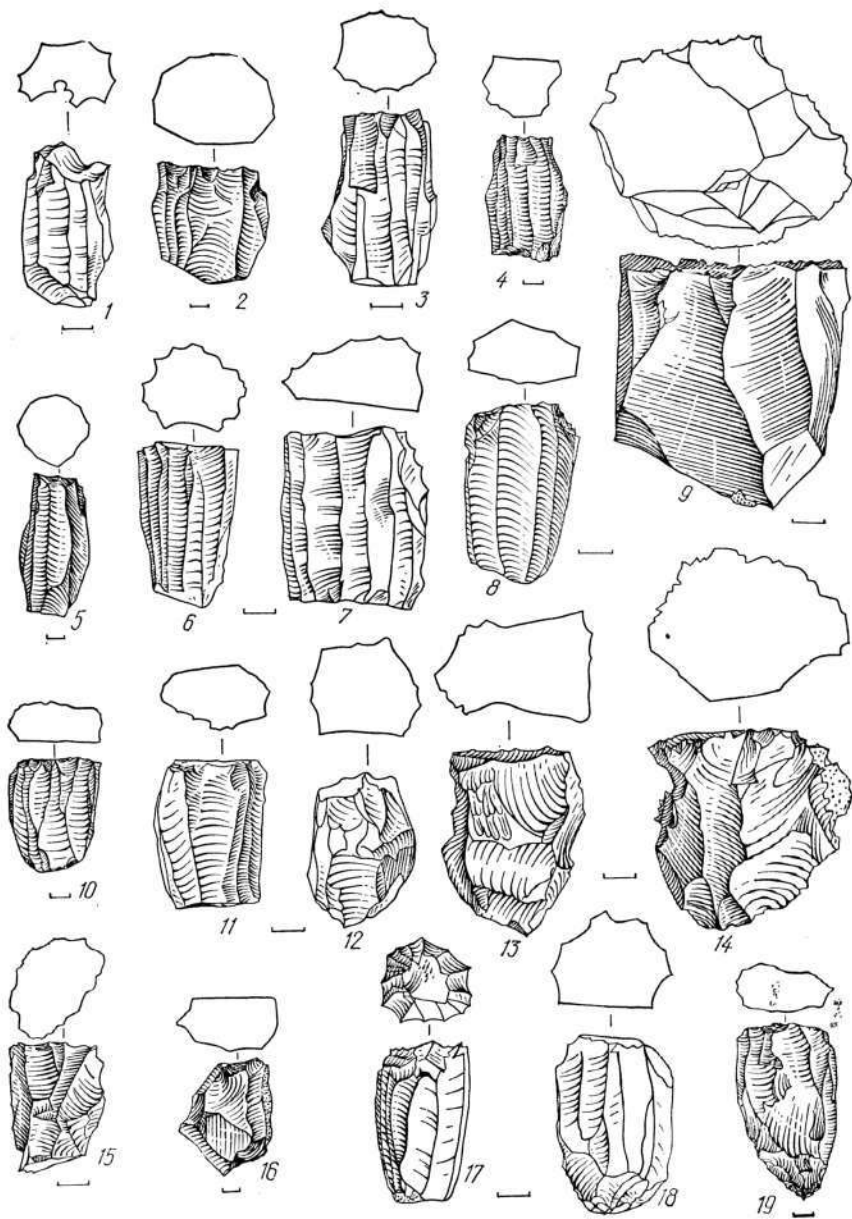

Рис. 54. Кремневые пуклеусы (1—19).

пают подпризматические нуклеусы со смежными противоположащими ударными площадками (около 50). Изделия эти со следами сколов, идущих в разных направлениях, использовались для получения отщепов (рис. 54, 12, 13, 15).

б) Конусовидные нуклеусы по количеству равны призматическим. Среди них также заметно преобладают экземпляры с перпендикулярно поставленной ударной площадкой; гораздо реже встречаются косоплощадочные конусовидные нуклеусы (рис. 55, 4, 5). Лишь немногие экземпляры по форме приближаются к правильному конусу или пирамиде (рис. 55, 6—8), остальные имеют цилиндрическое тулово с конусовидным окончанием (рис. 55, 3, 9, 13). Весьма редко встречаются уплощенные конусовидные нуклеусы (рис. 55, 10, 11; 54, 19). Правильную круговую огранку имеет лишь пятая часть нуклеусов, остальные огранены на $\frac{2}{3}$, наполовину или имеют следы нескольких односторонних сколов (рис. 55, 1—3). Четыре экземпляра близки к карандашевидным; они невелики по размерам и имеют правильную круговую огранку — следы сколов узких микропластинок (рис. 55, 12, 20).

Лишь восемь экземпляров относятся к подтипу конусовидных нуклеусов со смежными ударными площадками, используемых для получения отщепов (рис. 54, 14).

в) Аморфные нуклеусы представлены всего четырьмя экземплярами. Это ядрища без выраженных ударных площадок со следами бессистемных сколов (негативы идут в разных направлениях), употреблявшиеся для получения отщепов (рис. 54, 16). Наконец, следует упомянуть 47 осколков нуклеусов с негативами 2—3 отщепов или пластинок.

Отбойники (84). Большую часть отбойников составляют во вторичном употреблении массивные призматические двухплощадочные нуклеусы; ударные площадки их сглажены и зубчаты (рис. 54, 17, 18). Изредка как отбойники использовались и конусовидные нуклеусы; в этом случае удар наносился нижней загруженной частью нуклеуса (рис. 54, 19).

Меньше половины отбойников — это шаровидные, округлые и уплощенно-округлые кремневые конкреции, значительные участки которых покрыты желвачной коркой. На поверхности имеются характерные звездчатые выбоины и мелкие сколы (особенно на полпосах). Диаметр таких отбойников — 4—8 см.

Отжимники и ретушеры (52). Этими инструментами для производства кремневых орудий труда обычно являлись массивные пластины и пластинчатые отщепы с утолщенным рабочим концом, для которого характерна округленность, сглаженность (рис. 55, 23—25). Иногда оба конца такой пластины или отщепа были рабочими (рис. 55, 22). Боковые края часто обработаны крупной притупляющей ретушью, чтобы инструмент удобнее было держать в руке в процессе работы. Изредка в качестве отжимников-ретушеров во вторичном употреблении использовались другие орудия. В этой связи следует упомянуть двулезвийный скребок на широкой пластине кофейного добруджского кремня, впоследствии использованный как отжимник-ретушер (рис. 55, 21). Часто в качестве отжимников-ретушеров использовались сработанные призматические и конические нуклеусы (рис. 55, 14—20), причем оба конца этих орудий могли быть рабочими.

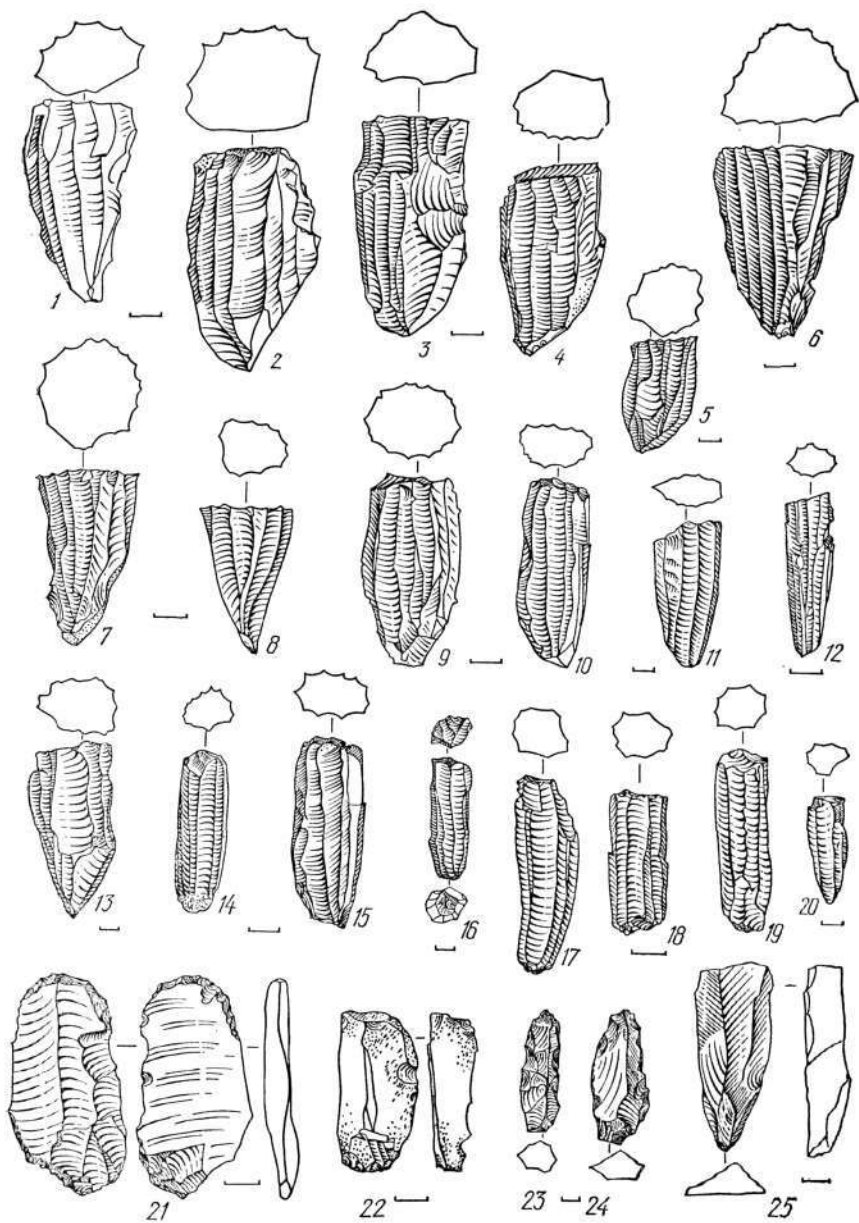

Рис. 55. Кремневые нуклеусы и отжимники-ретушеры (1—25).

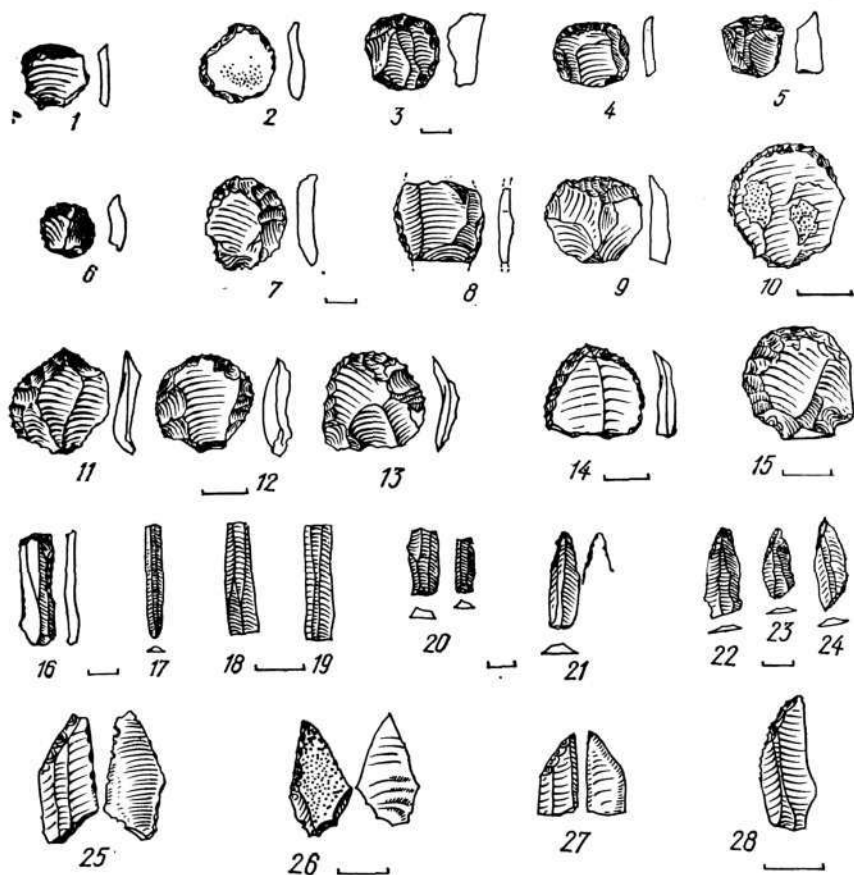

Рис. 56. Орудия труда из кремня (1—28).

Прежде, чем перейти к описанию следующей группы кремневых орудий, отметим и другую точку зрения, согласно которой изделия, традиционно квалифицируемые как отжимники-ретушеры, не являлись таковыми, а употреблялись в качестве разверток («тупые сверла») ¹.

¹ Balcer B. Krzemień Swieciechowski w kulturze pucharów lejkowatych. Wrocław — Warszawa — Kraków — Gdańsk, 1975, s. 109—110.

Скребки — наиболее многочисленная группа изделий (2300), составляющая около 46% всей коллекции. На долю скребков приходится 62% общего количества кремневых орудий труда, добытых при раскопках жилищ. Различаются скребки двух типов — на отщепах и пластинках.

1. Скребки на отщепах составляют абсолютное большинство — 96,6% всей группы. В качестве заготовки обычно использовался массивный от-

щеп овальной формы диаметром 3—5 см; отщепы больших размеров встречаются редко. Из небольших (диаметр 1,5—2 см) отщепов изготовлено около сотни скребков, приближающихся к микролитическим (рис. 56, 1—15); подлиннее же микроскребки неолитического облика на поселении не найдены. Для скребков характерна крупная притупляющая ретушь со стороны спинки (реже — брюшка); довольно обычен также прием нанесения ретуши на один край отщепа со стороны спинки, а на противоположный — со стороны брюшка (двусторонняя противоположащая ретушь). Среди скребков на отщепах можно выделить несколько подтипов:

а) Боковые (1215) — на округлых и удлиненно-овальных отщепах. Ретушь нанесена на дуговидный край отщепа сбоку от ударного бугорка (рис. 57, 1—3). К этому же подтипу относятся большие массивные отщепы с широким дуговидным краем, оформленным ретушью (скребловидные орудия), а также различные по форме отщепы, у которых небрежно нанесенной ретушью покрыт небольшой участок края.

б) Концевые (667) — с правильным дуговидным или прямым рабочим краем против ударного бугорка (рис. 57, 5—11). Ретушь часто заходит и на боковые края орудия. Некоторые скребки этого подтипа имеют утолщенный массивный рабочий край, оформленный крупной крутой ретушью (скребок высокой формы) (рис. 57, 4).

в) Двусторонние (177) — на овальных и округлых отщепах, у которых обычно ретушированы противоположные боковые края (рис. 57, 12—14). Гораздо реже встречаются двусторонние концевые скребки с пра-

вильными овальными рабочими краями (рис. 57, 15).

г) Скребки округлой формы (105) — овальные, циркулярные, ретушированные по всей или почти по всей окружности (рис. 57, 20—25).

д) Стрельчатые или остроконечные скребки (51) — на отщепах с подтреугольным краем, противоположным ударному бугорку. Боковые стороны «треугольника» ретушированы и сходятся к тонкому клювовидному острию (рис. 57, 16—19). Повидимому, эти скребки служили для прорезания и расширения пазов в дереве, кости и т. д.

2. Скребки на пластинках составляют всего 3,4% от общего количества скребков. В качестве заготовок для них использовались массивные пластины, близкие к пластинчатым отщепам, а также правильные трехгранные или призматические пластинки длиной от 4 до 8 см и шириной 1,5—4 см. Полукруглый рабочий край скребка оформлен крутой ретушью (скребки концевого типа); у 22 экземпляров ретушь нанесена также на один или оба продольных края (рис. 57, 26—31).

Единственным экземпляром представлен концевой скребок с прямым рабочим краем на микропластинке длиной 3,5 см и шириной 1 см (рис. 56, 16).

Ножевидные пластинки (745) составляют 14,6% всей коллекции и 20% всех кремневых орудий труда. В равной мере встречаются пластинки правильной формы с параллельными (реже — сходящимися) краями, трех- и четырехгранные в сечении, а также небрежно сколотые пластинки, близкие к отщепам. Длина их колеблется в пределах 3—12 см; ширина — от 0,5 до 3 см. Большинство составляют пластинки

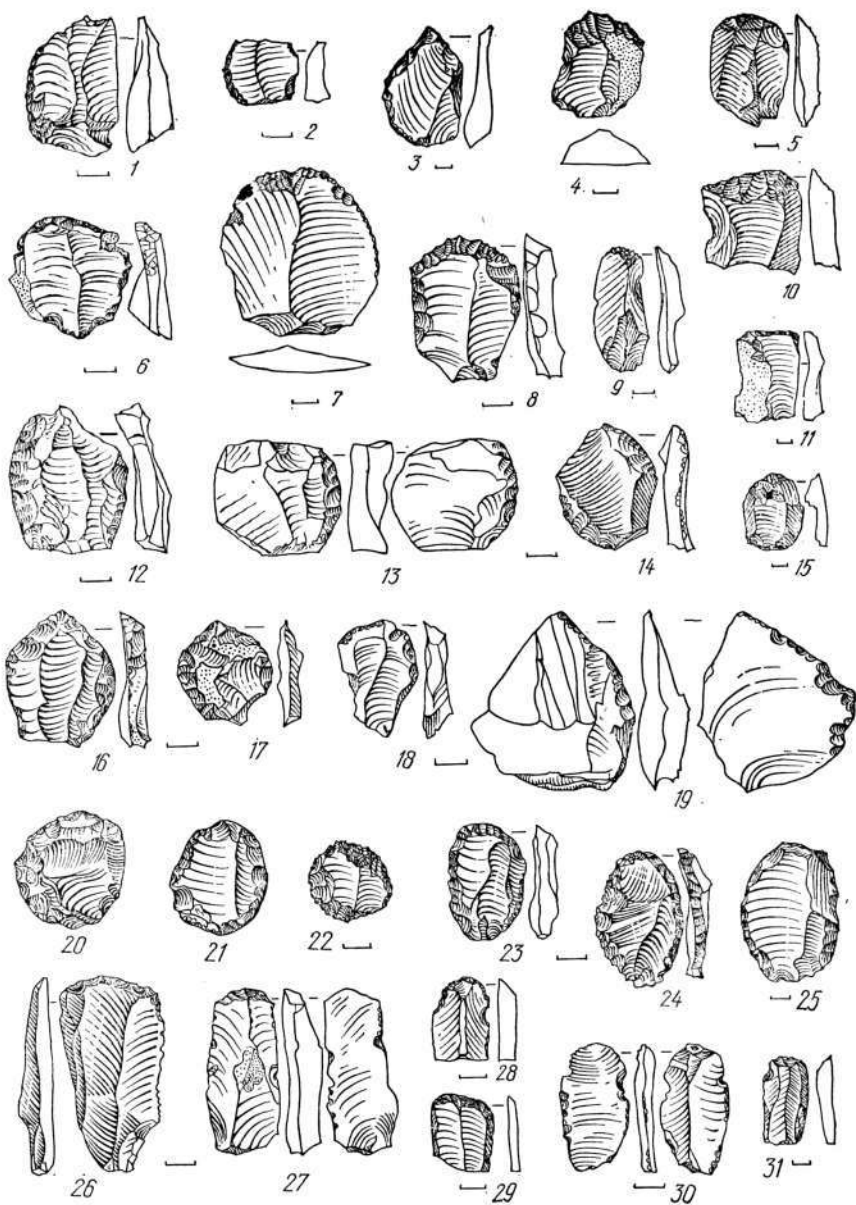

Рис. 57. Орудия труда из кремня (1—31).

длиной 5—6 см при ширине 1—1,3 см (рис. 58, 1, 6, 7, 14, 17—19). Большие пластинки длиной 8—12 см представлены 50 экземплярами (рис. 58, 2—5); примерно столько же экземпляров относится к категории микропластинок, достигающих в ширину 0,5—0,7 см (рис. 56, 17—20). Небольшим количеством представлены и короткие (1—1,5 см) срединные выломы из пластинок (рис. 58, 16).

В подавляющем большинстве пластинки не подвергались вторичной обработке; лишь 10% всех пластинок имеют ретушь. Обычно мелкая приостряющая ретушь наносилась лишь на участок одного края со стороны спинки или брюшка (рис. 58, 1, 8), реже ретушью бывает оформлен весь край (рис. 58, 13), изредка ретушь наносилась на оба края (рис. 58, 2, 3, 5, 9, 10); единичны экземпляры с двусторонней противоположащей ретушью.

В результате трассологического анализа установлено, что $\frac{2}{3}$ всех пластин (510) использовались в качестве ножей (одно- и двухлезвийных). В качестве вкладышей составных ножей часто употреблялись небольшие правильной формы пластинки с параллельными краями (рис. 58, 15). Под бинокляром заметны мельчайшие выщербины вдоль рабочего края таких вкладышей. Абсолютное большинство ножей использовалось, по определению Г. Ф. Коробковой, для разделки туш животных («мясные» ножи) и лишь 11 экземпляров — преимущественно крупные широкие пластины с одним или двумя лезвиями служили для обработки дерева (строгальные ножи) (рис. 58, 5). Единственным экземпляром представлен нож для разделывания рыбы (определение Г. Ф. Коробковой) на широкой и короткой

пластине подтреугольных очертаний, два края которой обработаны крупной притупляющей ретушью, а рабочий край — мелкой приостряющей (рис. 58, 11).

Более 200 пластинок с ретушью и без нее употреблялись, как показало их исследование под бинокляром, в качестве боковых скребков с одним или двумя рабочими лезвиями (рис. 58, 9, 10). Вкладышами составного охотничьего оружия типа дротика или копья являлись восемь микропластинок (рис. 56, 17—19), вдоль края которых при осмотре под бинокляром видна узкая полоска заполировки, образовавшаяся при пробивании шкуры животного.

Вкладыши серпов (73) составляют 2% общего количества орудий труда. Это большей частью правильной формы пластинки с параллельными краями и прямым или чуть изогнутым профилем. Длина таких пластинок колеблется в пределах 2,5—4,5 см, ширина — 0,8—2 см (рис. 58, 20—24). Характерным признаком вкладыша серпа является косая (угловая) заполировка участка одного из краев со стороны спинки и брюшка. Рабочее лезвие пластинки-вкладыша обычно выкрошено, а в нескольких случаях снабжено мелкой ретушью. Иногда вкладыши серпов использовались вторично, уже в другой функции. Примерами могут служить сверло на узком листовидном вкладыше серпа с ретушью вдоль краев со стороны брюшка (рис. 58, 12), а также скобель на широкой пластинке-вкладыше со следами заполировки со стороны брюшка (рис. 58, 25).

С. Н. Бибиков на материалах Луки-Врублевцевкой реконструировал раннетрипольский серп, состоящий из пяти — семи вкладышей, косо

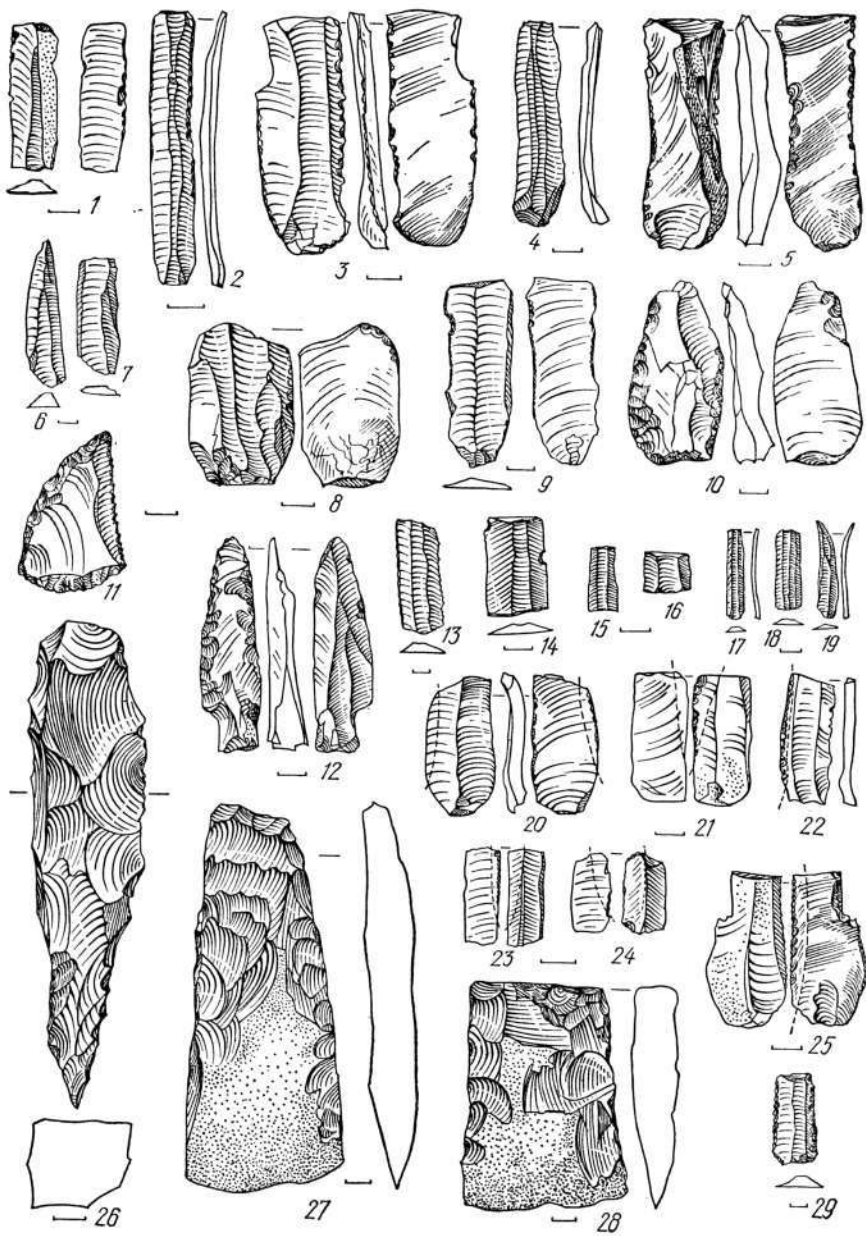

Рис. 58. Орудия труда из кремня (1—29):

1—25 — раннее Триполье;
26—29 — позднее Триполье.

вставленных в деревянную или роговую оправу, так что их углы создавали зубчатый рабочий край орудия². Реконструкция эта вполне убедительна, но, возможно, уже в раннем Триполье существовал и другой тип серпа, впоследствии широко распространенный в памятниках развитого этапа культуры³. Во всяком случае, в Бернашевке найдено несколько вкладышей однолезвийного серпа с заполировкой вдоль одного из краев пластинки (рис. 58, 22).

Скобели (304). Эти орудия для обработки дерева составляют 8,5% общего количества кремневых орудий труда. Абсолютное большинство их изготовлено на пластинках, и лишь 1/6 часть — на отщепах. Преобладают скобели-пластинки с одним или двумя рабочими лезвиями в виде неглубоких выемок на одном (реже на двух) из краев. Выемки со стороны стенки или брюшка оформлены ретушью (рис. 59, 1—3). Лишь несколькими экземплярами представлены однолезвийные скобели концевой типа (рис. 59, 6). Скобели на отщепах обычно имеют одно рабочее лезвие в виде большой неглубокой выемки (рис. 59, 4). Часто скобели выступают на других орудиях — ножах, скребках, вкладышах серпов — во вторичном употреблении (рис. 59, 5).

Сверла и проколки (соответственно, 57 и 14). Встречаются преимущественно сверла на довольно больших подтреугольных и удлинненно-подтреугольных отщепах, края которых подправлены крупной притупляющей ретушью для того, чтобы орудие удобнее было держать в руке. Ост-

рый рабочий конец сверла, иногда выступающий в виде специально выделенного жальца, подправлен мелкой ретушью, часто противолежащей (рис. 59, 7, 9, 10). Обычно рабочий конец сверла сработан, сглажен. В качестве заготовок для сверла использовались и небольшие пластинки (рис. 59, 11), изредка — микропластинки (рис. 56, 21). Рабочее острие орудия и боковые края пластинки также подправлены ретушью, в том числе противолежащей. В одном случае сверлом служила микропластинка со скошенным и оформленным крутой притупляющей ретушью концом (рис. 59, 22). Часто сверла выступают во вторичном употреблении — на скребках (рис. 59, 8, 12), скобелях и других орудиях.

Проколки весьма схожи со сверлами по внешним признакам и обычно различия между ними выявляются лишь под бинокуляром. Часто проколки изготовлены на небольших пластинках (рис. 59, 14), микропластинках (рис. 56, 23, 24) и на других орудиях во вторичном употреблении — ножах, скобелях (рис. 59, 13) и т. д.

Развертки (9) — инструмент, с помощью которого «разворачивали», расширяли отверстия в дереве, роге и других материалах. Обычно для этой цели использовались пластинки разных размеров со слегка зауженным концом. Края таких пластин снабжены двусторонней противолежащей ретушью (рис. 59, 15—17). Для рабочей части развертки характерны заглаженные, скругленные края; ретушь и грани пластинки также стертые, сглажены.

Пилки (9) — пластинки с мелкой зубчатой или краевой ретушью. Обычно рабочим является лишь один край пластинки. Пилки невелики по

² Бибилов С. Н. Из истории каменных серпов на юго-востоке Европы. — СА, 1962, № 3, с. 3—8, рис. 3.

³ Там же, с. 7—8, рис. 4; 5.

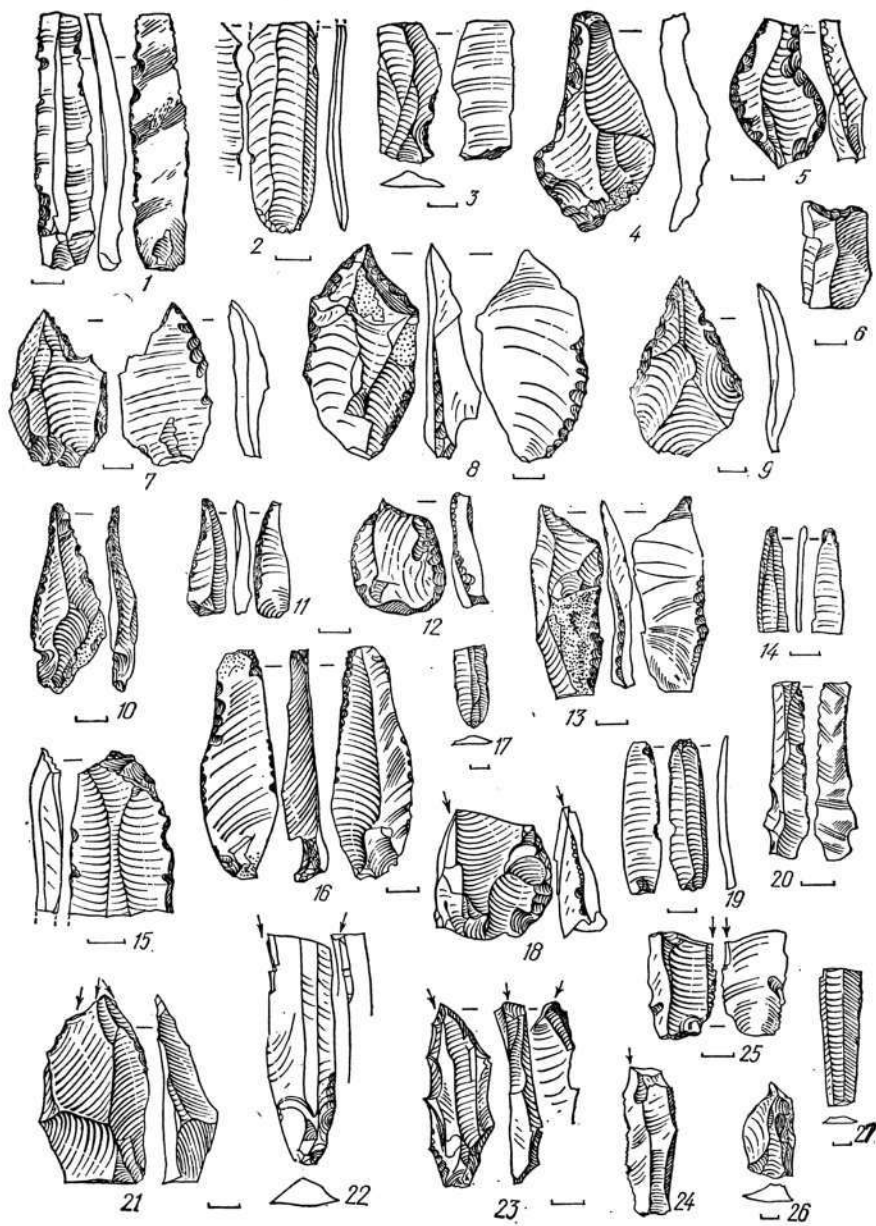

Рис. 59. Орудия труда из кремня (1—27).

размерам и редко бывают шире 1 см (рис. 59, 19, 20). Исключением является пилка на массивной широкой пластине кофейного добруджского кремня, впоследствии использованной как развертка (рис. 59, 15).

Резцы и резчики (соответственно 34 и 47) составляют 2,3% общего количества кремневых орудий. В равной пропорции встречаются резцы двух подтипов: а) срединные, на массивных отщепах, реже — на пластинках, в одном случае — на обломке нуклеуса; резцовые сколы всегда очень четко выражены (рис. 59, 21, 23); б) угловые, чаще всего на углу слома пластинки, изредка — на отщепе (рис. 59, 18, 22). Несколькими экземплярами представлены боковые резцы. Во многих случаях резец выступает как часть полифункционального орудия; обычно это резец-скребок (рис. 59, 18), резец-скобель, резец-нож и т. д.

Резчики — те же резцы, применяющиеся при более тонких работах, изготовлены на небольших пластинках и отщепах. Рабочий конец сформирован микросколами. Обычны резчики углового типа на пластинках — ножах, скобелях и др. (рис. 59, 24—27), гораздо реже встречаются резчики срединного типа. Как и резцы, резчики часто выступают в сочетании с другим орудием (резчик-скребок, резчик-сверло и т. д.). Одним экземпляром представлен двойной резчик на пластинке.

Микролиты геометрической формы. При раскопках жилищ найдено четыре микролитических кремневых орудия геометрической формы:

1. Орудие в виде параллелограмма, сделанное на срединном выломе микропластинки. Мелкая притупляющая ретушь нанесена на боковые края пластинки (рис. 56, 24). Это орудие,

найденное в жилище 3, являлось, по определению Г. Ф. Коробковой, двойной проколкой.

2. Орудие, близкое по форме предыдущему. Боковые грани оформлены крутой ретушью, а у самого края — мелкой приотстригающей (рис. 56, 25).

3. Асимметричная трапеция на срединном выломе микропластинки прозрачного темного кремня. Спинка пластинки покрыта желвачной коркой. Крупной ретушью обработаны боковые грани пластинки (рис. 56, 26).

4. Асимметричная трапеция на срединном выломе микропластинки. Одна боковая грань обработана очень мелкой приотстригающей ретушью, в результате чего образовался острый колющий край-выступ (рис. 56, 27).

Три последние изделия, происходящие из жилища 4, являются, по определению Г. Ф. Коробковой, вкладышами охотничьего оружия. Еще один такой вкладыш был найден на поверхности (подъемный материал) (рис. 56, 28).

Среди единичных орудий привлекает внимание лоцило для кожи из плоской круглой гальки диаметром 5,5 см (жилище 2). Поверхность гальки со всех сторон сглажена и заполирована до блеска.

От раннетрипольского кремня заметно отличаются немногочисленные орудия труда, связанные с остатками поселения позднего этапа Триполья. Это, прежде всего, большие грубые пластины (длиной 15 см и более) — заготовки для обычных позднетрипольских ножей. Собрано более 30 таких пластин и несколько обломков уже готовых орудий. Вкладышем составного серпа служила четырехгранная пластинка с параллельными

краями, тщательно обработанными зубчатой ретушью со стороны спинки. Вдоль одного из краев со спинки и брюшка хорошо заметен специфический «жирный» блеск (рис. 58, 29).

Обычны для позднего Триполья и клиновидные кремневые топоры с прямоугольным сечением. Лезвие у них прямое или чуть закругленное, профиль асимметричный. Большая часть поверхности этих орудий обработана крупными сколами, а участок у лезвия зашлифован до блеска (рис. 58, 27, 28).

Единственным экземпляром представлено большое (длина 18 см) орудие в виде кайла или пики с зауженным острым концом. Массивная четырехгранная в поперечном сечении рукоять орудия покрыта небрежными крупными сколами. Зауженное округлое в сечении острие дополнительно обработано грубой ретушью (рис. 58, 26). Орудия этого типа довольно часто встречаются на трипольских памятниках Поднестровья и в свое время породили идею местного «макролитического кампинья», на основе которого возникла здесь трипольская культура. Упомянем также небольшое долото или стамеску из белого кремня с хорошо зашлифованной поверхностью и два наконечника стрел с выемкой в основании. Этим исчерпывается список кремневых орудий, связанных с позднетрипольским разрушенным слоем в Бернашевке.

Возвращаясь к раннетрипольским материалам, сопоставим их с кремнем других памятников, хронологически и территориально близких Бернашевке. Сопоставление это не может быть достаточно глубоким и всесторонним, так как материал многих раннетрипольских поселений не

опубликован вовсе (Флорешты, Рогожаны, Сабатиновка II, Гайворон и др.) либо издан лишь частично. Не создана еще единая типологическая номенклатура раннетрипольского (да и не только раннетрипольского) кремня; часто при публикации отсутствуют даже самые простые количественные характеристики материала. Поэтому кремневый инвентарь трипольских памятников еще не может лечь в основу серьезных обобщений, сделанных, в частности, на материалах Средней Азии⁴ и Кавказа⁵.

При сравнении кремневого инвентаря таких раннетрипольских памятников Среднего Поднестровья, как Бернашевка, Ленковцы, Лука-Врублевская, Берново, черты его сходства проявляются, прежде всего, в изделиях, связанных с расщеплением кремня и производством орудий. Так, на каждом из указанных поселений встречено большое количество нуклеусов, аналогичных по форме, размерам и приемам огранки: призматические (одно- и двухплощадочные, плоские; с правильным круговым, но чаще односторонним скалыванием), конусовидные (с прямой ударной площадкой или косоплощадочные), аморфные⁶. Крайне редко встречаются небольшие призматические и карандашевидные нуклеусы, близкие к микролитическим (в коллекции из Луки-Врублевской, например, их

⁴ Коробкова Г. Ф. Культуры и локальные варианты мезолита и неолита Средней Азии. — СА, 1975, № 3, с. 8—27.

⁵ Аразова Р. В. Каменные орудия эпохи энеолита Азербайджана. Автореф. канд. дис. Баку, 1974.

⁶ Бибиков С. Н. Поселение Лука-Врублевская, с. 83—84, табл. 2; 3; Черниш К. К. Раннетрипольське поселення Ленківці..., с. 43—45; Пассек Т. С. Раннеземледельческие..., с. 52—53.

около десяти). Очень много отжимников-регушеров на массивных ребристых пластинках и пластинчатых отщеплах, сработанных небольших нуклеусов, а также шаровидных отбойников и отбойников на нуклеусах⁷.

Орудия труда также проявляют заметное сходство. Это относится, прежде всего, к вкладышам серпов с угловой заполировкой⁸, составляющих, по нашим подсчетам, 5% всех орудий труда (включая пластинки без ретуши) в Луке-Врублевцевкой, 3% — в Берново, 2% — в Ленковцах и Бернашевке. Повсеместно и в больших количествах встречаются также сверла и проколки на пластинках и отщеплах, по форме и способу изготовления совершенно идентичные бернашевским⁹.

На каждом из указанных поселений встречены скобели на пластинках, однако их количество (около десяти в Луке-Врублевцевкой и Ленковцах, пять-шесть в Берново) невелико по сравнению с набором этих изделий из Бернашевки (304). Это же относится и к резцам (резчикам), в значительном количестве найденным в Бернашевке (81—2,3% всех орудий). Для сравнения напомним, что в большой коллекции из Луки-Врублевцевкой С. Н. Бибилов выделил всего пять резцов¹⁰, по одному резцу было найдено в Браге и

Озаринцах¹¹; также один резец выделен нами среди материалов из Ленковцев. В Берново, Солонченях I и других поселениях Поднепровья резцы не обнаружены.

Близки в типологическом отношении основные группы орудий раннетрипольских поселений Поднепровья — ножевидные пластинки и скребки. Как и в Бернашевке, на поселениях Лука-Врублевцевка, Ленковцы, Берново и других в основном встречаются пластинки длиной 5—7 см при небольшом количестве микропластинок и крупных пластинок длиной 10 см и более¹². Пластинки с боковой ретушью обычно составляют малую часть коллекций (80 в Бернашевке, 91 — Луке-Врублевцевкой, 46 — в Ленковцах, 47 — в Берново), а неретушированные пластинки исчисляются сотнями. Таким образом, по форме, размерам, характеру нанесения ретуши и числу ретушированных экземпляров ножевидные пластинки всех упомянутых памятников проявляют значительное сходство. Заметны лишь некоторые количественные различия. Так, если пластинки без ретуши рассматривать в качестве орудий труда (а трассологический анализ позволяет сделать это), то в материалах таких памятников, как Лука-Врублевцевка и Ленковцы, ножевидные пластинки будут составлять 60—70% всех орудий труда, а в Берново и Бернашевке — соответственно 33 и 20%.

Напомним, что скребки составляют 62% общего количества кремневых орудий труда из Бернашевки, такую же цифру дает, по нашим подсчетам,

⁷ Бибилов С. Н. Поселение Лука-Врублевцевка, табл. 1; Черныш К. К. Равньотрипольське поселення Ленківці..., с. 44—45.

⁸ Бибилов С. Н. Поселение Лука-Врублевцевка, с. 87, табл. 9—10; Пассек Т. С. Раннеземледельческие..., с. 53, рис. 7, 3—13.

⁹ Бибилов С. Н. Поселение Лука-Врублевцевка, табл. 11.

¹⁰ Бибилов С. Н. Поселение Лука-Врублевцевка, с. 91, табл. 14, 2—3.

¹¹ Черныш Е. К. Резцы с трипольских поселений.— КСИМК, 1959, вып. 59, с. 141.

¹² Бибилов С. Н. Поселение Лука-Врублевцевка, с. 84.

и поселение Берново. В Луке-Врублевцевой и Ленковцах на долю скребков приходится соответственно 31 и 23% общего количества орудий. Так же, как и Бернашевке, все указанные памятники дают скребки двух типов — на пластинках и на отщепах. Скребки второго типа по форме (концевые, двусторонние, боковые, стрельчатые и т. д.¹³), размерам (средние и крупные; микроскребки практически отсутствуют), характеру ретуши (крутая притупляющая, часто противолежащая) находят значительные соответствия в коллекции из Бернашевки. Однако подавляющее большинство скребков из Ленковцев и Луки-Врублевцевой изготовлено на коротких пластинчатых отщепах и относится к подтипу концевых с правильным выпуклым рабочим концом; этим они заметно отличаются от более грубых и разнотипных скребков из Бернашевки. Это же относится и к скребкам на пластинках: в Луке-Врублевцевой и других памятниках они выполнены на правильных пластинках с параллельными краями и имеют хорошо отретушированный полукруглый рабочий конец; в Бернашевке — изготовлены весьма небрежно, на «нестандартных» пластинках.

Еще более заметной становится разница между скребками из Бернашевки и другими памятниками Подднестровья при количественном сопоставлении типов этих орудий. Если в Ленковцах, Берново и Луке-Врублевцевой абсолютное большинство составляют скребки на пластинках (соответственно 75, 84 и 85%

¹³ Бибилов С. Н. Поселение Лука-Врублевцевая, табл. 6—7; Черних К. К. Ранньотрипільське поселення Ленківці..., с. 49—51; Пасек Т. С. Раннеземледельческие..., с. 52—54, 67.

всей группы), то в Бернашевке еще более заметно преобладание скребков на отщепах — 96,6%. Соотношение это не может быть случайным, так как группы достаточно представительны (400 скребков в Берново, 450 — в Ленковцах, 1000 — в Луке-Врублевцевой, 2300 — в Бернашевке).

Скребки на отщепах преобладают (84%) и в коллекции с поселения Брага на Среднем Днестре, однако эта коллекция невелика (всего 62 предмета), содержит лишь 36 скребков и к тому же собрана на поверхности¹⁴.

Рассматривая кремневый инвентарь раннетрипольских памятников бассейна Южного Буга — Греновки, Сабатиновки II, Гайворона¹⁵, мы сразу же замечаем, что среди орудий труда преобладают скребки. В Гайвороне они составляют 65%, в Сабатиновке II (учитывая материалы трех наземных жилищ и одной землянки) — 51%. По соотношению двух типов скребков эти поселения оказываются наиболее близкими Бернашевке: в Гайвороне скребки на отщепах составляют 99,5%, в Сабатиновке II — 98,5% (при общем количестве скребков соответственно 609 и 282). Но этим сходство между кремнем Бернашевки и памятников Побужья исчерпывается. Ассортимент и формы большинства орудий труда из Греновки, Гайворона и Сабатиновки II гораздо беднее, чем в Бернашевке. Так, в

¹⁴ Коллекция, собранная П. И. Борисковским, хранится в фондах ИА АН УССР. См.: Борисковский П. И. Деякі доповнення до археологічної карти Середньої Наддністрянщини.— Археологія, 1950, т. 4, с. 120—121.

¹⁵ Раскопки М. Л. Макаревича в 1960—1961 гг. Коллекция хранится в фондах ИА АН УССР.

Сабатиновке II найдено всего четыре вкладыша серпа, два скобеля, два резца (в Гайвороне соответственно 10,5 и 1), отсутствуют стрельчатые скребки на отщепах, резчики, развертки, отбойники на нуклеусах, очень мало отжимников-ретушеров. Для Побужья характерны изделия небольших размеров — близкие к микролитическим и микролитические. Максимальная высота нуклеусов в Сабатиновке II — 5—6 см, но наиболее часто встречаются экземпляры высотой 3—4 см; в Гайвороне можно встретить нуклеусы высотой 7—8 см, однако и для этого памятника типичны конусовидные и призматические ядрища, заметно уступающие в размерах аналогичным изделиям из Бернашевки. Это, естественно, относится и к пожевидным пластинкам. 7% всех скребков на отщепах из Сабатиновки II и 16% скребков из Гайворона в диаметре не превышают 1—1,8 см, т. е. могут быть отнесены к микролитическим. Размеры нуклеусов, заготовок и готовых орудий труда из раннетрипольских поселений Побужья обусловлены особенностями местного сырья — мелкой кремневой гальки и валунов, часто сильно кристаллизованных и плохо поддающихся расщеплению. Не случайно в коллекциях из Гайворона и Сабатиновки II присутствуют многие сотни мелких бесформенных отщепов, часто со следами желвачной корки и без всяких признаков утилизации.

Таким образом, кремневый инвентарь Бернашевки и других памятников Среднего Поднестровья заметно отличается от набора изделий из кремня, связанных с поселениями Южного Буга.

К сожалению, при нынешнем состоянии источников мы лишены воз-

можности сравнить коллекции кремня из Бернашевки и близких памятников раннего Триполья — культуры Прекукутени на севере МССР, в бассейне Прута и румынской Молдове. Основываясь на данных о кремне поселений Траян-Дялул Вией (фаза Прекукутени I) и Ларга-Жижиа (Прекукутени II), приведенных в работах А. Д. Александреску¹⁶, С. Маринеску-Былку¹⁷ и А. Пэунеску¹⁸, можно сделать вывод о значительном сходстве кремневых изделий названных памятников и Бернашевского поселения. Сходство это проявляется в типах нуклеусов (призматические и конусовидные с круговой и односторонней гранкой, аморфные), технике расщепления и вторичной обработки, наборе и формах орудий труда (пожевидные пластинки, скобели, скребки на пластинках, разнообразные скребки на отщепах, микролиты в виде трапеций и параллелограммов), размерах изделий. Особенно наглядно проявляется сходство между кремнем из Бернашевки и Ларга-Жижиа в том, что на последнем памятнике скребки составляют 78% всех орудий, а скребки на отщепах встречаются гораздо чаще, чем скребки на пластинках (соответственно 87 и 13%). В Траяне-Дялул Вией скребки также являются наиболее многочисленным видом кремневых орудий труда (48%), но внутри группы преобладают скребки на пластинках (60%).

Предварительно можно говорить и о значительном сходстве между

¹⁶ Александреску А. Д. О второй фазе..., р. 21—22.

¹⁷ Marinescu-Bilcu S. Cultura Precucuteni..., р. 39—41, fig. 11; 14.

¹⁸ Păunescu A. Evoluția uneltelor și armelor de piatră cioplita descoperite pe teritoriul României. București. Editura Acad. RSR, 1970, р. 45—47, 168—169, fig. 28.

кремнем из Бернашевки и Флорешт.

Набор кремневых изделий наиболее ранних поселений начального этапа Триполья (а к ним принадлежит и Бернашевка) весьма важен для выяснения связи с индустриями предшествующих культур. Именно в этом плане его рассматривали многие исследователи, справедливо полагавшие, что решение вопроса о генезисе раннетрипольского кремня в значительной мере прояснит проблему происхождения культуры в целом.

В свое время С. Н. Бибиков высказал мысль об автохтонном происхождении раннетрипольской кремневой индустрии. В наборе орудий, типах нуклеусов и приемах вторичной обработки кремня из Луки-Врублевцевкой исследователь увидел черты глубокого архаизма, истоки которого, как он полагал, «следует искать в местных условиях быта охотничьих племен эпохи мезолита, сохранивших в производстве кремневых орудий архаические особенности верхнепалеолитической техники»¹⁹. Напомним, что в 50-е годы, когда писалась монография о Луке-Врублевцевкой, памятники эпохи мезолита и неолита на Юго-Западе СССР практически не были известны. Позднее, когда в Поднестровье и на соседних территориях были открыты и изучены многочисленные мезолитические стоянки²⁰ и поселения неолитической буго-днестровской культуры, появились предпосылки для более конкретных поисков путей сложения комплексов кремневых изделий ранних энеолитических памятников Правобережья

Украины и Молдавии. В трудах В. Н. Даниленко и В. И. Маркевича, исследовавших в Побужье и Поднестровье раннее Триполье и буго-днестровский неолит, подчеркивается тесная генетическая связь между комплексами кремневых изделий обеих культур.

Так, по мнению В. Н. Даниленко, кремневый инвентарь неолитических памятников буго-днестровской культуры имеет «органическое продолжение в наборе микролитических кремневых орудий таких древнейших трипольских памятников, как Флорешты, Гайворон или Сабатиновка II»²¹. Эту же мысль В. Н. Даниленко развивает далее: «О важной группе производственного инвентаря, кремневых орудиях, придется сказать немного, ибо набор кремневых изделий памятников савранско-хмельницкого времени (поздний неолит.— В. З.) практически неотличим от изделий, выявленных на Сабатиновке II, Гайвороне, Чернятке (трипольский комплекс), Александровке, Браге, Соловчане, Флорештах и др. Инвентарь в обоих случаях микролитический, что распространяется как на орудия, изготовленные из пластинок, так и на те, которые формировались на отщепах»²². Неолитические черты, указанные автором, видны во всех категориях раннетрипольского инвентаря, придавая особое значение наличию геометрических микролитов в виде ромба; разница между неолитическим и раннетрипольским кремнем состоит, по его мнению, лишь в том, что в неолите более архаичны вкладыши серпов и чаще встречаются трапецевидные

¹⁹ Бибиков С. Н. Поселение Лука-Врублевцевкая, с. 96—110.

²⁰ Черныш О. П. Стародавнє населення Подністров'я в добу мезоліту. К., 1975.

²¹ Даниленко В. Н. Неолит Украины, с. 155, 159.

²² Даниленко В. Н. Энеолит Украины. К., 1974, с. 22.

микролиты. Неоднократно подчеркивая архаическую микролитичность раннетрипольских кремневых изделий, В. Н. Даниленко уточняет, что эта черта присуща лишь инвентарю наиболее ранних памятников (Гайворон, Сабатиновка II, Флорешты и др.) и не прослеживается уже в Луке-Врублевской и Греновке²³.

В. И. Маркевич различает в трипольском кремне ряд элементов, которые могли быть унаследованы только от буго-днестровской культуры: ладьевидные отжимники-ретушеры; приемы оформления и огранки нуклеусов и некоторые их типы (уплощенные нуклеусы со скошенной площадкой); мелкие скребки; угловые резчики; подромбовидные микролиты²⁴. Оценивая весомость доводов В. Н. Даниленко и В. И. Маркевича, заметим, прежде всего, что мнение о микролитичности раннетрипольского кремня недостаточно обосновано. Как отмечалось, относительная микролитичность инвентаря Сабатиновки II, Гайворона, а также Греновки объясняется характером исходного сырья; изделия же днестровского происхождения (это хорошо видно на примере коллекции из Бернашевки) отнюдь не являются микролитическими по своему облику. Небольшие нуклеусы, скребки и другие орудия, изредка встречающиеся в Бернашевке, Флорештах, Луке-Врублевской (список можно продолжить) не определяют лицо этих памятников. Если даже они и являются отзвуком неолита, то не обязательно неолита буго-днестровского.

Специфические изделия буго-днестровской культуры, упоминаемые В. И. Маркевичем, — отжимники-ретушеры ладьевидной формы в уплощенные косополюсчатые нуклеусы, — не найдены в Бернашевке. Что касается угловых резчиков буго-днестровской культуры (пластинки, угол которых подправлен ретушью и имеет следы зашлифовки)²⁵, то они принципиально отличаются от резчиков из Бернашевки, оформленных резцовыми сколами и являющихся на деле микрорезцами — угловыми, срединными и боковыми.

Одним из звеньев, связывающих буго-днестровскую культуру с ранним Трипольем, являются, по мнению В. Н. Даниленко и В. И. Маркевича, микролиты в виде ромба (параллелограмма) или асимметричной трапеции. Судя по публикациям указанных авторов, удельный вес этих изделий — вкладышей в неолитическом кремневом инвентаре — весьма невелик: известны лишь удлиненный ромб и асимметричная трапеция из поселения Сороки V на Днестре (V фаза культуры, по В. И. Маркевичу), а также 17 асимметричных трапеций, найденных в полуземлянке на поселении Руптура-Селиште в бассейне Реута (III фаза)²⁶. С южного Буга происходят три асимметричные трапеции (две найдены в самчанском слое поселения Базьков остров, одна — в пещерском слое поселения Гайворон-Полижок)²⁷. Следует отметить, что микролиты этих форм не являются достоянием одной лишь буго-днестровской культуры;

²³ Даниленко В. Н. Неолит Украины, с. 10—12, 22.

²⁴ Маркевич В. И. Буго-днестровская культура..., с. 165; Маркевич В. И. Исследования Молдавской неолитической экспедиции, с. 32.

²⁵ Маркевич В. И. Буго-днестровская культура..., с. 29.

²⁶ Там же, с. 108, рис. 61, 18, 19; с. 14, 124.

²⁷ Даниленко В. Н. Неолит Украины, с. 67, рис. 17, 3, 4; с. 113, рис. 81, 26.

они встречаются, в частности, в памятниках культуры линейно-ленточной керамики на территории Молдовы (Глэвенешти-Веж, Траян-Дялул Фынтынилор)²⁸. Именно к слою культуры линейно-ленточной керамики во Флорештах Т. С. Пассек отнесла серию асимметричных трапеций и микролит удлиненно-ромбовидной формы²⁹. Позже эту атрибуцию оспорил В. И. Маркевич, который связал упомянутые микролиты с раннетрипольским слоем, но не аргументировал свою точку зрения³⁰.

На начальном этапе культуры Прекукутени (поселение Траян-Дялул Вией)³¹ эти изделия стали известны, очевидно, но без участия носителей позднейшей культуры линейно-ленточной керамики. В раннем Триполье они встречаются, хотя и в небольшом количестве, на многих поселениях Поднепровья (Бернашевка, Солончены³²), Побужья (Сабашиновка II³³, Гайворон, Александровка³⁴) и севера Молдавии (Рогожаны и др.³⁵).

²⁸ Păunescu A. Evoluția uneltelor și armelor..., p. 39, 155, 157.

²⁹ Пассек Т. С. Новые открытия на территории СССР..., с. 44, рис. 10, 5—8.

³⁰ Маркевич В. И. Буго-днепровская культура..., с. 108.

³¹ Păunescu A. Evoluția uneltelor și armelor..., p. 45, 168; fig. 28, 14.

³² Пассек Т. С. Раннеземледельческие..., с. 66, рис. 14, 1.

³³ Даниленко В. М., Макаревич М. Л. Дослідження на II Сабативівському ранньотрипільському поселенні, с. 137, табл. 1, 8—10.

³⁴ Скакун Н. Н. Функционально-трассологическое изучение материалов из трипольского поселения Александровка.— В кн.: 150 лет Одесскому археологическому музею АН УССР. Тез. докл. юбил. конф. К., 1975, с. 50.

³⁵ Маркевич В. И. Буго-днепровская культура..., с. 108; Маркевич В. И. Исследования Молдавской..., с. 31, рис. 1, 1—19.

Трудно связать с буго-днепровским неолитом и происхождение такой важной группы кремневых изделий раннего Триполья, как пластинчатые вкладыши серпов со следами угловой заполировки.

Единичные кремневые вкладыши, найденные на поселениях буго-днепровской культуры, принадлежат жатвенным ножам с прямым лезвием и имеют заполировку вдоль всего рабочего края³⁶. Правда, в упомянутой выше полужемлянке на поселении Руптура-Селиште В. И. Маркевич обнаружил 16 вкладышей серпов карановского типа с угловой заполировкой; находка эта уникальна для буго-днепровской культуры. Аналогии раннетрипольским вкладышам серпов находим на более ранних памятниках культур Боян³⁷ и Прекукутени I (Траян-Дялул Вией³⁸).

Наконец, следует отметить, что резцы, в значительном количестве встреченные на некоторых поселениях раннего (Бернашевка, Пугинешты³⁹) и даже развитого (Городница, Бучач⁴⁰) Триполья, почти неизвестны на памятниках буго-днепровской культуры⁴¹. В то же время они найдены на многих поселениях культуры Боян, начиная со 2-й ее фазы

³⁶ Маркевич В. И. Буго-днепровская культура..., с. 29, 112; Даниленко В. Н. Неолит Украины, с. 151, рис. 25, 1, 3; с. 162.

³⁷ Păunescu A. Evoluția uneltelor și armelor..., fig. 26, 1; 27, 4.

³⁸ Там же, fig. 28, 4, 13.

³⁹ Маркевич В. И. Исследования Молдавской неолитической экспедиции в 1970—1971 гг., с. 61.

⁴⁰ Черныш Е. К. Резцы с трипольских поселений, с. 141—143.

⁴¹ Маркевич В. И. Буго-днепровская культура..., с. 99; Даниленко В. Н. Неолит Украины, с. 159.

(Джулешти)⁴². Правда, в коллекциях из более поздних памятников культуры Прекукутени (Траян-Дялул Вией, Ларга-Жижиа) они отсутствуют, но это, возможно, связано с малыми размерами самих коллекций.

Подводя итог поискам сходства и различия между комплексами кремневых изделий Бернашевского поселения, других раннетрипольских памятников и близких в территориально-хронологическом отношении культур, мы можем сделать некоторые выводы. Не вызывает сомнения близость кремня Бернашевки и многих поселений Среднего Поднестровья (Лука-Врублевецкая, Берново и др.), но в отличие от последних кремневым изделиям Бернашевки присущ определенный архаизм, проявляющийся в наличии резцов, микрорезцов, геометрических микролитов, резком преобладании скребков на отщепях.

Генетическая связь кремня из Бернашевки, да и, вообще, раннетрипольского кремня с набором кремневых изделий неолитической буго-днестровской культуры далеко не очевидна. Если даже такая связь имела место, то не ею обусловлены основные черты кремня Бернашевки и всего раннего Триполья. Гораздо четче в этом плане прослеживается общность между кремневыми изделиями Бернашевки и нео-энеолитических памятников Нижнего Подунавья, прикарпатских районов Молдовы и Пруто-Днестровского междуречья (культуры Боян, Прекукутени I—II).

⁴² Păunescu A. Evoluția uneltelor și armelor..., p. 44, 165—166; fig. 26, 14; 27, 12, 13.

Изделия из камня

В инвентарии жителей древнего поселения видное место занимали орудия труда из различных пород камня. Основным подоложным материалом был сланец, выходы которого повсеместно встречаются в обнажениях корепного берега Днестра. Местные сланцы — серовато-белые, желтоватые, розово-коричневые, бурые, черные сравнительно мягки, пластичны, легко поддаются обработке, что предопределило широкое их использование в качестве сырья для орудий труда. Всего в коллекцию из Бернашевки входит более 110 разнообразных сланцевых изделий (целых и в обломках), преимущественно употреблявшихся для обработки дерева (топоры, тесла, долота или стамески), а также при сельскохозяйственных работах в качестве мотыг. Согласно традиционной морфологической классификации, клиновидные сланцевые орудия нео-энеолитического времени являются топорами, если они имеют симметричный профиль, и теслами, долотами, — если профиль асимметричен⁴³. По нашему мнению, о функциональном назначении этих изделий можно судить объективно лишь на основе данных трассологического анализа. В соответствии с этими данными среди каменных орудий Бернашевского поселения выделяются следующие функциональные группы.

⁴³ Черниш К. К. Раннетрипольське поселення Ленківці..., с. 51—53; Кочев К. За який спосіб за определяне на функціонального предназначення на каменняте орудія.— Археологія. Софія, 1972. № 1, с. 14—21; Comşa E. Date despre uneltele de piatră, șlefuită din epoca neolitică și din epoca bronzului de pe teritoriul României.— SCIV, t. 23, N 2, 1972, p. 245—262.

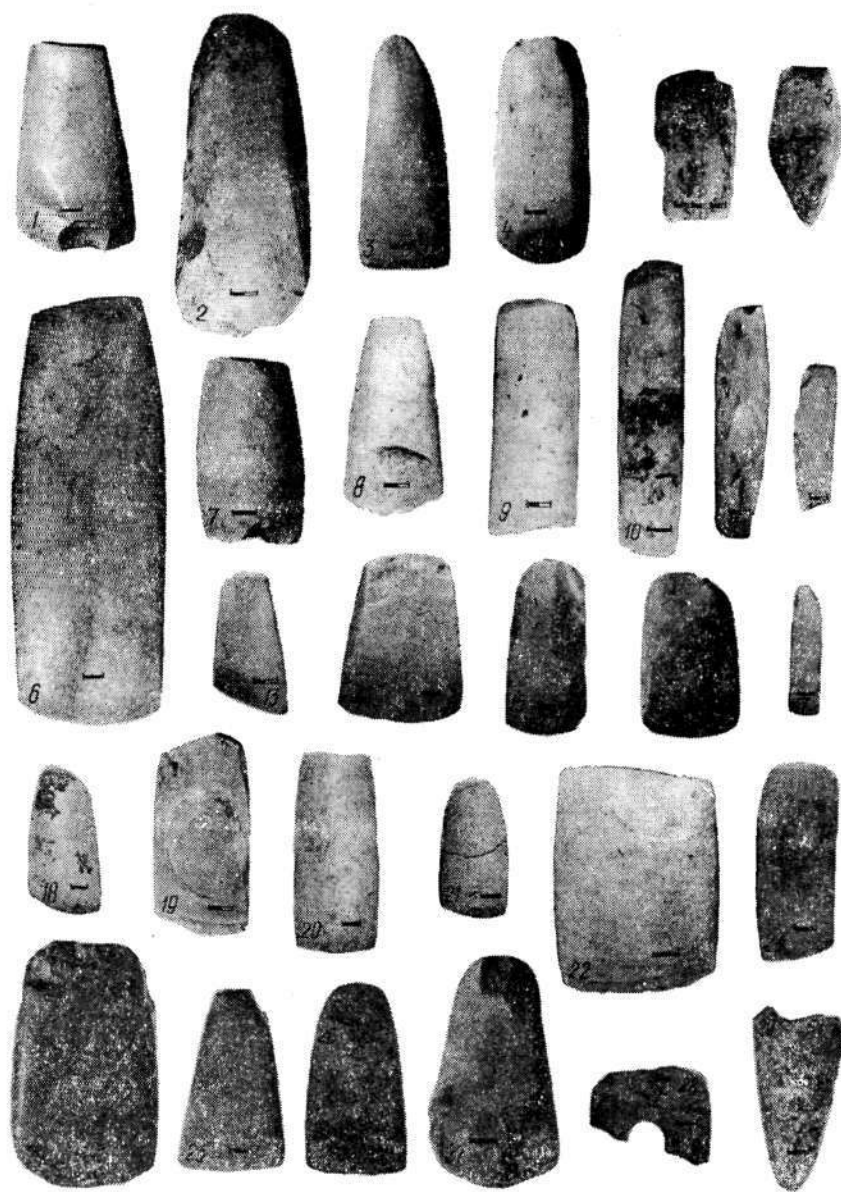

Рис. 60. Орудия труда и боевые топоры из разных пород камня (1—29):
1—5, 7—29 — поселение Бернашевка; 6 — поселение Ожево.

Тесла (около 50). Обычно это сравнительно небольшие орудия длиной 6—10 см при ширине 3,5—7 см; лишь несколько экземпляров достигают в длину 12—15 см. Большинство тесел по форме напоминают трапецию: их прямые или чуть выпуклые края слегка расширяются к лезвию (рис. 60, 7, 8, 13—16; 61, 4, 5, 12); гораздо реже встречаются экземпляры удлиненно-прямоугольных очертаний с параллельными краями (рис. 60, 9). Тесла обычно уплощены (толщина — 1—1,7 см) и имеют прямоугольное сечение. Обухок у них прямой или слегка закругленный; лезвие дуговидное, реже — почти прямое. Один экземпляр имеет асимметричное, прямое, резко скошенное лезвие (рис. 60, 13; 61, 12). В большинстве случаев лезвие тесла, одностронне стертое в процессе работы, делает его профиль асимметричным (рис. 60, 13, 14, 15; 61, 12); но некоторые изделия имеют и клиновидный симметричный профиль (рис. 61, 4). Весьма часто тесла использовались вторично в качестве отжимников-ретушеров. Обуховая часть таких орудий закруглена и заглажена (рис. 60, 9, 15, 16). В жилище 4 найдена заготовка для тесла (длина 12 см) удлиненно-прямоугольной формы со слегка расширяющимся лезвием. Последнее не заточено, а закруглено, сглажено и чуть забито в процессе работы. Изделие это, так и не став теслом, использовалось как отжимник-ретушер.

Топоры (около 30). По форме они очень близки к теслам, отличаясь от последних большими размерами и массивностью. При средней длине 10 см и ширине 4,5—5 см некоторые топоры имеют толщину 2,5—3 см; сечение их часто приближается к квадрату. В отличие от тесел, довольно

часто встречаются топоры прямоугольных очертаний с параллельными краями (рис. 60, 19, 20, 22, 23). Следует также отметить наличие больших орудий с заушенным обухом, напоминающих по форме удлиненный треугольник (рис. 61, 6). Довольно часто встречаются экземпляры с асимметричным, скошенным лезвием (рис. 60, 18, 23). Преобладают топоры с симметричным клиновидным профилем (рис. 60, 20—22; 61, 6), но не являются редкостью и экземпляры с более или менее выраженной асимметрией профиля (рис. 61, 5).

Так же, как и тесла, топоры иногда использовались вторично в качестве отжимников-ретушеров. В жилище 1 найден обломок рубящего орудия, использованный как лоцило для кожи.

Стамески (долота) — 10 экземпляров. Это узкие (ширина — 1,5—2 см) прямоугольные орудия длиной от 4 до 10 см с параллельными или слегка выпуклыми боковыми гранями. Рабочее лезвие, прямое или чуть скошенное, обычно хорошо заострено и иногда чуть заушено (рис. 60, 10—12, 17; 61, 7, 8). Профиль, как правило, симметричен.

Мотыги (20). Обычно это массивные клиновидные орудия длиной 10—13 см с подпрямоугольным или овальным сечением. Как тесла и топоры, они имеют трапециевидные, подпрямоугольные и удлиненно-треугольные очертания (рис. 60, 1—5; 61, 1—3). В равном количестве встречаются мотыги с симметричным и асимметричным профилем. Дуговидное (реже — прямое) рабочее лезвие мотыги обычно сильно затуплено и выщерблено в процессе работы. Исключением является мотыга из жилища 3 (рис. 60, 4; 61, 3),

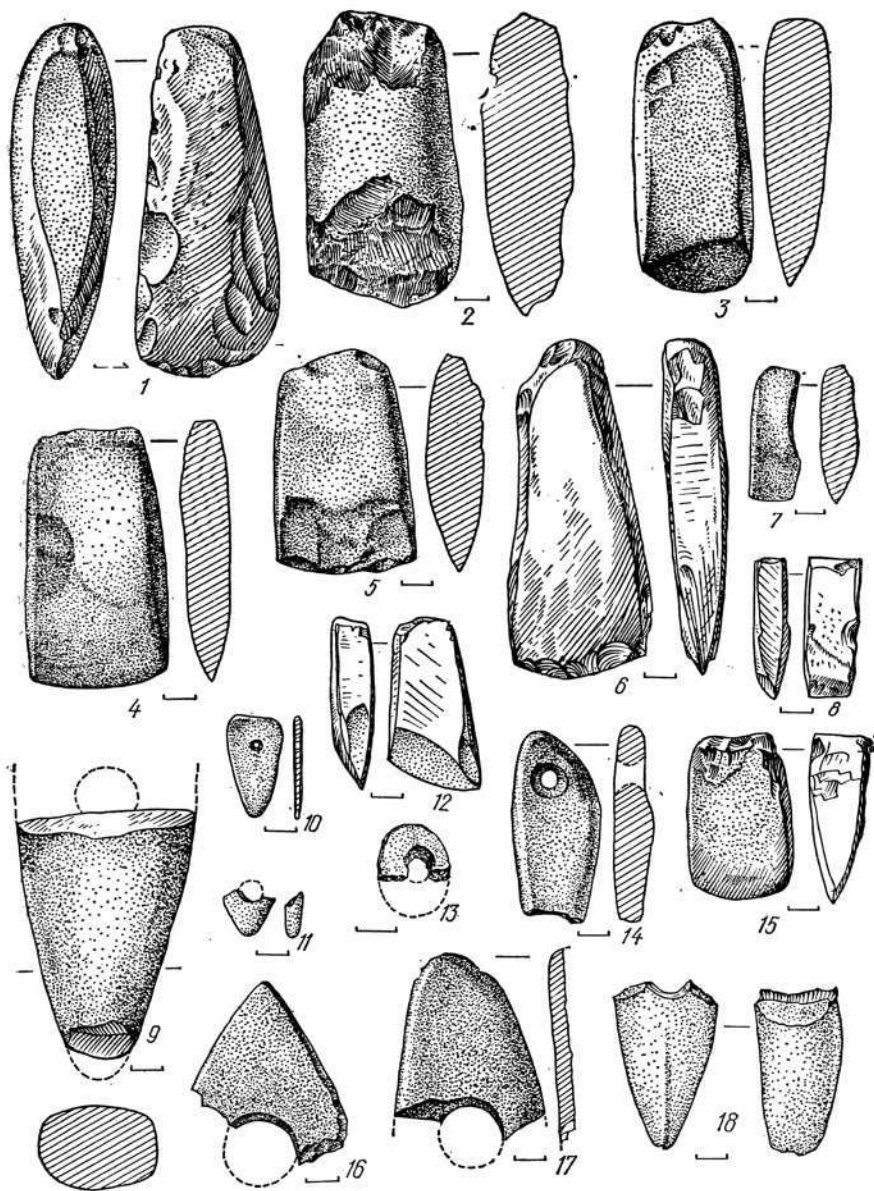

Рис. 61. Орудия труда и боевые топоры из разных пород камня (1—18).

недолго бывшая в работе. Она имеет очень острое дуговидное лезвие, специально заостренное на абразиве с одной стороны.

Значительный интерес представляют две мотыги из жилищ 3 и 6. Первая сделана из темно-коричневого сланца; в длину она достигает 8 см при ширине 4 см. Одна ее сторона уплощена, вторая — слегка выпукла (арочное сечение). Профиль асимметричен, лезвие основательно забито. С обеих сторон от лезвия к середине орудия отчетливо заметны следы использования в виде косо идущих тонких штрихов, очевидно, оставленных комьями земли и мелкими камешками при рыхлении почвы (рис. 62). Мотыга из жилища 6 при сравнительно небольших размерах (длина 9,5 см) очень массивна. Она имеет симметричный профиль и вертикальные боковые ребра в средней части. Снизу, ближе к плоско срезанному квадратному обушку, мотыга снабжена неглубокой выемкой для присоединения к коленчатой рукоятки (рис. 60, 5). Рабочая часть мотыги ближе к лезвию имеет следы работы в виде тонких, вертикально идущих царапин.

Несколько мотыг использовались вторично в качестве отжимников-ретушеров. Это относится, в частности, к крупной мотыге из жилища 6, закругленный обушок которой сглажен и выщерблен (рис. 60, 2; 61, 1).

Кроме деревообрабатывающих инструментов и мотыг, встреченных в большом количестве, упомянем и другие изделия из сланца, представленные единичными экземплярами. Из жилища 1 происходит сломанный отжимник-ретушер из плоской сланцевой гальки с закругленными гранями. Близ рабочего конца орудие снабжено просверленным с двух сто-

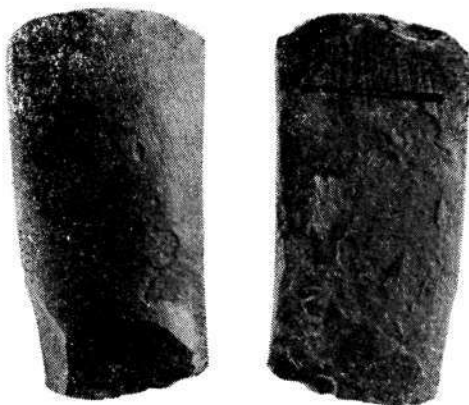

Рис. 62. Сланцевая мотыга.

рон отверстием (рис. 61, 14). В жилище 6 найден ретушер с уплощенным и закругленным рабочим концом, сделанный на узкой прямоугольной (длина 8,5 см) сланцевой гальке. Из этого же жилища происходит тонкая подпрямоугольная абразивная пластинка с узкой продольной канавкой-прорезью на одной из сторон.

Украшения представлены подпрямоугольной подвеской из тонкой сланцевой пластинки, снабженной небольшим сквозным отверстием (жилище 3) (рис. 61, 10) и ромбической подвеской-амулетом (рис. 61, 11).

К предметам вооружения относится боевой проушный топор (жилище 4), изготовленный из мягкого белого сланца. Сохранилась лишь передняя его половина длиной 9 см (рис. 60, 29). Топор побывал в огне и сильно потрескался.

Значительно реже, чем сланец, для изготовления орудий труда применялись твердые породы камня, и прежде всего, — различные сорта песчаника (крупнозернистый алевритовый песчаник; аркозовый, со значитель-

ной примесью полевого шпата и мусковита; кремнистый ороговикованный песчаник). Камень, по-видимому, добывался из девонских отложений, обнажившихся в долине Днестра. Пять предметов изготовлено из эффузивных лавовых пород типа гранит-порфира, андезита, диабаз-амфиболита, встречающихся в Карпатах.

Для обработки дерева применялись клиновидные топоры и тесла, по форме напоминающие аналогичные изделия из сланца. В жилище 1 найдено трапецевидное тесло с зауженным и закругленным обушком, изготовленное из розового песчаника; лезвийная часть орудия с одной стороны сильно забита (рис. 60, 27). Из породы типа гранит-порфира сделан большой топор-тесло с симметричным профилем и остро заточенным прямым лезвием (жилище 4) (рис. 60, 26). В жилище 3 найдено два топора. Один из них, изготовленный из ороговикованного кремнистого песчаника, отличается большими размерами и массивностью. По форме он близок к прямоугольнику, имеет прямоугольное сечение, асимметричный профиль и ровно срезанный обушок толщиной 3 см (рис. 60, 24; 61, 15). Второй топор, изготовленный из эффузивной породы, своими очертаниями напоминает удлиненный треугольник. Он симметричен в профиле, остро заточен и имеет выступающий зауженный обушок, заметно скругленный и сглаженный (рис. 60, 25). Некоторые тесла вторично использовались как отжимники-ретушеры и отбойники.

Пятью экземплярами представлены проушные боевые топоры, дошедшие в обломках, что мешает судить о их первоначальной форме (рис. 60, 28; 61, 9, 16—18). В плане сверленные топоры, очевидно, приближались

к треугольнику или ромбу, имели прямой или зауженный и закругленный обушок. От лезвия к симметрично расположенному отверстию для рукояти иногда шла чуть намеченная нервюра (рис. 61, 18). Привлекает внимание небольшой (очевидно, двулезвийный) сверленный топор ромбовидной формы, изготовленный из эффузивной породы типа гранит-порфира (рис. 61, 16). Большой уплощенный топор с закругленным и зауженным обушком был вторично использован как пест (рис. 61, 9).

Среди прочих изделий следует назвать плоский округлый (диаметр — 8,5 см) растиральник для краски и цилиндрический пестик из песчаника. Примечательна также массивная цилиндрическая поделка с зауженными и закругленными концами (длина — 11,5 см), употреблявшаяся в качестве отбойника. Иногда утилизировались и шаровидные конкреции, связанные своим происхождением с морскими осадками типа фосфорита. Поверхность одной из таких конкреций, заглаженная до блеска, указывает на то, что она употреблялась как лошито для керамики. Вторая конкреция, сточенная на двух полюсах, служила пестом-растиральником для помола зерна. Наконец, упомянем овальную плоскую подвеску из песчаника со сквозным круглым отверстием в центре (рис. 61, 13). Уникальной находкой является головка антропоморфной статуэтки из песчаника, которую более подробно опишем в следующей главе.

При сопоставлении каменного инвентаря Бернашевки с аналогичными изделиями других ранне трипольских памятников на первое место выступают количественные различия. Так, большая коллекция из Луки-Врублевской содержит 49 топоров, тесел,

моты из сланца, т. е. в два раза меньше, чем в Бернашевке. Берново и Ленковцы дали по 30 сланцевых орудий; еще меньше их в Гайвороне, Сабатиновке II (примерно по десятку) и на других раннетрипольских памятниках. По форме же, размерам, технологии изготовления и функциональному назначению сланцевые орудия труда всех раннетрипольских поселений в общем идентичны. Что же касается изделий из твердых пород камня и, прежде всего, сверленных боевых топоров, то количество их на раннетрипольских памятниках весьма ограничено: по одному-два экземпляра на некоторых поселениях (Берново, Ленковцы, Александровка и др.). В Луке-Врублевской обнаружено три сверленных боевых топора из сланца⁴⁴; один такой же топор найден в Ленковцах⁴⁵. Повсеместно встречаются каменные песты, растиральники и отжимники-ретушеры.

Таким образом, устойчивые и достаточно многочисленные типы каменных орудий труда, представленные более или менее значительным количеством экземпляров, присущи уже самым ранним трипольским памятникам. В этом отношении с Трипольем не может быть сопоставлена ни одна из предшествующих неолитических культур нашей территории. Так, вся буго-днестровская культура знает не более десятка топоров-тесел из разных пород камня, причем некоторые экземпляры, найденные на Южном Буге, можно отнести к трипольской культуре⁴⁶. Более много-

численные сланцевые тесла культуры линейно-ленточной керамики весьма специфичны (в форме «башмачной колодки»)⁴⁷ и генетически не могут быть связаны с раннетрипольским материалом.

В свое время С. Н. Бибиков высказал мысль о том, что приемы обработки камня и формы каменных орудий были занесены в Юго-Восточную Европу и, в частности, на Средний Днестр земледельцами-выходцами из южных широт⁴⁸. Эта идея не может быть оспорена и сейчас, но она нуждается в конкретизации, тем более, что, благодаря работам последних лет⁴⁹, постоянно проявляется специфика каменных орудий эпохи неолита в разных районах Юго-Восточной Европы. Наибольшее соответствие раннетрипольским каменным орудиям мы находим в рамках культуры Боян, Прекукутени I—II и Гумельница. Уже на ранних фазах культуры Боян, еще неолитических по своему содержанию, появляется полный набор плотницких каменных инструментов (топоры, тесла, долота), хорошо знакомый нам по коллекциям из Бернашевки и других раннетрипольских памятников. По форме, размерам, профилировке каменные орудия культуры Боян весьма схожи с трипольскими⁵⁰. Местная специфика

2, 3; 63, 6—8; Даниленко В. Н. Неолит Украины, с. 108, рис. 74; 75, с. 160.

⁴⁷ Пассек Т. С., Черныш Е. К. Памятники культуры линейно-ленточной керамики на территории СССР.— САИ, 1963, вып. В 1—11, табл. IX.

⁴⁸ Бибиков С. Н. Поселение Лука-Врублевская, с. 109—110.

⁴⁹ Comşa E. Date despre unelte..., p. 245—262; Vencl S. Hromadné nálezy neolitické broušené industrie z Cech.— PA, 1973, 1, s. 12—73.

⁵⁰ Comşa E. Istoria comunităților..., fig. 22.

⁴⁴ Бибиков С. Н. Поселение Лука-Врублевская, с. 93, табл. 20, 6—г.

⁴⁵ Черныш Е. К. Ранньотрипольське поселення Ленківці с. 52, табл. IV, 16.

⁴⁶ Маркевич В. И. Буго-днестровская культура..., с. 41, 99, 112; рис. 16, 9; 54,

проявляется в характере сырья: в Подунавье широко использовался мягкий вулканический туф; гораздо реже в дело шел камень твердых пород⁵¹. Сверленные топоры появляются лишь на 3-й фазе развития культуры Боян (Видра). Вообще, в раннем неолите Румынии сверленные орудия составляют ничтожно малую долю всех каменных изделий⁵².

Абсолютно аналогичны орудиям из Бернашевки каменные топоры, тесла, долота I и II фаз культуры Прекукутени (поселения Траян-Дялул Вией, Ларга-Жижия, Гигоешти-Трулешти)⁵³. Публикуя эти орудия, С. Маринеску-Былку не сообщает, из какой породы камня они изготовлены, но, судя по фотографиям, многие из них сделаны из сланца⁵⁴.

Уже на I фазе культуры Прекукутени встречаются и сверленные боевые топоры-молоты из твердых пород камня (поселение Траян-Дялул Вией)⁵⁵.

Наконец, весьма близким ассортиментом каменных орудий (трапециевидные и подпрямоугольные топоры, тесла с асимметричным профилем, долота, сверленные топоры), изготовленных преимущественно из твердых пород, пользовались соседи трипольцев, носители культуры Гумельница, жившие на левобережье Нижнего Дуная⁵⁶.

⁵¹ Ibid., p. 81—86.

⁵² Comşa E. Date despre unelte..., p. 251, fig. 1.

⁵³ Marinescu-Bilcu S. Cultura Precucuteni..., p. 41, 42, 45, fig. 13; 15.

⁵⁴ Marinescu-Bilcu S. Cultura Precucuteni..., p. 41, 42, 45, fig. 12, 16.

⁵⁵ Ibid., fig. 12, 6, 12.

⁵⁶ Субботин Л. В. Болгарский локальный вариант неолитической культуры Гумельница. Автореф. канд. дис. К., 1975, с. 11—12.

В среде указанных культур и следует, по-видимому, искать истоки комплекса каменных орудий ранне-трипольских памятников.

Изделия из кости и рога

На поселении найдено 67 орудий труда, сделанных в основном из обломков трубчатых костей (берповой, плюсневой) диких животных — оленья, косули, кабана*. Большую часть (47) составляют *шилья* и *проколки*. Длина этих орудий колеблется в пределах 4—12 см; они имеют круглое, овальное, прямоугольное сечение. Рабочий конец заострен, иногда тщательно заточен на манер иглы (рис. 63, 1—4, 6—9). У некоторых экземпляров рабочий конец обломан (рис. 63, 5). Пятка пила (обычно с остатком диафиза) сглажена и закруглена. Обращает на себя внимание шило из плоского широкого обломка трубчатой кости, конец которого хорошо заточен, пятка (с следами копоти) срезана и закруглена, а вся поверхность сглажена, залощена (рис. 63, 10). Многие шилья и проколки у пятки имеют одну или несколько выемок для более удобного держания в руке или привязывания рукояти (рис. 63, 11—13, 15, 16).

Иглы (2) найдены в жилище 4. От одной сохранился лишь хорошо заостренный рабочий конец длиной 2,7 см (рис. 63, 18). Вторая, совершенно целая, имеет два противоположных острых рабочих конца и выемку — перехват с двух сторон посередине (рис. 63, 17). Длина ее 3,2 см, диаметр поперечника — 2 мм. По-

* Определения произвела кандидат биологических наук В. И. Бибинова.

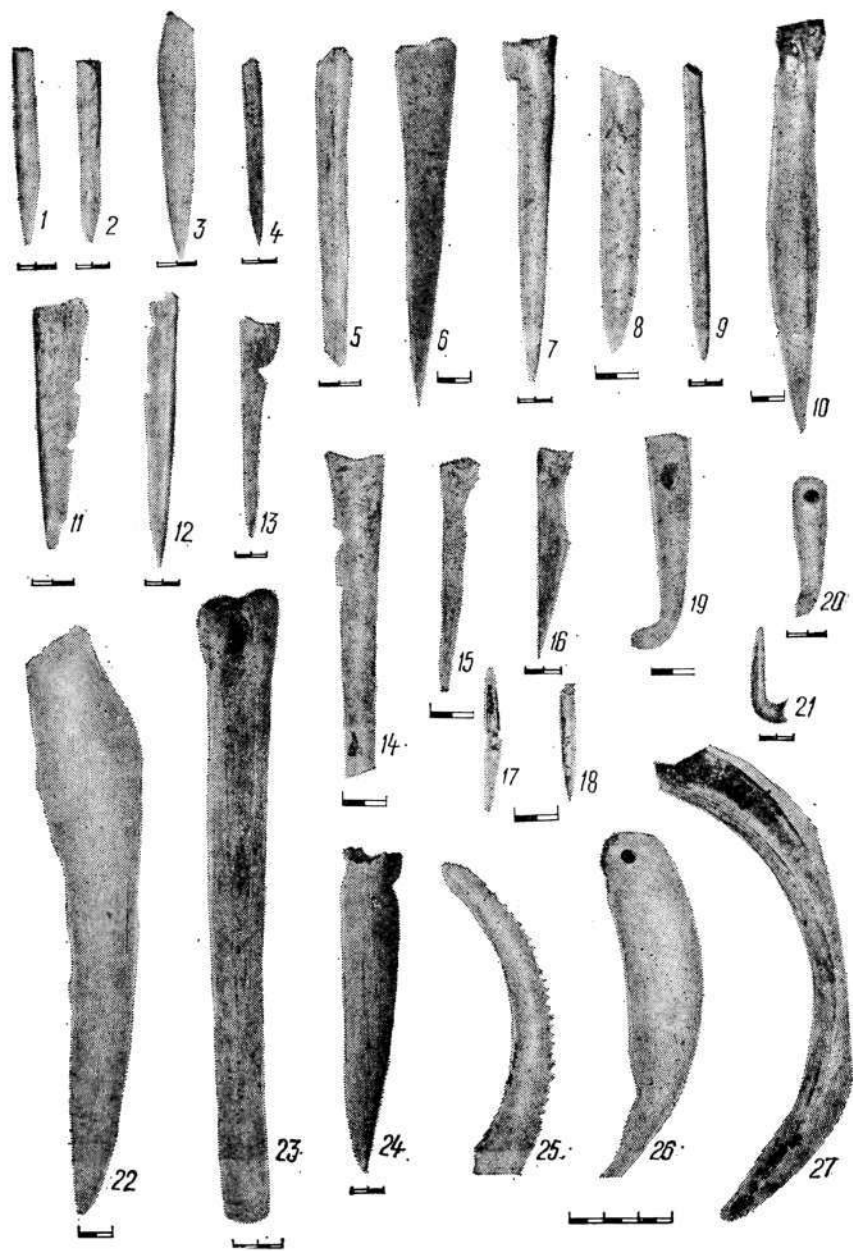

Рис. 63. Орудия труда из кости (1—27).

верхность обеих яголок хорошо заглажена, залощена.

Кочедыки (4) — орудия для плетения сетей и циновок — изготовлены на обломках плюсневых костей оленя. Обычно это изделия довольно больших размеров. Так, кочедык из жилища 4 достигает в длину 18 см. Поверхность его залощена в процессе работы; массивный рабочий конец пристроен и сглажен (рис. 63, 11). Еще один кочедык из этого жилища имеет с одной стороны две неглубокие выемки для привязывания (рис. 63, 14).

Единственным экземпляром представлен *челнок* для ткачества (жилище 3). Это уплощенно-овальное в сечении орудие с острым рабочим концом и выемкой для привязывания нити у пятки (рис. 63, 24). Вся поверхность орудия хорошо заглажена, залощена.

В жилище 5 обнаружено долото на обломке диафиза бедра оленя. Кость наискось срезана и получившийся в результате полукруглый рабочий конец дополнительно заострен. Вся поверхность орудия (его длина 11 см, ширина — 3 см) залощена в процессе работы. Обломок еще одного долота найден как подъемный материал.

Лощила для кожи представлены двумя экземплярами. Одно из них (жилище 5), изготовленное из плюсневой кости оленя, достигает в длину 26 см. Это пластина с параллельными краями, слегка закругленным рабочим концом и сквозным отверстием в пяточной части орудия (рис. 63, 23; 64, 1). Вся его поверхность заглажена, местами залощена до блеска. Второе лощило (жилище 6) изготовлено на обломке массивной трубчатой кости длиной 15 см. Узкий и острый рабочий ко-

нец орудия слегка закруглен и сглажен, залощен. Возможно, как лощила использовались и стесанные с четырех сторон кости конечностей крупных копытных. В Берпашевке обнаружено несколько таких костей, они хорошо представлены и на многих других раннетрипольских поселениях⁵⁷.

Рыболовные крючки (4), изготовленные из метаподия оленя, имеют различную величину — от 3,5 до 5,5 см (рис. 63, 19—21; 64, 8). Широкий плоский стержень крючка вверху снабжен двусторонне просверленным отверстием для привязывания лески. Переход к жальцу прямой или закругленный, острое жальце без борodka параллельно стержню.

Изделия из клыка кабана представлены пятью экземплярами. Использовались дуговидные пластины, вырезанные из эмали нижних клыков зверя и в некоторых случаях подправленные (срезан участок дуги, пристроен конец и т. д.). Поверхность всех изделий сработана и заполирована (тусклый блеск), особенно на рабочем конце. Три орудия служили, по определению Г. Ф. Коробковой, проколками-развертками, используемыми при обработке шкур (рис. 63, 27; 64, 3). Орудие с заостренным концом, косо срезанным внутренним краем и сквозным круглым отверстием у пятки (рис. 63, 26; 24, 4) первоначально использовалось как шпатель для обработки поверхности сосудов перед обжигом, а затем как сверло. Пластинка из клыка кабана с зубчатой нарезкой по внешнему краю служила штампом-орна-

⁵⁷ Бибииков С. Н. Поселение Лука-Врублевецкая, с. 216, табл. 27, 28; Маркевич В. И. Исследования Молдавской неолитической экспедиции, с. 34, рис. 2, 12.

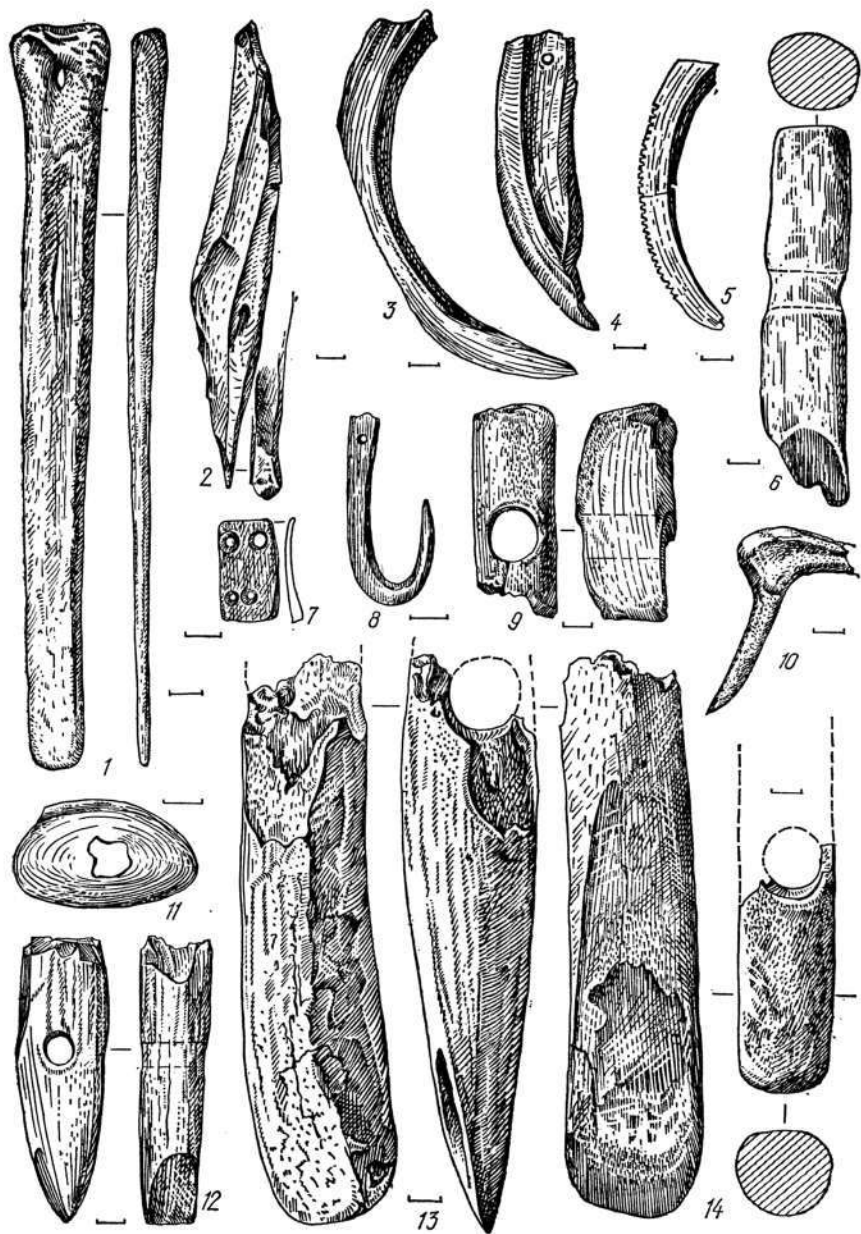

Рис. 64. Орудия труда из кости и рога (1—6; 8—10) и оружие из рога (12—14).

ментиром для нанесения узора на посуду (рис. 63, 25; 64, 5).

Среди 25 орудий труда из рога количественно преобладают *мотыги* (19), для изготовления которых обычно использовались основание и штанги (реже — боковые отростки) рога оленя.

В основном это большие (длина 20—30 см) изделия с продольным относительно оси отверстия, косо срезанным рабочим краем и закругленным обушком. Примером может служить найденная в жилище 5 (рис. 45) массивная кайловидная мотыга с остро заточенным рабочим концом, округлая в сечении (рис. 64, 13; 65, 1). Длина сохранившейся рабочей части мотыги (до отверстия) — 20 см; диаметр отверстия — 2,5 см. Вся поверхность орудия сглажена в процессе работы. В этом же жилище найдена рабочая часть (до отверстия) уплощенно-овальной в сечении мотыги с зауженным концом (рис. 65, 8).

Из жилища 3 происходит целая мотыга длиной 18,5 см с продольной постановкой рабочего края и зауженным, закругленным обушком. Округлое отверстие диаметром 1,5 см чуть сдвинуто к рабочему краю (рис. 65, 6). Вся поверхность орудия и особенно обушковая часть хорошо заглажена, залощена. Мотыга была вставлена в коленчатую рукоятку и закинута в ней, следы клиньев в виде продольных вмятин хорошо видны вдоль обушковой части орудия. Отверстие использовалось для дополнительного закрепления в рукояти путем привязывания. Спустя некоторое время рабочий конец мотыги сломался (остался узкий заостренный выступ на манер клева или чекана), но орудие по-прежнему использовалось для рыхления земли.

Также с жилищем 3 связана мотыга с широким дугообразным «топоровидным» лезвием и массивным закругленным обушком. Отверстие для рукояти очень широкое (диаметр его 3 см), поэтому стенки оказались слишком тонкими, и орудие быстро сломалось (рис. 65, 2).

Небольшая целая мотыжка описанного типа найдена в жилище 1 (рис. 65, 4; 64, 6). Кроме того, в жилищах 4, 6 и других обнаружены обломки подобных мотыг разных размеров (рис. 65, 12, 13).

Единственным экземпляром представлена мотыга с рабочим лезвием, перпендикулярным оси отверстия (жилище 3). Длина орудия 13 см, профиль его слегка изогнут, отверстие диаметром 1,5 см смещено к обушку. Обушковая часть плоско срезана, а притупленное лезвие срезано под острым углом (рис. 65, 3). Поверхность мотыги сглажена, залощена. Орудие закреплялось с торца в коленчатой рукояти (край обушка стерт и закруглен в результате трения о рукоять) и дополнительно крепилось путем привязывания рукояти к отверстию. Возможно, узкая кольцевая канавка, опоясывающая обушковую часть, также служила для привязывания мотыги к рукояти.

Вторую, численно меньшую группу, составляют небольшие мотыжки для мелких огородных работ. Такое орудие найдено, в частности, в жилище 3. Его клиновидное лезвие симметрично и хорошо заточено, плоско срезанный обушок слегка обломан; отверстие чуть смещено к обушку (рис. 64, 12; 65, 10). Длина мотыжки — 10 см, диаметр отверстия — 1 см. Еще одно подобное орудие из жилища 3 сделано из бокового изогнутого отростка рога оленя. Длина мотыжки 18 см, узкое лезвие клино-

Рис. 65. Орудия труда из рога (1—15); украшения из раковин (7, 11).

видно заточено, отверстие диаметром 1 см находится в косо срезанной обушковой части, вставлявшейся в муфту. Поверхность орудия сглажена, особенно на срезе обушка. Сквозное отверстие — сверлина — использовалось для дополнительного привязывания орудия к рукояти (рис. 65, 5).

Часто сломанные мотыги использовались вторично. Как *рукоятка* для кремневого орудия использовался найденный в жилище 3 цилиндрический обломок средней части мотыги длиной 8 см (рис. 65, 15). Орудие глубоко всаживалось в губчатое вещество рога на месте слома и хорошо держалось там без дополнительного крепления.

В качестве *муфты* для какого-то орудия был использован небольшой цилиндрический обломок мотыги, найденный на поверхности (рис. 65, 14; 64, 9). Края отверстия муфты (на месте слома) заметно сглажены. По-видимому, орудие дополнительно крепилось в муфте путем привязывания к проушине мотыги. Еще одна роговая муфта из обломка мотыги длиной 11 см найдена в жилище 6 (рис. 65, 9). Сломанный край мотыги сглажен и залощен от трения орудия, вставленного в углубление, образовавшееся после выборки губчатого вещества рога.

Шилья и проколки из рожек косули представлены тремя экземплярами. Среди них отметим проколку длиной 13 см, конец которой слегка срезан, заострен и заглажен в процессе работы (жилище 3), а также короткое шило на слегка изогнутом боковом отростке рога (жилище 6). Специально оставленная базальная часть рога срезана и заглажена, чтобы орудие удобно было держать в руке (рис. 64, 10).

В жилище 4 найдена *колотушка* из обломка какого-то орудия (мотыги?) цилиндрической формы с округлым сечением (рис. 64, 14). Закругленный обушок колотушки заглажен по всей поверхности.

По-видимому, в качестве *долота* употреблялся обломанный у основания изогнутый рожек косули длиной 12 см. Узкий конец рога симметрично заточен под острым углом (рис. 65, 11).

Единственным предметом вооружения является боевой топор из рога оленя, найденный в жилище 1. Сохранилась лишь его лезвийная часть (до отверстия для рукояти) длиной 17 см (рис. 65, 7). Небольшой перегиб профиля (обушковая часть слегка опущена) придает топору плавные, изящные очертания. Лезвие сформировано продольным косым срезом, т. е. оно расположено в одной плоскости с продольной осью отверстия (диаметр последнего — 2 см). По бокам топора у отверстия с двух сторон нанесен орнамент в виде нескольких рядов неглубоких округлых ямок. Вся поверхность изделия тщательно залощена; на ней нет никаких следов употребления. Возможно, этот топор, явно бывший объектом заботы своего хозяина, служил не только предметом вооружения, но и инсигнией, — знаком власти.

Кроме законченных изделий из кости и рога, на поселении обнаружено довольно много заготовок для них и отходов производства в виде обломков и больших кусков рога (кости) со следами резания и пиления. Обычно эти операции производились при помощи кремневых орудий труда, но на одном из рожек косули имеются следы срезов, оставленных металлическим ножом.

Здесь же упомянем многочислен-
ные створки раковин *Unio* с округ-
лым отверстием для нанизывания их
на нить (рис. 64, *II*) и четырех-
угольную бляшку из раковин *Unio*
с четырьмя отверстиями, просверлен-
ными одноручным сверлом (рис. 64,
7). Из створки раковины *Unio* выре-
зана также стилизованная антропо-
морфная статуэтка, о которой еще
будет речь.

Почти все категории изделий из
кости и рога, найденные в Берна-
шевке, известны по другим ранне-
трипольским памятникам, где они
представлены большим или меньшим
количеством экземпляров. Повсемест-
но и в большом количестве встречаю-
тся проколки и шилья, лопцала, ору-
дия из клыка кабана. В Берново най-
ден костяной рыболовный крючок,
весьма схожий с аналогичными ору-
диями из Бернашевки⁵⁸; разница за-
ключается лишь в том, что леска
привязывалась при помощи двух за-
рубков в верхней части стержня, а не
продевалась сквозь отверстие. Из Са-
батиновки II происходит роговая
муфта для орудия. На многих ран-
нетрипольских поселениях (Лука-
Врублевца⁵⁹, Голерканы⁶⁰, Сабати-
новка II, Рогожаны⁶¹, Флорешты
и др.) были найдены роговые моты-
ги разных размеров и типов, преиму-
щественно с продольной постановкой
рабочего лезвия. Вполне обычны для
раннего Триполья и подвески из ра-
ковин *Unio*, составленные в ожере-

лья⁶², а также четырехугольные
бляшки — пуговицы с отверстиями,
вырезанные из створок этих раковин
или из эмали клыков кабана⁶³. Липь
боевой топор из Бернашевки не име-
ет аналогий в материалах других
раннетрипольских поселений.

Рассматривая описанные выше ма-
териалы на более широком терри-
ториально-хронологическом фоне,
отметим некоторое их сходство с из-
делиями из кости и рога, встречен-
ными в памятниках буго-днестров-
ского неолита. Прежде всего, име-
ются в виду роговые мотыги, хорошо
представленные на неолитических
поселениях Побужья⁶⁴ и несколько
хуже — на Днестре (здесь пока из-
вестно лишь восемь мотыг)⁶⁵. Основ-
ной тип раннетрипольской мотыги —
с продольным лезвием — распро-
странен уже на ранних фазах буго-д-
нестровской культуры, но последняя
имеет и свои специфические типы —
мотыги с двумя лезвиями и неболь-
шие мотыжки с поперечной поста-
новкой лезвия (преимущественно на
Южном Буге). Кроме мотыг, шиль-
ев, орудий из клыка кабана, на не-
олитических памятниках Среднего
Поднестровья найдены роговая муф-
та из сломанной мотыги и роговой
молот⁶⁶.

Но наиболее отчетливо черты сход-
ства проявляются при сопоставлении

⁵⁸ Бибилов С. Н. Поселение Лука-Вруб-
левца, с. 200.

⁵⁹ Бибилов С. Н. Поселение Лука-Вруб-
левца, с. 61, рис. 38; Маркевич В. И.
Многослойное поселение Новые Русешты
I.— КСИА АН СССР, 1970, вып. 123, с. 64,
рис. 15, 15, с. 65.

⁶⁰ Даниленко В. Н. Неолит Украины,
рис. 20, 1—3; 30, 1, 2; 50, 1—4, с. 152, 160—
162.

⁶¹ Маркевич В. И. Буго-днестровская
культура..., рис. 16, 5; 25, 1; 36, 4, 5; 63,
1; с. 152.

⁶² Там же, рис. 25, 7; 63, 4.

⁵⁸ Пассек Т. С. Раннеземледельческие...,
с. 56, рис. 9, 4.

⁵⁹ Бибилов С. Н. Поселение Лука-Вруб-
левца, табл. 22, а—в.

⁶⁰ Пассек Т. С. Раннеземледельческие...,
с. 78, рис. 18, 7—8.

⁶¹ Маркевич В. И. Исследования Мол-
давской неолитической экспедиции, с. 33,
рис. 2, 3, 7, с. 34.

наборов костяных и роговых изделий ранне трипольских памятников в неолитических культурах Балкан и Подунавья. В неолите и энеолите Болгарии, культурах Винча, тисской, лендельской широко представлен весь ассортимент орудий, хорошо известный нам по Бернашевке: разнообразные роговые мотыги⁶⁷, муфты и рукоятки для инструментов⁶⁸, рыболовные крючки⁶⁹, шилья, проколки, гарцуны, ложила для керамики из костей крупных копытных. Нередки здесь и предметы вооружения из рога. Боевые топоры, найденные на поселении и в могильнике раннего этапа лендельской культуры у Асода (Венгрия), по форме и орнаменту весьма близки роговому топору из Бернашевки⁷⁰. Следует заметить, что роговые топоры, подобные бернашевскому, и близкие им по форме каменные, типологически предваряют наиболее ранние медные проушные топоры Юго-Восточной Европы. В этом смысле топор из Бернашевки является предтечей известного топора из Карбунского клада⁷¹ и топо-

ров типа Видра⁷². Любопытно, что многие ранние топоры, отлитые из меди, помечены, как и бернашевский, неглубокими круглыми лунками у проушины⁷³.

Среди изделий из кости и рога, связанных с культурой Боян, Е. Комша упоминает роговые муфты для каменных топориков, проколки, мотыги (в том числе с поперечной постановкой лезвия), боевой топор⁷⁴. Более широкий ассортимент зафиксирован на I фазе культуры Прекукутени: проколки, стрелки, кольца, рукоятки из полых костей животных, долота, ложила; изделия из клыка кабана; роговые муфты для инструментов, мотыжки и большие мотыги⁷⁵. Последние, правда, встречаются довольно редко и С. Маринеску-Былку полагает, что их с успехом могли заменять большие долота, вставленные в рукоять.

На всех фазах культуры Прекукутени широко применялись стесанные и зашлифованные с четырех сторон ложила для керамики, изготовленные из больших костей копытных⁷⁶. Как уже отмечалось, эти изделия характерны и для ранне трипольских памятников, но отсутствуют на поселениях буго-днестровской культуры.

Наконец, отметим, что все перечисленные орудия труда (мотыги, мелкие мотыжки, муфты и рукоятки, кочедыки, орнаменты и т. д.)

⁶⁷ Кънчев К. Земедельски оръдия от неолита и енеолита в българските земи.— Археология, 3. София, 1967, с. 54, обр. 6; 7.

⁶⁸ Banner J. The Neolithic Settlement on the Kresnenujak hill.— Acta Archeologica, t. XII, fasc. 1—4. Budapest, 1960, tb. XLII, 6, 14.

⁶⁹ Срејовић Д., Јовановић Б. Оруђе и оружје од кости и њавит из Винче.— Старијар, IX—X. Београд, 1959, с. 181—190.

⁷⁰ Kalicz N. Siedlung und Gräber der Lengyel — Kultur in Aszód.— Mitteilungen des archäologischen Instituts der Ungarischen Akademie der Wissenschaften, N 3, 1972. Budapest, 1973, taf. 28, I, 6.

⁷¹ Сергеев Г. П. Ранне трипольский клад у с. Карбуна.— СА, 1963, № 1, с. 137, рис. 2, 2.

⁷² Збеневич В. Г. Древнейшие медные топоры в Восточной Европе.— СА, 1969, № 3, с. 137, рис. 2, 3; с. 139—140.

⁷³ Schubert F. Zu den Südosteuropäischen Kupferäxten.— Germania halbband 2, 1965. Berlin, 1966, abb. 2—4.

⁷⁴ Comşa E. Istoria comunităţilor..., p. 79—81; fig. 21.

⁷⁵ Marinescu-Bilca S. Cultura Precucuteni..., p. 42—44; fig. 11, 13—15; 12, 11; 13, 2.

⁷⁶ Ibid., p. 42, fig. 12, 10; 17.

обычны для нижнедунайских памятников культуры Гумельница на территории УССР и МССР⁷⁷.

При анализе производственного инвентаря, предметов вооружения, украшений, найденных при раскопках Бернашевского поселения, отчетливо прослеживается их сходство с изделиями из кремня, камня, кости и рога, присущими всему раннему Триполью. Особенно близки Бернашевке в этом плане такие поселения, как Рогожаны, Флорешты и соседние памятники Среднего Поднепровья. Некоторые особенности кремневого и каменного инвентаря Бернашевки могут быть объяснены хронологическими различиями, а также обилием исходного сырья — кремня и сланца.

Обращаясь в поисках аналогий к

⁷⁷ Субботин Л. В. Болградский локальный вариант..., с. 12—13; Бейлекчи В. С. Ранний энеолит низовьев Прута и Дуная, с. 12.

таким нео-энеолитическим культурам близких территорий, как Боян, Винча, Гумельница, тисская, лендельская и другим, отмечаем несомненное сходство инвентаря этих культур и раннего Триполья. Более всего это сходство проявляется в материалах культуры Боян и особенно ранних фаз культуры Прекукутени (поселения Траян-Дялул Вией, Ларга-Жиция и др.). С кругом указанных культур, по-видимому, и следует связывать генезис раннетрипольского производственного инвентаря. Менее очевидна связь последнего с материалами местного неолита, хотя памятники буго-днестровской культуры и раннего Триполья совпадают территориально и близки хронологически. Во всяком случае, при нынешнем состоянии источников различия между орудиями труда этих культур выступают куда более рельефно, нежели сходство.

Глава III

ПОСУДА И ДРУГИЕ ГЛИНЯНЫЕ ИЗДЕЛИЯ

Наиболее многочисленной категорией инвентаря Бернашевского поселения является керамика, определяющая в основном специфику этого памятника. Коллекция состоит из 15 тыс. фрагментов сосудов, полученных, главным образом, при раскопках жилищ; лишь 1 тыс. собрана на поверхности. Судя по развалам и обломкам венчиков, в употреблении было около 4 тыс. разнообразных сосудов. Распределение материалов по жилищам видно из табл. 2; следует, однако, заметить, что количество керамики, найденной в том или ином жилище, прямо зависит от его размеров и степени сохранности. Так, если жилище 3 (оба горизонта) дает более трети всей коллекции, то в жилище 1 найдено всего 800 фрагментов (табл. 2).

Целые сосуды либо развалы встречаются редко (преимущественно в нижнем горизонте жилища 3), но большое количество крупных обломков позволяет достоверно реконструировать почти все типы (формы) сосудов. Таким образом, керамический комплекс Бернашевского поселения может быть достаточно полно охарактеризован и с качественной и с количественной стороны.

Как уже отмечалось, в основу классификации керамики положены технологические признаки (примеси, характер обработки поверхности), а также орнамент. Выделены три технологические группы, в чистом виде различающиеся четко. Однако в рамках каждой группы часто встречаются сосуды с технологическими признаками другой группы. Так, например, керамика 1 группы иногда бывает украшена каннелюрами (признак 2 и 3 групп); в глину сосудов 3 группы добавлялся грубо истолченный шамот, а участок их внешней

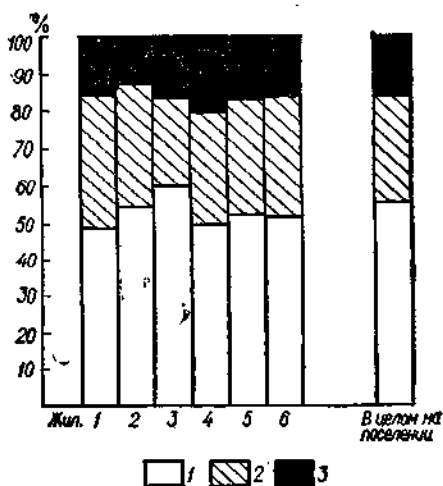

Рис. 66. Гистограмма распределения групп (1—3) керамики на поселении Бернашев-ка.

поверхности не подвергался обработке, оставаясь нарочито шероховатым на общем заглаженном, подлощенном фоне (признаки 1 группы). Вообще, перенос характерных черт одной керамической группы на другую следует считать особой производственной традицией древних гончаров Бернашевского поселения.

Посуда 1-й группы заметно преобладает в каждом жилище и составляет 54,2% общего количества всех сосудов, найденных на поселении (рис. 66). Употреблялась она для хранения припасов и приготовления пищи, поэтому исследователи обычно называют посуду 1 группы кухонной. В качестве отощителя в глину добавлялись крупнотолченый шамот, песок, изредка зерна кварца. Обжиг такой посуды неравномерный; черепок рыхлый, толстый (0,8—1 см и более). Поверхность грубая, шероховатая, часто покрыта следами пальцевого сглаживания, идущими в го-

ризонтом направлении (рис. 67, 1, 2; 68, 4), либо беспорядочно. Встречаются также сосуды, в глину которых добавляли преимущественно песок и шамот мелкого «помола». Это плотная, сравнительно тонкостенная керамика с заглаженной поверхностью, иногда покрытая ангобом не только снаружи, но и внутри. Поверхность кухонной посуды обычно коричневатых тонов: от кофейного до розовато-коричневого и палевого.

Выделяются следующие типы (формы) кухонной посуды:

а) Горшки с невысоким прямым, чуть стянутым венчиком, край которого слегка отогнут, либо плоско срезан. Плечики подчеркнуты легким перегибом-ребром, ниже которого тулово конически сужается ко дну. Последнее иногда имеет невысокий (1 см) поддончик-закраину. Изредка придонная часть сосуда цилиндрически вытянута и достигает в высоту 3—4 см (рис. 69, 1, 2, 4, 5).

б) Горшки с довольно высоким (3—5 см) прямым или чуть отогнутым венчиком. Диаметр горла равен максимальному диаметру, приходящемуся на ребристые, высокопоставленные плечики. Тулово конически сужается ко дну (рис. 69, 7).

в) Широко открытые котловидные горшки, диаметр горла которых равен максимальному диаметру тулова, приходящемуся на плечики, обозначенные легким ребром. Тулово широкое, округлое, покато сужающееся к узкому дну (рис. 69, 8, 11).

г) Банковидные горшки с почти нерасчлененным прямым профилем. Невысокий венчик чуть стянут внутрь (рис. 69, 3, 6).

д) Широко открытые биконические горшки с резким перегибом профиля (рис. 69, 14).

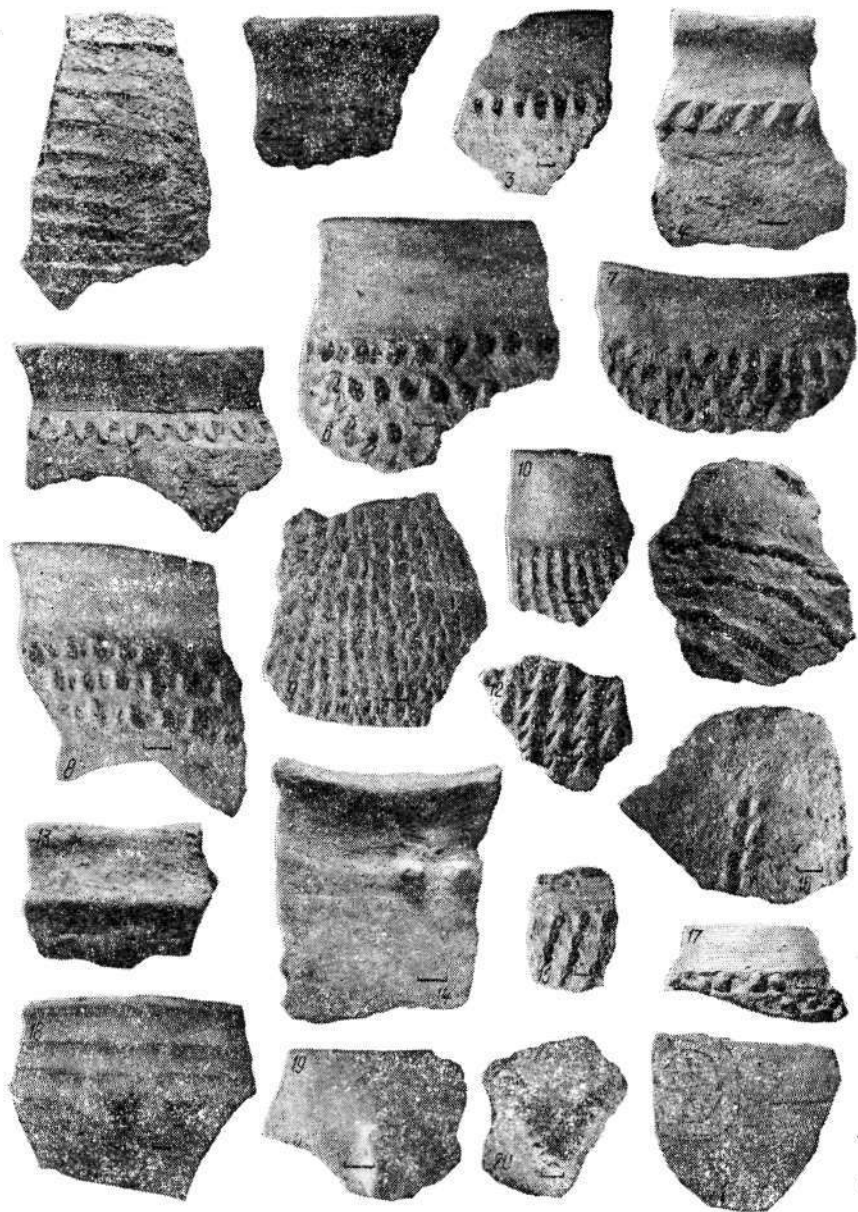

Рис. 67. Керамика 1-й группы (1—21),

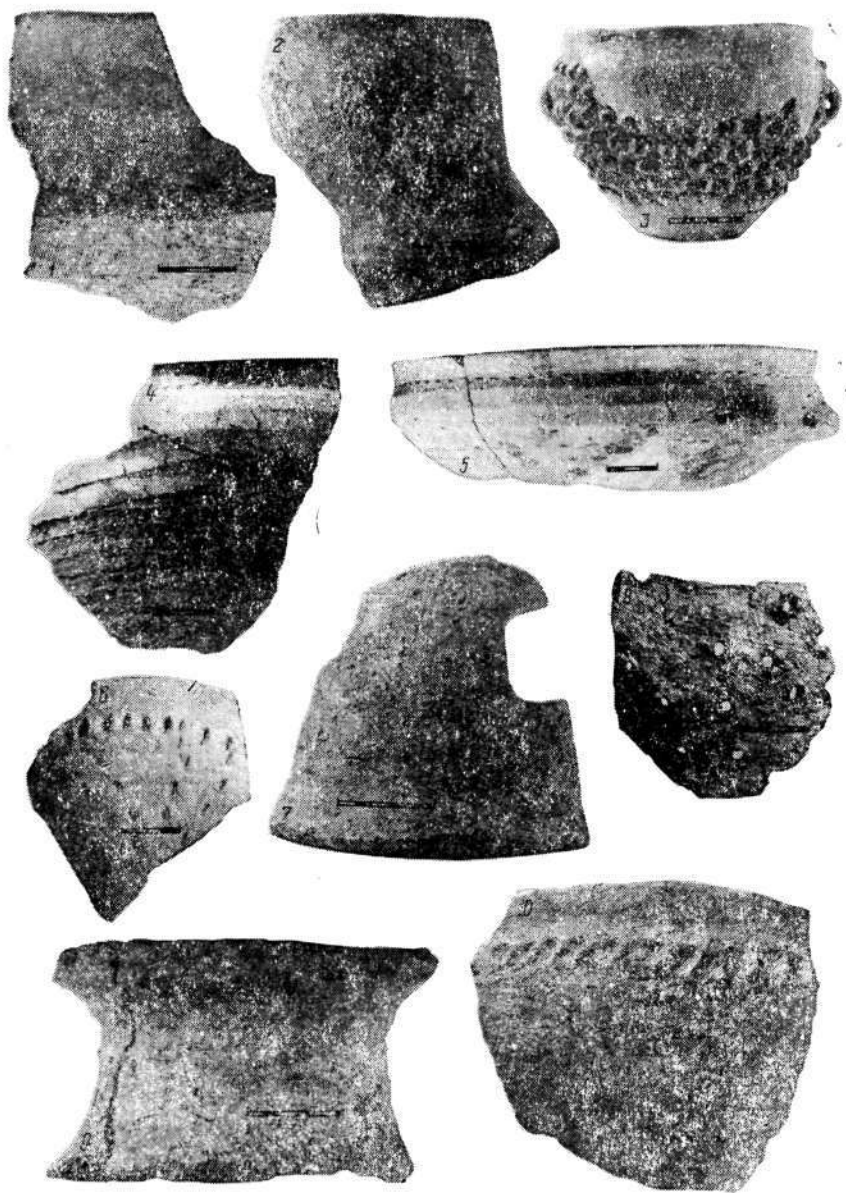

Рис. 68. Керамика 1-й группы (1—10).

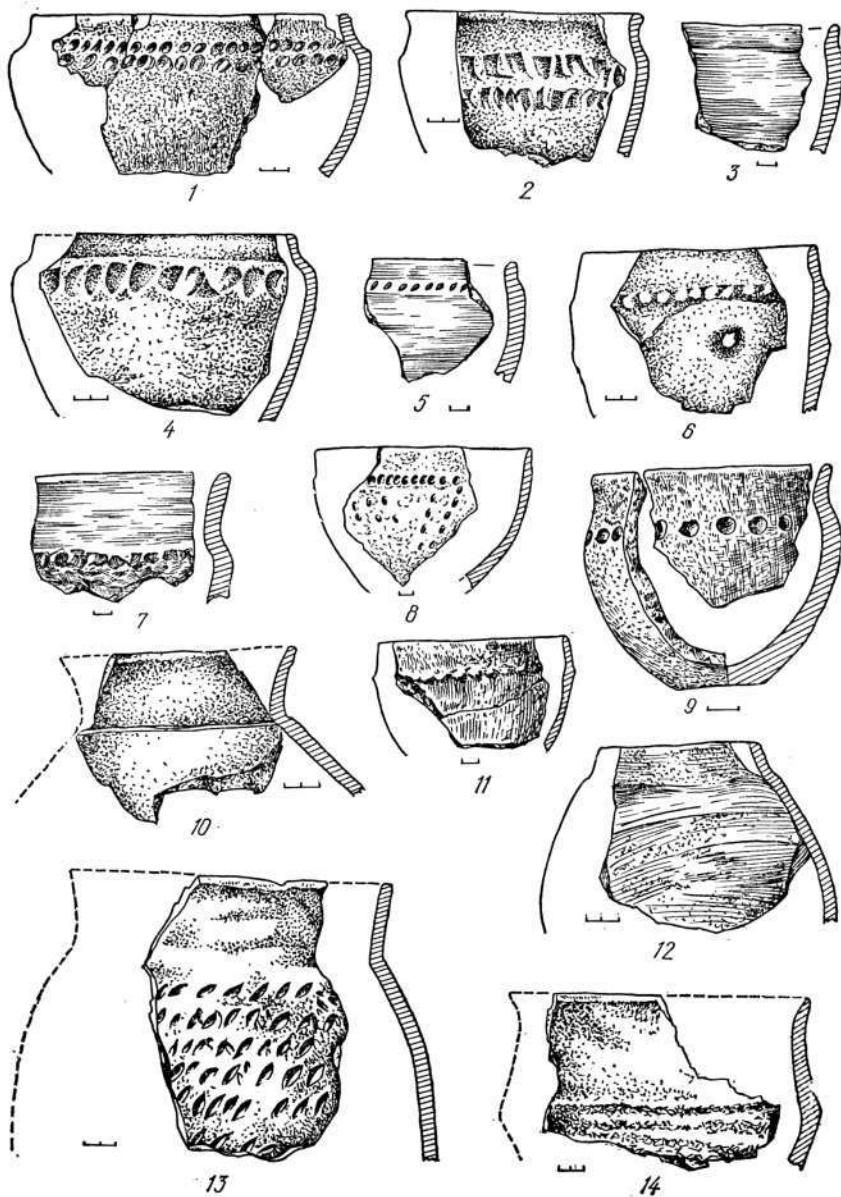

Рис. 69. Керамика 1-й группы (1-14).

е) Большие округлотелые горшки с высоким цилиндрическим горлом либо расширяющимся в виде воронки (рис. 68, 2; 69, 10, 13). У отдельных экземпляров горло узкое, стянутое внутрь (рис. 69, 12).

ж) Широко открытые округлотелые горшки, близкие по форме к полусферическим чашам. Край горла стянут внутрь или слегка закруглен и отогнут наружу (рис. 70, 1—3).

з) Большие (высота 0,7—0,8 м, диаметр горла — 0,4 м) сосуды для хранения припасов и воды. Эти так называемые зерновки имеют высокое прямое горло, плавно переходящее в тулово без четко выраженных плечиков. Придонная часть цилиндрически вытянута, дно небольшое, массивное. Иногда такие сосуды снабжены несколькими ручками, округлыми или уплощенными в сечении.

и) *Миски-тазы* с коническими стенками, край которых часто слегка загнут внутрь (рис. 70, 5, 9, 10). Наиболее крупные экземпляры достигают в ширину 30—35 см при высоте 7—8 см.

к) Невысокие круглые *жаровни* с прямым вертикальным или коническим бортиком. У некоторых экземпляров придонная часть закруглена (рис. 70, 8, 11).

л) Прямоугольные в плане, невысокие *плошки* с прямыми или чуть отогнутым вверх бортиком. Изредка грани таких плошек бывают закруглены (рис. 70, 4, 7).

м) Довольно большую группу составляют так называемые *фруктовницы* — вазы на полем цилиндрическом поддоне. Верхняя часть сосуда имеет разную форму. Обычно это профилированная гарелка с уступом-ребром под скошенным плоским венчиком (рис. 70, 6), но встречаются

и глубокие округлотелые вазы с невысоким вертикальным венчиком и небольшими ручками-ушками на уровне максимального диаметра (рис. 68, 5).

Нижняя часть сосуда — поддон — имеет отогнутый край-раструб (рис. 68, 9). На разной высоте в теле поддона иногда проделаны два — четыре круглых или овальных окошка (рис. 68, 7).

н) Весьма редко встречаются *крышки* от сосудов — плоские (рис. 70, 13), конические и неглубокие полусферические (рис. 70, 14) с короткой цилиндрической ручкой-столбиком.

о) Также небольшим количеством экземпляров представлены фрагменты *цедилок* — сосудов со сквозными отверстиями в стенках или дне (рис. 68, 8). Обычно цедилка имеет форму глубокой полусферической чаши; одиночными экземплярами являются горшок с конусовидной придонной частью (отверстия проделаны в дне) (рис. 70, 12) и полный цилиндрический поддон (рис. 70, 15).

Около 50% всех сосудов 1 группы лишены орнамента. Это относится, прежде всего, к таким формам, как миски-тазы, жаровни, фруктовницы, большие зерновки, и к некоторым видам горшков. Правда, многие из этих сосудов покрыты следами пальцевого сглаживания, по-видимому, нанесенного в декоративных целях (рис. 67, 1). Последнее также достигалось и тем, что венчик и придонная часть сосуда подвергались тщательному заглаживанию и лощению, в то время как стенки делались нарочито грубыми, шероховатыми (рис. 68, 1).

Наиболее часто кухонная керамика украшалась защитным орнаментом. Защиты (нередко с «отворотом» и отпечатком ногтя) одним или двумя

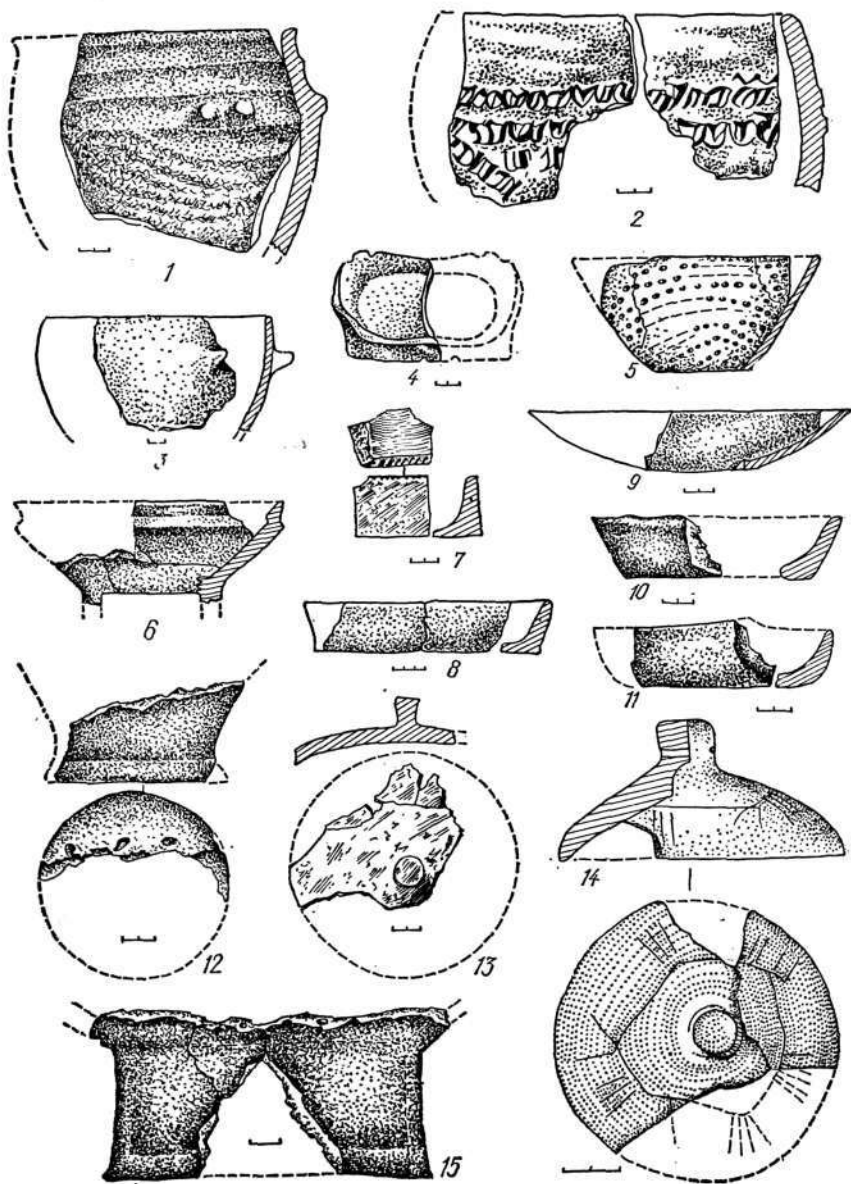

Рис. 70, Керамика 1-й группы (1—15).

рядами опоясывали сосуд у основания шейки (рис. 68, 10; 69, 1, 2, 4). Защипы в три ряда встречаются весьма редко (рис. 67, 8). Довольно часто защитным орнаментом (вертикальные, горизонтальные и косые ряды) покрыто все тулово горшка (рис. 67, 6, 7, 9); в этом случае венчик и придонная часть свободны от узора и подлощезы.

Особым видом защитного орнамента является так называемый колосок — защиты, поставленные тесно под углом друг к другу (рис. 67, 15). Узор на нескольких черепках из жилища 3 явно имитирует колосья пшеницы (рис. 67, 11, 16).

Кроме защитного встречается орнамент в виде наколов и насечек, нанесенный плоским заостренным концом палочки (иногда этот конец бывает круглым или луновидным), поставленной под углом. В композиционном отношении этот орнамент полностью соответствует защитному (рис. 67, 3, 5, 10; 68, 6; 69, 13), повторяя даже «колосковый» сюжет (рис. 67, 10).

Рельефный орнамент (часто в сочетании с другими видами) обычно представлен одиночными или двойными коническими, округлыми либо уплощенными шишечками — налепами на плечиках горшков (рис. 67, 14, 18; 76, 3). Весьма редко — это горизонтальный валик, оттянутый из толщи стенки (рис. 76, 13), уплощенные налепы-ручки (рис. 70, 19), стилизованные налепные букрании (рис. 76, 20). В нескольких случаях реберчатые плечики горшка украшены налепными глиняными горошинами (рис. 69, 6, 11).

Специфичен редко встречающийся барботинный орнамент — налепные горошины, либо небольшие конические бугорки, оттянутые из стенки

(рис. 67, 17). Барботином, в частности, покрыто все тулово (за исключением подлощенных шейки и придонной части) небольшого горшочка с двумя ручками из жилища 3 (рис. 68, 3).

Несколько сосудов украшено неглубокими каннелюрами на шейке или плечиках (рис. 68, 4, 5, 67, 18); имитацией каннелюр являются и глубокие горизонтальные следы пальцевых расчесов под венчиком некоторых кухонных горшков (рис. 67, 2).

Единичными экземплярами представлены фрагменты кухонных сосудов с орнаментом в виде врезанных линий (рис. 69, 10), неглубоких округлых лунок (рис. 69, 9), оттисков гребенчатого штампа. Особо следует отметить фрагмент стенки сосуда 1 группы из жилища 4, на котором вырезан солярный знак — две концентрические окружности с крестом посередине (рис. 67, 21).

Посуда 2-й группы (столовая) составляет 29% общего количества всех сосудов, найденных в Бернашевке (табл. 2). Она изготовлена из хорошо промешанной тонкоструктурной глины с примесью песка; видимые грубые примеси отсутствуют, если не считать редко встречающиеся мелкие вкрапления шамота.

Черепок хорошего обжига, плотный, звонкий. Обычно посуда тонкостенная (0,4—0,5 см); лишь у больших сосудов типа кувшина толщина стенки достигает 0,8—0,9 см. Поверхность сосудов внутри и снаружи хорошо заглажена, подлощена, покрыта тонким слоем мажущегося ангоба. Обычный цвет поверхности — серый (с разными оттенками); нередки и сосуды с поверхностью розовато-коричневых и палевых тонов. Керамика черного цвета встречается очень редко.

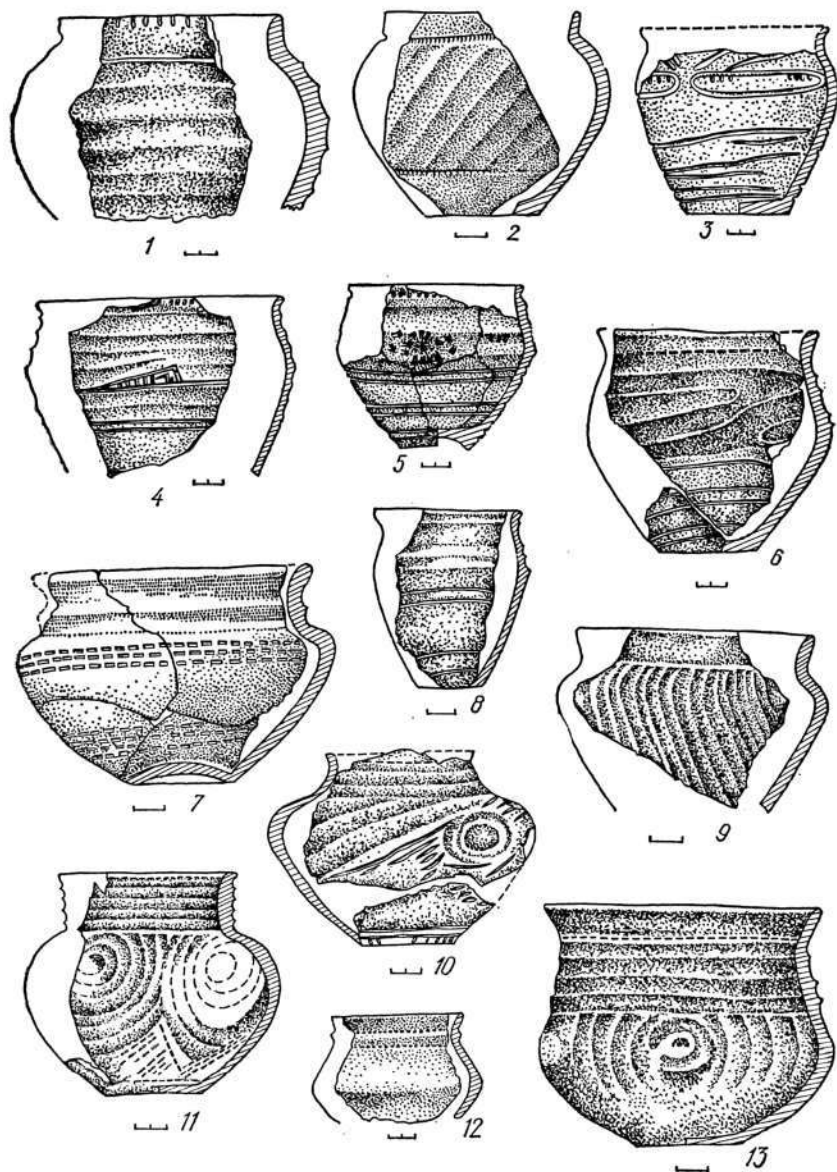

Рис. 71. Керамика 2-й группы (1—13).

Выделяются сосуды таких форм:

а) Наиболее распространен сравнительно небольшой (высота 8—15 см) округлотелый горшок с невысоким прямым, чуть отклоненным наружу венчиком (рис. 71, 1—3). Некоторые экземпляры имеют высокие ребристые плечики (рис. 71, 7, 9). Разновидностью этого типа является горшок с плечиком-ребром, хорошо обозначенным на середине высоты сосуда и придающим последнему биконическую форму (рис. 71, 4—6, 8, 12; 72, 4).

Маленькое дно горшка, как правило, вогнуто и снабжено невысоким кольцевым поддончиком (рис. 71, 5, 7). Часто именно эти доньшки, просверленные в центре, использовались как пряслица (рис. 72, 17).

б) Горшки с округлым (шаровидным либо слегка приплюснутым реповидным) туловом и невысоким коническим (реже — цилиндрическим) горлом (рис. 71, 11, 13). Иногда эти горшки снабжены двумя — четырьмя небольшими ушками со сквозными проколами, расположенными на максимальном диаметре тулова (рис. 73, 9). Изредка встречаются экземпляры с подчеркнута выпуклыми плечиками, как бы выдавленными изнутри (рис. 71, 10).

Горшки этого типа обычно имеют небольшой прямой, отклоненный наружу венчик и маленькое дно с небольшой вмятиной.

в) Широко открытые горшки с почти прямым профилем, напоминающие банку. Придонная часть такого сосуда заужена и снабжена невысоким цилиндрическим поддоном (рис. 73, 6). Горшки подобной формы встречаются весьма редко.

г) Большие (высотой до 30 см) *кувшинovidные* сосуды с приплюснутым округлым туловом и высоким

горлом в виде усеченного конуса (рис. 72, 1, 5; 72, 2). Иногда придонная часть у таких кувшинов цилиндрически вытянута и снабжена кольцевым поддоном (рис. 73, 19).

д) Небольшие, широко открытые *сосудики типа чашек* со слабо выделенными плечиками, округлотелые либо полусферической формы (рис. 72, 2, 3; 73, 1, 5).

е) Широко распространены *черпаки-ковшечки* небольших размеров: полусферические, глубокие, как чашки (рис. 72, 7) либо мелкие, более похожие на ложки (рис. 72, 13; 73, 11). Черпаки снабжены ручками разной длины, плоскими либо округлыми в сечении, конец которых часто оформлен в виде антропоморфного или зооморфного изображения (рис. 72, 8—10, 14).

ж) Неглубокие полусферические *крышки* с грибовидной ручкой — столбиком, снабженной сквозным горизонтальным проколом у основания. На разной высоте крышка иногда имеет два противолежащих налевных ушка-бугорка с вертикальным сквозным отверстием (рис. 73, 10).

з) Несколькими фрагментами представлены *фруктовницы* в виде неглубоких округлотелых ваз (рис. 73, 4) с цилиндрически вытянутой узкой придонной частью. Цилиндрический стаканчик, изготовленный из дна такой фруктоvnицы, был найден в жилище 3 (рис. 72, 6).

Лишь небольшая часть столовой посуды (преимущественно черпаки и чашки) лишена орнамента; в основном же керамика этой группы богато украшена в устоявшейся, лишь ей присущей манере. Характерным является сочетание нескольких орнаментальных мотивов — каннелюр, гребенчатого штампа, врезанных линий и др.

Рис. 72. Керамика 2-й группы (1—19).

Рис. 73. Керамика 2-й группы (1—11).

Основание венчика горшка обычно подчеркнуто линией оттисков мелкозубчатого штампа; на небольшом расстоянии от дна тулово опоясывают две узкие врезанные линии. Созданная таким образом орнаментальная зона, как правило, заполнена широкими проглаженными каннелюрами в виде горизонтальных, косых, вертикальных или концентрических рядов (рис. 71, 1, 2, 4, 6). Очень редко встречаются узкие глубокие каннелюры (рис. 72, 18). У некоторых горшков лишь верхняя часть сосуда украшена двумя-тремя рядами горизонтальных каннелюр, а тулово опоясывают двойные или тройные ряды врезанных линий и оттисков гребенчатого штампа (рис. 71, 5, 7, 8; 72, 4). Иногда узкие врезанные линии и оттиски штампа образуют на тулове горшка завитки спирали (рис. 72, 12) и заштрихованные угловые композиции (рис. 71, 4; 72, 11).

Горшки и кувшины с коническим или цилиндрическим горлом обычно украшены по тулову концентрическими каннелюрами с коническим выступом — налепом в центре; по горлу идут горизонтальные ряды каннелюр (рис. 71, 10, 11, 13; 72, 5; 73, 9). Иногда узор на тулове дополнен врезанными завитками спирали (рис. 73, 2).

Придонная цилиндрическая часть горшков обычно украшена горизонтальными рядами каннелюр, а невысокий кольцевой поддонник — вертикальными насечками или оттисками гребенчатого штампа (рис. 72, 19; 73, 6). У дна одного из горшков врезана пиктограмма, возможно, изображающая кисть руки (рис. 72, 16); на дне нескольких сосудов имеются солярные знаки (рис. 73, 8).

Чашки, черпаки, крышки иногда украшены рядами горизонтальных и

косых каннелюр (рис. 72, 3, 7; 73, 1, 3, 7, 11), а также врезанными линиями (рис. 72, 2).

Второстепенными видами орнамента на посуде 2 группы являются короткие вертикальные насечки, небольшие округлые вмятины и наколы, плоско срезанные округлые выступы с тщательно сглаженной поверхностью, узкие уплощенные изогнутые валики — выступы. Иногда углубленный орнамент затерт белой пастой (рис. 72, 11).

Привлекает внимание орнамент на крышке столового сосуда, найденной в жилище 4 (сохранилась ее половина). В изгибах врезанной ленты-мандра зубчатым штампом оттиснуты черты облика крылатого змея-дракона (тело, голова, крылья); незаполненные штампом кружочки изображают глаза. При помощи этих нехитрых орнаментальных приемов древний художник сумел передать полную ритма композицию в виде переплетенных, переходящих друг в друга фантастических существ (рис. 72, 15; 73, 10). Смысловой орнамент такого рода не встречается на столовой керамике, будучи характерным для посуды 3 группы.

Посуда 3-й группы составляет лишь 16,8% керамического комплекса Бернашевского поселения. В глиняное тесто добавлялись мелкотолченый шамот и крупный песок; примесь эта не делала черепок рыхлым и пористым. Поверхность сосудов всегда тщательно обработана — заглажена, покрыта плотным аглобом и часто подлощена. Реже посуда этой группы бывает изготовлена из отличной промышленной однородной глины без примеси шамота и тщательно обработана внутри и снаружи. Цвет поверхности сосудов обычно коричневатый, красноватый, светло-серый.

Рис. 74. Керамика 3-й группы (1—11).

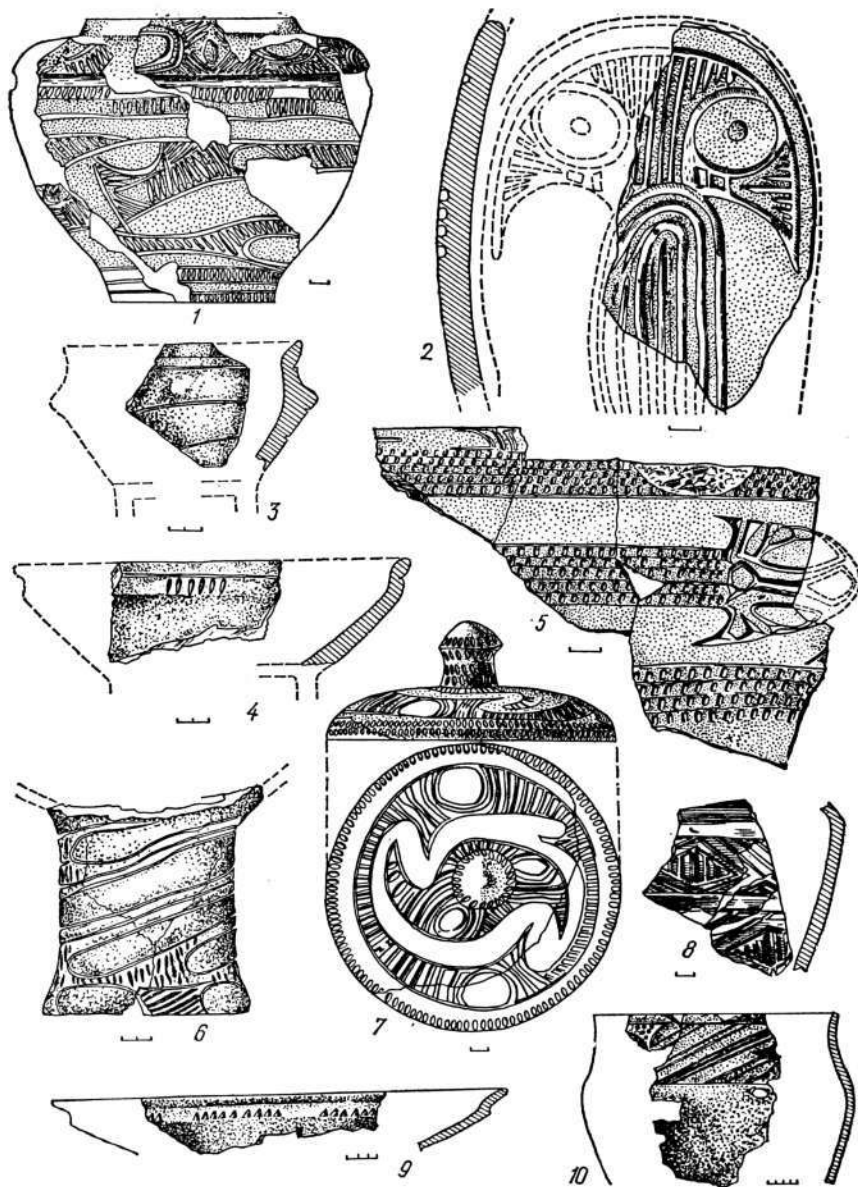

Рис. 75. Керамика 3-й группы (1—10).

Тщательная обработка поверхности, вычурный узор придают посуде особую нарядность. Возможно, она была декоративной, парадной и могла применяться при культовых церемониях. Керамике 3 группы присуще небольшое количество форм:

а) *фруктовницы* составляли, судя по материалам жилища 3, около 60% всех сосудов. Верхняя часть фруктовницы, иногда достигающая в диаметре 25 см, имеет разную форму, напоминая то глубокую тарелку с ребристым профилем (рис. 74, 7, 9; 75, 4, 9), то вазу с округлыми боками и отогнутым плоским венчиком (рис. 74, 10; 75, 3).

Полый цилиндрический поддон-подставка — достигает в высоту 6—18 см при диаметре 10—16 см. Внизу он расширяется на манер раструба (рис. 74, 7; 75, 6) и иногда снабжен небольшими округлыми или овальными окошками.

б) *Горшки* грушевидной формы с округлым или слегка приплюснутым туловом и невысоким прямым, стянутым внутрь венчиком (край его закруглен или плоско срезан) (рис. 74, 3—5, 8; 75, 1). Нередко такой горшок имеет цилиндрически вытянутую придонную часть, снабженную невысоким расширяющимся книзу поддончиком (рис. 76, 14, 17).

в) Приземистый горшок с коротким венчиком и высокими выдутыми плечиками (рис. 74, 6). Сосуды этой формы встречаются редко.

г) Также редкой формой является горшок с широким и высоким коническим горлом, переход которого к вытянутому тулову обозначен легким ребром (рис. 74, 1; 75, 10).

д) В изобилии представлены *крышки* от фруктовниц и грушевидных горшков — полусферические, разной глубины, с грибовидной руч-

кой — столбиком в центре (рис. 74, 11; 75, 7). На некоторых крышках имеются два маленьких ушка-бугорка со сквозными отверстиями; иногда горизонтальное отверстие проделано у основания ручки или в ее верхней части.

За редким исключением все сосуды 3 группы богато орнаментированы, причем орнамент занимает всю поверхность сосуда. Обычно рисунок создается с помощью врезанных или проглаженных линий, образующих ленту или сгруппированных в два-три ряда. Лента часто пересечена прямыми или дуговидными отрезками (рис. 74, 10; 75, 1; 76, 3), заполнена отпечатками гребенчатого штампа (рис. 74, 5), врезанной косой сеткой (рис. 76, 2), круглыми точечными ямками-наколами (рис. 76, 12). Лента в ряды врезанных линий создают спиральный узор, свободно покрывающий тулово горшка, верхнюю часть и поддон фруктовницы, крышку. Округлые или овальные поля, образованные завитками спирали, обычно лишены орнамента (рис. 74, 10; 76, 14); лишь изредка в центре такого поля находится конический выступ-налеп (рис. 76, 3).

Обычны также угловые композиции, образованные врезанными линиями (рис. 74, 6), и короткие вертикальные насечки, украшающие фруктовницы над или под ребром — выступом (рис. 75, 4).

Около 30% посуды 3 группы украшено изысканным выемчатым орнаментом, составляющим специфику не только этой группы, но и всего керамического комплекса поселения.

Нанесение выемчатого орнамента требовало от гончара большого вкуса и технической сноровки. Предварительно по сырой глине сосуда тонкими линиями нарезался рисунок: ряды

Рис. 76. Керамика 3-й группы (1—18).

небольших треугольников, прямоугольников, квадратов, меандр, отрезки прямых линий и т. д. Затем из подготовленных элементов орнамента на небольшую глубину вырезалась, выбиралась глина, причем строго соблюдалось чередование углубленных и нетронутых участков. В результате создавался эффектный негативно-позитивный узор, обычно в излюбленной древними мастерами «шахматной» композиции (рис. 76, 3, 5, 8, 11, 16). Ряды удлиненных треугольников (так называемые волчьих зубы) и прямоугольников украшают венчики и придонные части горшков, поддоны фруктовок и ребристые их тарелки, края крышек (рис. 74, 2, 3, 7, 9; 76, 1, 15—17). Закомпонованные в ленты, они опоясывают туловище горшков (рис. 74, 8; 76, 16) и поддоны фруктовок. Изредка встречается выемчатый узор в сложных меандровых и ромбических композициях (рис. 75, 8, 76, 9).

Следует отметить, что на сосудах 3 группы выемчатый орнамент часто сочетается с другими видами орнамента — врезанным, штамповым и др. Характерно также заполнение углубленного орнамента белой пастой, придававшей посуде еще больший декоративный эффект (рис. 74, 7; 76, 6, 18). В одном случае свободные от орнамента ленты, образованные на тулове сосуда рядами врезанных линий, еще до обжига были закрашены красной охрой (рис. 76, 13).

Единичные сосуды украшены горизонтальными рядами каннелюр (обычно это поддоны фруктовок), оттисками полой трубочки, врезанным мальтийским крестом (на дне горшков и на крышках) (рис. 76, 18).

Примечательны фрагмент горшка с округлым выступом-налепом, ими-

тирующим женскую грудь (рис. 76, 4), и обломок крышки с частично уцелевшей антропоморфной фигурой, переданной при помощи выемчатого орнамента (рис. 76, 15).

Наиболее интересным орнаментально-смысловым сюжетом, связанным именно с посудой 3 группы, является образ змея-дракона, многократно увековеченный на тулове горшков и особенно на крышках сосудов. Часто древний художник изображал его весьма схематично, лишь намекая на присутствие фантастического существа (завиток врезанной спирали, острые крючки — рога и круглые глаза) (рис. 74, 11; 75, 7). Однако на многих сосудах змей-дракон выступает вполне «реалистично»; можно полагать, что в представлении трипольцев сложился уже некий канонический образ его. Длинное лентообразное тело змея, многократно опоясывающее сосуд или извивающееся спиралью (на крышке), венчает полукруглая голова с двумя неизменными выступами — рогами, свисающими либо торчащими в стороны. Врезанными кругами с точками в центре передана пара глаз со зрачками (рис. 75, 2, 5; 76, 6, 7). Иногда от тела змея в стороны отходят небольшие крылья (рис. 75, 5). Вероятно, на некоторых крышках и горшках изображены (как на описанной выше крышке столового сосуда из жилища 4) два змея-дракона; но восстановить рисунок невозможно из-за фрагментарности керамики.

Заканчивая описание керамического комплекса Бернашевского поселения, отметим его основные черты: заметное преобладание (более 50%) грубой кухонной посуды с характерным зашипынным орнаментом, иногда покрывающим всю поверхность сосу-

да; наличие значительной группы столовой посуды (около 30%), основной формой которой является небольшой округлотелый или биконический горшок, а главным типом орнамента — широкие каннелюры и гребенчатый штамп; наличие сравнительно малочисленной (около 17%) группы парадной посуды (фруктовницы, грушевидные горшки, крышки), богато украшенной выемчатым орнаментом в виде «шахматной доски», «волчьих зубов», треугольников, прямоугольников, а также изображениями фантастических крылатых драконов.

Этим же набором признаков обладает керамика ряда поселений, которые и можно рассматривать в качестве прямых аналогов Бернашевки. Из них наиболее близкими в территориальном отношении являются памятники северной Молдавии — Флорешты и Рогожаны.

Керамический комплекс поселения Флорешты* включает те же три группы посуды, что и в Бернашевке, 49,5% составляет кухонная керамика — горшки (котловидные; округлотелые с коротким прямым венчиком; вытянутые со слабо расчлененным профилем), украшенные защипами, «колосковым» узором, наколами, барботином¹, а также миски, цедилки и другие формы. В отличие от Бернашевки здесь реже встречаются фруктовницы на поддонах; наблюдаются и некоторые различия в орнаменте. Так, в Бернашевке количество горшков, сплошь покрытых защипами или

наколами, составляет 14% общего числа орнаментированных кухонных сосудов; во Флорештах они составляют 27%. Кроме того, во Флорештах встречаются горшки, украшенные рядом защипов под краем венчика; в Бернашевке такие сосуды отсутствуют.

Столовая керамика, составляющая 31,8% сосудов, по набору форм (округлотелые и биконические небольшие горшки, черпаки с антропоморфными ручками, округлотелые кувшины с высоким конусовидным или цилиндрическим горлом, полусферические чашки) и системам орнамента аналогична бернашевской. Отличие, пожалуй, состоит в более широком применении зубчатого штампа, оттиски которого наряду с точечными наколами часто украшают ребра каннелюр².

Последняя группа керамики из Флорешт (Т. С. Пассек называет ее боянской) составляет 18,7% сосудов и во всех отношениях близка 3-й группе посуды из Бернашевки: те же примеси, техника обработки поверхности, орнаментальные мотивы и композиции, формы сосудов³. Часто встречается на сосудах из Флорешт спиралевидное ленточное изображение крылатого змея. Правда, наряду с «реалистической» трактовкой его головы передан лишь ее символ — три — пять коротких черточек — щупальцев⁴. Изредка поверхность «боянских» сосудов из Флорешт подкрашена красной краской⁵.

Керамика поселения Рогожаны, расположенного неподалеку от Фло-

* Керамика из Флорешт хранится в фондах Музея антропологии и этнографии АН СССР (Ленинград). Автором изучено около 10 тыс. фрагментов — остатки примерно 2800 сосудов.

¹ Пассек Т. С. Раннеземледельческие..., с. 194, 195; рис. 54, 11—16.

² Там же, с. 195, рис. 54, 1—3.

³ Там же, рис. 54, 4—10.

⁴ Там же, рис. 54, 6, 8.

⁵ Там же, с. 195.

решт, практически не отличается от посуды последних и также проявляет большое сходство с керамикой из Бернашевки*.

Кухонная посуда с примесью крупного шамота составляет здесь 31% всего керамического комплекса. Наряду с обычными формами (лишь фруктошницы встречаются очень редко) представлены полусферические чаши на небольших цилиндрических поддонах⁶, неизвестные в Бернашевке. Защитный орнамент (в том числе «колосковый» узор) часто покрывает всю поверхность сосуда.

Около 39% комплекса представлена столовой посудой (горшки, кувшины, черпаки и т. д.), преимущественно украшенной каннелюрами⁷.

Керамика 3-й группы (В. И. Маркевич называет ее подгруппой столовой посуды) составляет в Рогожанах 30% всего комплекса. Сосуды хорошо знакомых нам форм украшены преимущественно выемчатым орнаментом, заполненным белой пастой («шахматная доска», спираль, треугольник, «волчьи зубы»)⁸. Примечательно, что изображение змея-дракона встречается не только на внешней, но и на внутренней стороне крышек⁹.

Кроме Флорешт и Рогожан, керамика Бернашевки находит также соотвествия в материалах таких ранне трипольских поселений Молдавии,

как Кетриш I, Флорешты III, Фундурь I и некоторых других¹⁰.

Более западным аналогом Бернашевки является поселение Ларга в долине р. Жижии — правобережного притока Прута (на сходство материалов Ларга-Жижии и Флорешт указывали Т. С. Пассек, Г. Думитреску и другие исследователи). Три группы посуды, выделенные А. Александреску в Ларге-Жижии¹¹, полностью соответствуют бернашевским. Кухонная керамика, составляющая по данным А. Александреску, 30% комплекса, по технологии, формам, орнаментации почти неотличима от аналогичной посуды из Бернашевки¹². Даже такие редко встречающиеся формы, как цедилки на полых цилиндрических поддонах, есть на обоих поселениях¹³. Лишь фруктошницы, по-видимому, немногочисленны в Ларге-Жижии, да защитный орнамент покрывает все тулово сосуда чаще, чем в Бернашевке.

Столовая посуда составляет в Ларге-Жижии 50% керамического комплекса; на долю керамики, аналогичной 3 группе из Бернашевки, приходится 20%¹⁴. Полное сходство этих категорий керамики с соответствующими группами из Бернашевки не вызывает сомнения.

Судя по представительной подборке материалов из Гигоешти-Трудешти, опубликованной С. Маринеску-

* Автор признателен В. И. Маркевичу за возможность ознакомления с материалами из Рогожан.

⁶ Маркевич В. И. Исследования Молдавской неолитической экспедиции, с. 35, рис. 3.

⁷ Там же, с. 37; рис. 4, 1, 5, 11, 12, 17; 5, 1—4, 7—15, 17, 18.

⁸ Там же, с. 37; рис. 4, 3, 4, 8, 14, 15; 5, 5, 6, 16.

⁹ Там же, с. 35, рис. 5. 19.

¹⁰ Маркевич В. И. Памятники эпохи неолита и энеолита. Археологическая карта Молдавской ССР, вып. 2. Кишинев, 1973, с. 72, 77, 78, 110.

¹¹ Александреску А. Д. О второй фазе..., р. 24.

¹² Там же, р. 4, 10, 14; рис. 3.

¹³ Marinescu-Bilcu S. Cultura Precucute-ni..., fig. 45, 5.

¹⁴ Александреску А. Д. О второй фазе..., р. 4; рис. 4—7.

Былку¹⁵, это поселение, находящееся в бассейне р. Быстрицы (прикарпатская часть Молдовы), также аналогично Бернашевке. Это же относится к нижнему слою известного поселения Извоаре¹⁶ и ряду других памятников, выделенных румынскими исследователями во II фазу культуры Прекукутени¹⁷.

Многие черты керамики памятников этой фазы органически связаны с посудой предшествующих поселений I прекукутенской фазы, о чем неоднократно писали румынские исследователи (Вл. и Г. Думитреску, Е. Комша, А. Александреску, С. Маринеску-Былку и др.). Действительно, в материалах такого раннего неолитического памятника, как Траян-Дялул Вией (Зенешть), отчетливо видны черты, получившие дальнейшее развитие в керамике не только Гигоешти-Трудешти и Ларги-Жижи, но и Флорешт, Рогожан, Бернашевки. В первую очередь это относится к керамике 2 и 3 групп¹⁸ и в меньшей степени — к кухонной посуде.

Уже давно стало аксиомой положение о том, что керамический комплекс культуры Прекукутени (фазы I и II) сложился под сильнейшим влиянием нижнедунайской культуры Боян. На второй фазе ее развития (Джулешти) появляется посуда (вазы на цилиндрических поддонах, крышки с грибовидными ручками), украшенная вычурным, заполненным белой пастой выемчатым орнаментом, многие элементы которого —

«шахматная доска», треугольники, «волчьи зубы», спираль, меандр, стилизованное изображение змея-дракона¹⁹ — впоследствии становятся обычными для декора керамики культуры Прекукутени I—II и памятников типа Флорешт. Сходство это столь велико, что в свое время к культуре Боян-Джулешти были отнесены и Траян-Дялул Вией²⁰ и Флорешты²¹.

Таким образом, боянская традиция изготовления керамики получила свое продолжение и своеобразное преломление в материалах культуры Прекукутени I—II и в посуде наиболее ранних трипольских поселений. Более того, некоторые фрагменты керамики 3 группы из Бернашевки являются, по нашему мнению, реминисценцией керамики наиболее ранней боянской фазы (Болинтивяну) с ее специфическим орнаментом в виде «колючей проволоки» (рис. 76, 10). Ромбическо-меандровый узор на посуде 3 группы (рис. 76, 9), неизвестный, судя по публикациям, во Флорештах, Рогожанах и памятниках культуры Прекукутени II, типичен для боянской керамики фаз Джулешти и Видра²².

Боянские истоки имеет и группа столовой посуды с каннелированным орнаментом, о чем еще в 30-х годах писал Е. Ю. Кричевский²³. Что же

¹⁹ Comşa E. Istoria comunităților..., pl. 6—17; Berciu D. Contribuții la problemele neoliticului în România în lumina noilor cercetări. București, 1961, fig. 170—172.

²⁰ Comşa E. Stadiul cercetărilor cu privire la faza Giulești a culturii Boian.— SCIV. 1957, N 1—4, p. 44—45.

²¹ Пасек Т. С. Новые открытия на территории СССР..., с. 28—46.

²² Comşa E. Istoria comunităților..., pl. 8, 13, 17; 19.

²³ Кричевский Е. Ю. Из истории Дунайского понизовья в неолитическую эпоху.— КСИИМК, 1940, вып. 8, с. 55.

¹⁵ Marinescu-Bilcu S. Cultura Precucuteni..., fig. 38—52.

¹⁶ Vulpe R. Izvoare, fig. 19, 1—3, 6—7; 35, 4; 36, 8; 52; 70.

¹⁷ Marinescu-Bilcu S. Cultura Precucuteni..., p. 53—74.

¹⁸ Ibid., p. 55—63, fig. 33—37.

касается кухонной керамики, то в ней, как уже не раз отмечали исследователи, заметны черты неолитической культуры Криш (формы сосудов; защиты, наколы, «колосок», покрывающие всю поверхность; рельефные налпы в виде букраниев и т. д.).

Таким образом, на формирование керамического комплекса наиболее ранних трипольских памятников Украины и Молдавии (Бернашевка, Флорешты, Рогожаны) решающее влияние оказали нео-энеолитические культуры Подунавья, Трансильвании, бассейна Серета и Прута. Все характерные черты этого комплекса сложились в процессе развития двух первых фаз культуры Прекукутени. Дальнейшее продвижение носителей этой культуры на восток обусловило локальное своеобразие керамики памятников Пруто-Днестровского междуречья, позволяющее рассматривать их уже в качестве трипольской культуры.

Тезис С. Н. Бибикова о южном (точнее, юго-западном.— В. З.) происхождении раннетрипольской керамики²⁴ получил в материалах Бернашевки свое дальнейшее развитие и конкретизацию.

В то же время представляется весьма спорной мысль о наличии генетической связи между раннетрипольской и местной неолитической буго-днестровской керамикой²⁵. Посуда поздних неолитических поселений Южного Буга и Днестра (савранская фаза, по В. Н. Даниленко, V фаза, по В. И. Маркевичу) бедна и однообразна. По технологическим

признакам (растпительная примесь и графит в тесте), формам сосудов (реберчатые широкие чаши, реберчатые горшки с воронковидной придонной частью, остродонные горшки S-видного профиля), орнаменту (проглаженные ленты в угловатых и криволинейно-воллютовых композициях)²⁶ она заметно отличается от раннетрипольской керамики. В еще большей степени это относится к посуде ранних фаз буго-днестровской культуры.

Для В. Н. Даниленко «различия, и притом довольно значительные, между поздней посудой буго-днестровской культуры и древнейшей трипольской вполне очевидны»²⁷; пишет он и о чертах керамики культуры Боян, Криш, Тордош в раннетрипольской посуде. Однако решающей для исследователя оказывается «органическая близость» между посудой раннего Триполья и буго-днестровской культуры, проявляющаяся еще на сравнительно ранней (пещерской) фазе развития последней²⁸. К сожалению, этот тезис у В. Н. Даниленко недостаточно обоснован; к тому же доводы его не могут быть приняты из-за неконкретности сопоставлений, отсутствия каких бы то ни было цифровых выкладок, невыразительного иллюстративного материала²⁹. Что же касается керамического комплекса так называемой хмельникско-сандракской фазы, переходной, по мнению В. Н. Даниленко, от неолита к раннему Триполью, то весь этот «комплекс» состоит из 30 черепков,

²⁴ Бибиков С. Н. Поселение Лука-Врублевская, с. 157—169.

²⁵ Даниленко В. Н. Энеолит Украины, с. 22—25; Маркевич В. И. Буго-днестровская культура..., с. 165.

²⁶ Даниленко В. Н. Неолит Украины, с. 129, 137—139, 154—155; рис. 98; 104; 109; 115; 117; 127; Маркевич В. И. Буго-днестровская культура..., с. 115—116, 124; рис. 65; 71.

²⁷ Даниленко В. Н. Энеолит Украины, с. 22.

²⁸ Там же, с. 223.

²⁹ Там же, с. 23; рис. 4; 5.

не связанных с неолитическими памятниками и не объединенных четкими общими признаками³⁰. Без всяких оснований сюда отнесены фрагменты сосудов из Луки-Врублевцевкой, рассматриваемые С. Н. Бибиковым как привозные или изготовленные на месте по привозным образцам³¹. К буго-днестровскому неолиту они не имеют никакого отношения, а правильно подмеченное В. Н. Даниленко сходство с тордошской керамикой объясняется очевидным влиянием культуры Винча-Тордош на формирование раннетрипольского керамического комплекса³².

В. И. Маркевич полагает, что лишь от буго-днестровской культуры могли быть унаследованы Трипольем «некоторые формы грубой керамики, покрытой пальцево-ногтевыми зашипами, и орнамент, нанесенный на керамику трубчатыми и иной формы штампами»³³. Ожидая в будущих работах указанного автора развернутой аргументации его выводов, заметим здесь, что трубчатый штамп крайне редко применялся трипольцами при украшении посуды (в Бернашевке лишь около десятка черепков орнаментированы его отпечатками). Да и поздненеолитическая керамика Днестра, судя по данным В. И. Маркевича, не знает этого орнамента³⁴. Что же касается кухон-

ной посуды с зашипным орнаментом, то и в буго-днестровском неолите, и в раннем Триполье (культуре Прекукутени) она появилась под прямым или опосредствованным влиянием культуры Криш³⁵.

Таким образом, нет оснований для выводов о сколько-нибудь значительном вкладе буго-днестровской культуры в формирование яркого керамического комплекса раннего Триполья. Лишь далеким отзвуком этой культуры, возможно, является проглаженный орнамент в виде вертикального зигзага или треугольных шевронов, изредка украшающий сосуды из Луки-Врублевцевкой, Ленковцев и Гайворона.

Наличие боянских (точнее, прекукутенских) черт в керамике Бернашевки четко указывает место этого памятника на хронологической шкале раннего Триполья Украины. Бернашевка, несомненно, является наиболее древним раннетрипольским поселением, среди известных в Пруто-Днестровском междуречье (в пределах Черновицкой обл.) и на левобережье Днестра, так как ни одно из них не дает керамику со столь ярко выраженными боянско-прекукутенскими чертами. О том, что наличие этих черт является именно хронологическим, а не локальным признаком, свидетельствует стратиграфия Извоаре, где нижний слой (I, 1) с керамикой, аналогичной найденной в Бернашевке, перекрыт слоем (I, 2) с обычной раннетрипольской посудой (III фаза культуры Прекукутени), совершенно лишенной боянских черт³⁶.

³⁵ *Passek T. Relations entre l'Europe Occidentale et l'Europe Orientale a l'epoque Neolithique*, p. 4—5, 8—9.

³⁶ *Vulpe R. Izvoare*, p. 55—120.

³⁰ Даниленко В. Н. Энеолит Украины, с. 142—146; рис. 121; 123; 128; рис. 5.

³¹ Бибиков С. Н. Поселение Лука-Врублевцевкая, с. 155—156; табл. 65—69.

³² Думитреску Г. К проблеме происхождения докукутенской культуры. — В кн.: Материалы и исследования по археологии Юго-Запада СССР и РНР. Кишинев, 1960, с. 40—41.

³³ Маркевич В. И. Буго-днестровская культура..., с. 165.

³⁴ Там же, с. 116, 124.

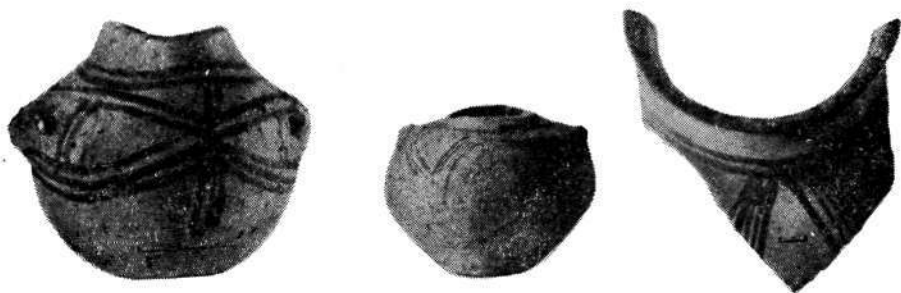

Рис. 77. Позднетрипольская керамика (1—3).

Дальнейшее развитие раннетрипольской керамики связано не только с отмиранием боянских черт; изменения коснулись всех групп посуды. Так, почти полностью стирается грань между керамикой 2 и 3 групп; полностью исчезают из обихода реберчатые фруктовницы, на смену которым приходят глубокие вазы-горшки на цилиндрических поддонах; становятся более узкими каннелюры, сопровождаемые обычно рядами крупных оттисков зубчатого штампа; неперемнным спутником всех орнаментальных композиций становятся округлые ямки-лунки. Кухонная посуда становится более однообразной; зашипами украшается не вся поверхность сосуда, а лишь основание горла; исчезает барботинный орнамент. Эти и многие другие изменения связаны не только с дальнейшим развитием культуры, но и, по-видимому, с возникновением локальных различий на обширной территории, занятой ранним Трипольем — культурой Прекукутени³⁷.

³⁷ Черныш Е. К. Основные направления путей расселения племен культуры Кукутени — Триполье в ранний период. — В кн.: Восточная Европа в эпоху камня и бронзы. М., 1976, с. 90—102.

* * *

В заключение дадим краткую характеристику позднетрипольской керамике, найденной на поселении. В коллекцию входит более 200 фрагментов сосудов, относящихся к двум технологическим группам.

Преобладает ($\frac{2}{3}$ общего количества фрагментов) столовая посуда из хорошо отмученной глины без видимых примесей, покрытая розоватым мажущимся ангобом. Посуда хорошо обожжена, поверхность горшков часто подлощена. Выделяются следующие формы: горшки с цилиндрическим горлом разной высоты (край венчика далеко отогнут) и округлым туловом; полусферические чаши с загнутым внутрь краем; округлотелые амфоры. Привлекают внимание две целые миниатюрные амфорки, найденные в верхнем горизонте жилища 3 (рис. 77, 1, 2). Одна из них имеет следы вторичного обжига.

Столовая посуда украшена монохромной росписью в виде распавшейся спирали и овалов, образованных лентами, состоящими из трех-четырех узких полосок. Изредка свободное пространство между лентами, нанесенными черной краской, заполнено темно-красной краской (рис. 77,

3). Полусферические чаши снаружи украшены росписью в виде свисающих дуговидных фестонов, а внутри — крестовидным рисунком, окаймленным волнистыми линиями. Часто этот узор дополнен колонками зигзага в виде перевернутой буквы М.

Кухонная керамика с примесью толченой ракушки в тесте представлена преимущественно округлотелыми горшками с невысоким прямым или отогнутым венчиком, а также чашами с чуть загнутым внутрь краем. Плечики горшков обычно украшены опоясывающим рядом насечек или оттиском шнура в сочетании с двумя—четырьмя небольшими коническими налепами. Из глины с примесью ракушки изготовлены два конусовидных пряслица.

Описанный материал обычен для двестровских поселений типа Жванца³⁸ и относится к началу позднейшей фазы трипольской культуры³⁹.

Предметы пластики

Оригинальностью и разнообразием отличается глиняная пластика Бернашевского поселения. Коллекция, насчитывающая 110 изделий, включает антропоморфные и зооморфные статуэтки (в том числе стилизованные ручки ковшей), подставки сосудов, выполненные в виде человеческой ноги или лапы животного, обломки моделей жилищ, украшения.

Антропоморфные статуэтки составляют большую часть коллекции (67). Они обнаружены во всех жилищах, но распределены неравномерно: лишь

³⁸ Мовша Т. Г. Позднетрипольское поселение в с. Жванец.— КСИА АН СССР, 1970, вып. 123, с. 84—93.

³⁹ Збенович В. Г. Хронологія пізнього Трипілля.— Археологія, 1972, 7, с. 6—8.

одна статуэтка связана с жилищем 1, четыре — с жилищем 5, в то время как в жилищах 2 и 3 найдены, соответственно, 21 и 16 статуэток. Находки статуэток нельзя связать с какой-либо определенной частью жилища, так как они встречаются повсеместно. Привлекает внимание находка статуэтки на большой каменной плите у южного края жилища 4 (кв. А/3); рядом с камнем лежали еще две антропоморфные фигурки.

Обычно статуэтки вылеплены из хорошо промешанной глины с примесью песка, изредка — мелкотолченого шамота и зерен кварца. Обжиг равномерный, поверхность хорошо заглажена, покрыта розоватым, серым, коричневатым ангобом. Поскольку все статуэтки дошли в обломках (представлены обычно нижние части фигурок; гораздо реже встречается верхняя половина туловища с головой), нельзя уверенно судить об их размерах; наиболее крупные экземпляры могли достигать в высоту 10 см, встречаются и миниатюрные фигурки высотой 2—3 см.

Несмотря на разную величину, массивность, трактовку тех или иных деталей, почти все статуэтки (62 и 67) передают один иконографический тип — женщину с широкими бедрами, мощными ягодицами, конически сомкнутыми ногами. Обычно фигурка лепилась из цельного куска глины, после чего спереди и сзади прорезанными вертикальными канавками разделялись ноги и ягодицы. Однако в некоторых случаях статуэтка лепилась из двух вертикальных отдельных половинок, составленных и дополнительно обмазанных слоем глины. Вообще, дополнительная подмазка была обычным приемом при формовке статуэток; с ее помощью, в частности, мастер увеличивал объем

Рис. 78. Предметы пластики (1—29);
1—18, 20—29 — глина; 19 — раковина.

ягодиц, переданных либо в виде округлых полушарий (рис. 78, 4, 5), либо как конические выступы (рис. 79, 1, 2). Живот многих статуэток обозначен небольшой выпуклостью, подчеркнутой внизу врезанными линиями, сходящимися под углом, а в верхней части — опоясывающей линией (рис. 78, 2, 3, 5). Иногда неглубоким наколом обозначен пупок (рис. 78, 5). Несколько статуэток имеют на лобке небольшие парные округлые бугорки (рис. 78, 6; 79, 7).

Сомкнутые ноги статуэтки, как правило, имеют вид уплощенного или округлого в сечении конического выступа разной длины. На конце выступа несколькими вертикальными черточками иногда переданы пальцы (рис. 78, 1, 7). Сзади и спереди ноги обозначены врезанными (подчас очень глубоко) линиями. Лишь у нескольких статуэток ноги разомкнуты (рис. 78, 11; 79, 11). В одном случае разомкнутые ноги статуэтки соединены в паху защипом — перепонкой (рис. 78, 8).

Веретенообразная верхняя часть туловища статуэтки описываемого типа обычно уплощена. Изредка небольшими угловатыми выступами переданы плечи (рис. 78, 5, 15; 79, 3, 13, 14). Лишь в одном случае при помощи налепных валиков изображены руки, сомкнутые на груди (рис. 79, 10). Грудь изредка передана одним или двумя округлыми бугорками (рис. 78, 5, 14).

Туловище увенчано небольшой круглой головкой, слегка уплощенной сверху. Щипком намечен нос, округлыми наколами — глаза и рот; последний передан также горизонтальной насечкой (рис. 78, 13, 14; 79, 13). Несколько иначе выглядит верхняя часть туловища статуэтки из жилища 4 (рис. 78, 15; 79, 14), имею-

щая вид массивного цилиндрического столбика, увенчанного широкой плоской шляпкой. Полуокруглый в профиле нос оттянут щипком, горизонтальными черточками переданы глаза, на месте рта — глубокий вертикальный прокол, противоположное отверстие которого выходит в центре шляпки.

Верхняя и нижняя части статуэтки поставлены под углом, и в зависимости от величины этого угла (учитывая фрагментарность статуэток) определяется поза фигурки. Обычно статуэтка изображает сидящую женщину, ноги которой вытянуты, а спина отклонена назад (рис. 78, 9, 10; 79, 3, 7). В некоторых случаях сидячая поза статуэтки подтверждается специально уплощенными снизу ногами и ягодицами, а также согнутыми в коленях и опущенными ногами (рис. 78, 11; 79, 6). В ряде случаев угол наклона между верхней и нижней частями статуэтки превышает 140—150°; эти фигурки, по-видимому, изображают стоящую женщину, чье тело слегка наклонено вперед (рис. 79, 10, 11). В одном случае (жилище 6) стоящая статуэтка снабжена ножкой — столбиком с плоским расширенным основанием (рис. 78, 12; 79, 8).

Отличительной чертой описанных статуэток является почти полное отсутствие на них орнамента. Даже врезанный угловой рисунок (одинарный или двойной), подчеркивающий тазобедренную часть и едва ли имеющий декоративное назначение, встречается не на всех фигурках (рис. 79, 4, 5). В нескольких случаях эти врезанные линии были заполнены белой пастой. На одной статуэтке прослеживаются остатки красной краски, нанесенной на белую обливку, — ангоб. Лишь две статуэтки украшены на месте плечей и рук не-

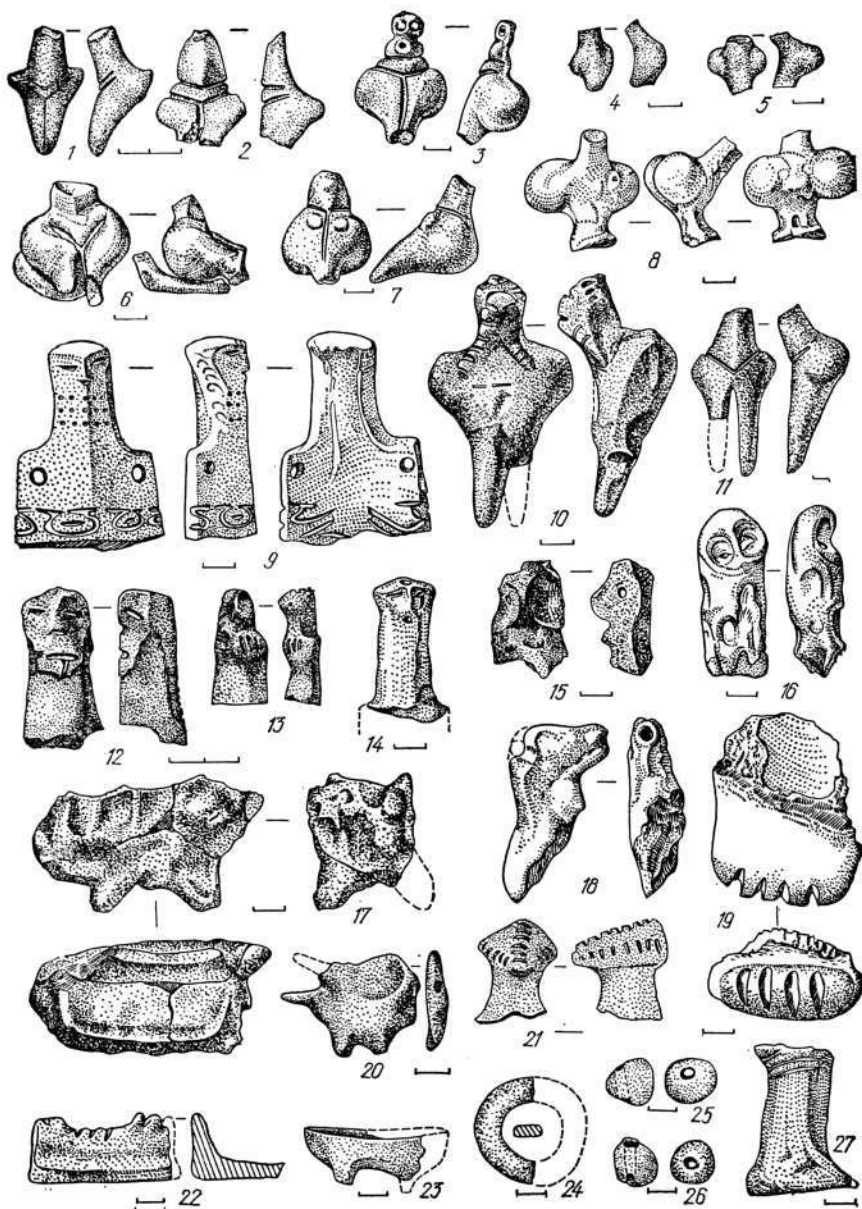

Рис. 79. Предметы пластики (1—27):
 1—14, 16—27 — глина; 15 — камень-известняк.

большими черточками — нарезками (рис. 79, 10, 13).

С описанными статуэтками тесно связаны небольшие глиняные креслица. Они округлые, с плоской невысокой спинкой, отклоненной назад. Всего найдено пять креслиц. В одном случае кресло стоит на четырех невысоких столбчатых ножках (рис. 79, 23). Спинка кресла оформлена небольшими роговидными выступами. Примечательно невысокое четырехугольное в плане кресло (жилище 4), спинка которого украшена двойным стилизованным изображением букраниев (рис. 79, 22).

При раскопках жилища 6 обнаружены статуэтка с согнутыми в коленях ногами и креслице, совершенно аналогичные по качеству глины, цвету и размерам. Несомненно, они изготовлены вместе и тесно связаны друг с другом (рис. 78, 11; 79, 6). По-видимому, и некоторые другие статуэтки сидели на специально для них изготовленных креслах.

На фоне численно доминирующих и в общем-то стандартных статуэток с подчеркнутой стеатопигией выделяются три фигурки, выполненные в иной изобразительной манере. Среди них особое место занимает статуэтка, найденная в жилище 4 и передающая, по-видимому, мужской образ. Статуэтка вылеплена из белой глины; поверхность ее хорошо заглажена. Шея и голова выполнены в виде массивного цилиндрического столбика со слегка расширенным, плоско срезанным и закругленным верхом. Непосредственно под краем среза (лоб и переносица отсутствуют) легким щипком передан прямой нос; глаза и рот намечены горизонтальными насечками. На месте подбородка и ниже пятнадцатью точечными наколами обозначена борода.

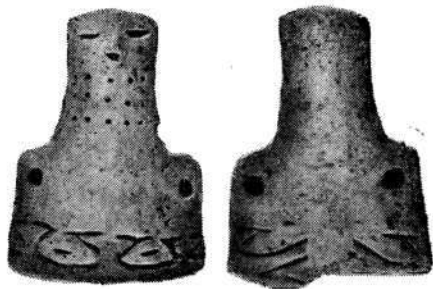

Рис. 80. Антропоморфная статуэтка (жилище 4).

Шея переходит в широкое уплощенное туловище прямоугольных очертаний с угловатыми выступами — плечами, снабженными округлыми сквозными проколами. Внизу статуэтка обломана; вдоль лицевой ее стороны от носа и до линии облома проходит небольшое вертикальное ребро. У места слома фигурка украшена цепочкой врезанных петлеобразных изображений с несомкнутыми отогнутыми концами; узор этот заходит и на спину (рис. 79, 9; 80). Спина статуэтки слегка вогнута; это позволяет предположить, что мы имеем дело с антропоморфной ручкой большого сосуда — ковша, сломанной где-то в месте соединения с туловом последнего.

В такой же манере (призматический столбик с плоским срезом) выделена верхняя часть статуэтки из жилища 2 (рис. 79, 12). Прямой нос ее передан щипком, глаза — косыми черточками, рот — большой горизонтальной вмятиной.

Представляет интерес нижняя половина большой антропоморфной статуэтки (жилище 3) в виде высокого цилиндрического постамента, расширяющегося в месте перехода к увеличенной седалищной части.

Спереди и сзади ноги чуть намечены проглаженной вертикальной бороздкой. Статуэтку украшает проглаженный крестовидный рисунок, в углы которого вписаны небольшие треугольники (рис. 78, 16). В глиняном тесте заметны крупные зерна шамота.

Три последние статуэтки стилистически заметно отличаются от обычной равнотрипольской пластики и, вероятно, связаны с иной культурной средой.

К антропоморфной пластике следует отнести и две крайне стилизованные статуэтки из жилищ 2 и 5. Первая имеет вид плоского глиняного брусочка с зубчатыми боковыми краями; верхний край обломан, нижний слегка закруглен (рис. 78, 18). Вторая статуэтка вылеплена весьма небрежно. По форме она напоминает цилиндр с закругленным верхом. Одна из сторон уплощена и помечена сверху двумя глубокими ямками — защипами (глаза?). Такие же защипы имеются у основания фигурки, скошенного и обломанного (рис. 78, 17; 79, 16).

Как уже отмечалось, ручки многих столовых ковшиков-черпаков наделены антропоморфными чертами, обычно весьма схематичными. Следует отметить такие ручки, трактованные в более или менее реалистической манере. Одна из них (жилище 4) напоминает верхнюю часть обычной статуэтки. У нее небольшая головка, нос передан щипком; глаза и рот — наколами (рис. 78, 22). Две плоские ручки из жилища 3 заканчиваются треугольным либо расширяющимся выступом — головой и симметричными парными выступами — плечами. На одной из них глубоким наколом обозначен глаз, а двумя

округлыми сквозными отверстиями — грудь (рис. 78, 23, 24).

Вместе с глиняной антропоморфной пластикой следует упомянуть еще две статуэтки, хотя изготовлены они из других материалов. Из мягкого известняка-ракушечника по образцу глиняной пластики вырезана головка статуэтки, найденная в жилище 2. Плоский закругленный нос фигурки (явная имитация носа, сделанного щипком) образован двумя косыми боковыми срезами, рот — глубоким горизонтальным проколом, глаз глубоко высверлен (рис. 79, 15). Из створки раковины *Uro* вырезана небольшая пластинчатая статуэтка с зубчатыми боковыми краями и головой в виде треугольного выступа (жилище 6) (рис. 78, 19).

Зооморфные статуэтки представлены всего семью экземплярами. Они выступают обычно не в «чистом виде», а как детали сосудов. В одном из шурфов неподалеку от жилища 6 обнаружена массивная фигурка бычка, вылепленная крайне небрежно. Небольшими коническими выступами переданы ноги и рога животного (один рог сбит). Спина бычка оформлена в виде неглубокого продолговатого корытца (рис. 79, 17). Это, очевидно, прообраз зооморфных сосудов — кернесов, столь характерных для более поздних этапов трипольской культуры.

Еще одно примитивное глиняное изображение бычка найдено в жилище 2. Интересно, что это не объемная, а плоскостная скульптура, передающая фигуру бычка в профиле. Показаны лишь наиболее характерные черты животного — торчащие острые рога (один из них сломан) и мощная крутая спина. Ноги переданы двумя выступами (рис. 79, 20).

В виде круторогой головы бычка, показанной в более или менее реалистической манере, оформлена ручка ковшика из жилища 2 (рис. 78, 21); морда животного обозначена оттянутым выступом, глаза и рот — горизонтальными насечками.

Из жилища 4 происходит глиняная головка животного (лошадь?, овца?) — уплощенная, с вытянутой копытной мордой, в которой имеется глубокое трубчатое отверстие. Сзади, где голова слегка обломана, имеется сквозное круглое отверстие. Глаза и другие детали не проработаны (рис. 78, 20; 79, 18).

В ряде случаев крышки глиняных сосудов украшались навершиями в виде фигурки птицы. Одна такая фигурка обнаружена в жилище 3; две другие (совершенно идентичные) — в жилищах 4 и 6. В фигурках с широкой приплюснутой спинкой и покато угадывается силуэт водоплавающей птицы (рис. 78, 25, 26; 79, 21).

К отдельному виду антропо- и зооморфной пластики можно причислить подставки или ножки сосудов, вылепленные в подражание человеческой ноге или лапе животного. В Бернашевке найдено пять таких ножек — подставок, выполненных с разной степенью реализма. Следует упомянуть изображение человеческой ноги, по-видимому, одетой в высокую обувь типа сапог (рис. 79, 27); трехпалую ногу с выделенным голеностопным суставом (рис. 78, 27) и плоскую широкую пятипалую лапу животного (рис. 79, 19).

Почти во всех жилищах обнаружены глиняные столбики. Обычно исследователи называют их ножками моделей жилищ (всего 12 экз.). Они имеют цилиндрическую форму, реже конусовидную; одна из ножек, на-

йденных в жилище 4, сильно уплощена. Обычно высота ножки не превышает 5—6 см, хотя встречено несколько массивных ножек длиной 10—11 см (рис. 78, 29). Часто основание ножки расширено для большей устойчивости (рис. 78, 28). Некоторые ножки вылеплены из хорошо промытой глины, поверхность их хорошо заглажена, подложена, но все они лишены орнамента.

Можно полагать, что далеко не все столбчатые ножки являлись деталями моделей жилищ (последние, вообще, очень редки в раннем Триполье); многие из них, очевидно, принадлежали глиняным культовым столикам — платформам. Небольшой фрагмент такого столика в виде тонкой плитки на четырех ножках (уцелели лишь две) найден в жилище 1.

К объектам культа, видимо, относятся глиняные цилиндрические палочки (5) неизвестного назначения. Длина их колеблется в пределах 5—8 см, диаметр сечения достигает 0,6—0,9 см. Концы палочек обычно закруглены и иногда слегка заужены.

Украшения представлены двумя шаровидными глиняными бусинами со сквозными отверстиями (рис. 79, 25—26) и подвеской в виде плоского кружка шириной 0,8 см (рис. 79, 24). Все они найдены в жилище 3.

В целом глиняная пластика Бернашевки, и прежде всего антропоморфные статуэтки, обладает устойчивым набором признаков, что позволяет достаточно точно определить ее место в огромной (не менее 2 тыс. экземпляров) коллекции раннетрипольско-прекукутенской антропоморфной пластики.

А. П. Погожева, посвятившая свою диссертацию разработке проблем, связанных с раннетрипольской пла-

стикой, и предложившая подробную классификацию последней⁴⁰, выделила группу наиболее ранних примитивных статуэток без орнамента (типа «С»). К этому типу принадлежат фигурки укороченных пропорций с хорошо выраженной стеатопигией, складкой в нижней части живота и сомкнутыми ногами; торс плоский, плечевые выступы не моделированы, на высокой шее — подтреугольная головка, глаза и рот переданы проколами⁴¹. Абсолютное большинство женских статуэток из Бернашевки следует отнести к типу «С» и в меньшей степени — к очень близкому типу «С₁». Статуэтки этих типов есть почти во всех крупных коллекциях — из Луки-Врублевской⁴², Ленковцев⁴³, Александровки⁴⁴, Траяна-Дялул Фынтынилор, Тырпешти⁴⁵ и т. д. С точки зрения технологии (примесл, лепка из цельного куска и двух вертикальных половин, дополнительная подмазка глиной, заполнение пастой углубленных линий и т. д.) они также вполне аналогичны статуэткам из Бернашевки⁴⁶. Вместе с ними в небольшом количестве встречены глиняные креслица, идентичные вышеописанным, а в жили-

ще 3 на поселении Сабатиновка II обнаружено *in situ* несколько статуэток, сидящих на таких креслицах⁴⁷.

Однако на всех упомянутых поселениях в большем или меньшем количестве имеются в наличии типологически более поздние статуэтки, почти все тело которых богато украшено врезанным узором в спиральных и других композициях (типы «а» и «в», по А. П. Погожевой). Такие статуэтки в бернашевской коллекции совершенно неизвестны, что служит одним из доказательств более раннего возраста нашего поселения в сравнении с перечисленными памятниками.

Полной аналогией антропоморфной пластике Бернашевки являются коллекции из Флорешт⁴⁸, Рогожан⁴⁹, Ларги-Жижии⁵⁰, Гигоешти-Трудешти⁵¹. Для всех указанных памятников характерны женские неорнаментированные статуэтки типа «с», повторяющие бернашевскую пластику, подчас в мелких деталях. Эта общность отнюдь не означает отсутствия тех или иных индивидуальных особенностей в пластике каждого из этих поселений. Так, например, небезынтересно, что ни на одном из аналогов Бернашевки не обнаружены глиняные креслица.

⁴⁰ Погожева А. П. Глиняная антропоморфная пластика трипольской культуры (Триполье А). Автореф. канд. дис. М., 1971, с. 1—28.

⁴¹ Там же, с. 11—12.

⁴² Бибиков С. Н. Поселение Лука-Врублевская, табл. 83; 85.

⁴³ Черниш К. К. Ранньотрипольське поселення Ленківці..., с. 80; табл. 15, 13, 20.

⁴⁴ Зиньковская Н. Б. Антропоморфная пластика раннетрипольского поселения Александровка.— МАСП, 1976, вып. 8, с. 161—170, рис. 1, 4, 7; 2, 2, 3.

⁴⁵ Marinescu-Bilcu S. Cultura Precucute-ni..., fig. 73, 5; 77; 78.

⁴⁶ Погожева А. П. К вопросу о технологии изготовления раннетрипольских статуэток.— КСИА АН СССР, 1973, вып. 134, с. 28—34.

⁴⁷ Макаревич М. Л. Статуэтки трипольского поселения Сабатиновка II.— КСИА АН УССР, 1954, вып. 3, с. 90; рис. 2, 10, 12, 13.

⁴⁸ Материал не опубликован (хранится в фондах ИА АН СССР). Классификацию и подсчеты произвела А. П. Погожева. См.: Погожева А. П. Глиняная антропоморфная пластика..., с. 11—19.

⁴⁹ Маркевич В. И. Исследования Молдавской неолитической экспедиции, с. 40, рис. 6, 4—8.

⁵⁰ Александреску А. Д. О второй фазе..., р. 24; рис. 8.

⁵¹ Marinescu-Bilcu S. Cultura Precucute-ni..., fig. 72, 1, 5, 8.

Вряд ли будут успешными поиски прямой генетической линии, закончившейся появлением ранней трипольской пластики описанного выше типа. Ее возникновение не может быть связано ни с одной из неолитических культур Юго-Восточной Европы. Совсем не знает пластики бугорно-днестровская культура; заметно отличаются от раннетрипольских немногочисленные статуэтки культуры линейно-ленточной керамики⁵². Не похожа на трипольскую и обильная пластика культуры Винча с ее устоявшимся иконографическим типом⁵³. Румынские исследователи (Г. и В. Думитреску, Д. Берчу) неоднократно указывали на связь раннетрипольской пластики с пластикой культуры Хаманджия. Эту мысль как будто бы разделяет и С. Маринеску-Былку, однако она совершенно правильно указывает и на значительные различия между статуэтками этих двух культур⁵⁴.

Некоторые сюжеты раннетрипольской пластики (образ «мыслителя»), несомненно, возникли под влиянием культуры Хаманджия, однако в целом, как справедливо полагает А. П. Погожева⁵⁵, генетическая связь между антропоморфной пластикой Хаманджии и раннего Триполья (Прекукутени) отсутствует.

В отдельных статуэтках культуры Боян можно увидеть черты сходства

⁵² Dumitrescu V. *Arta preistorică în România*. București, 1974, fig. 183, p. 176—178.

⁵³ Tasić N. *Neolitska plastika*. Белград, 1973; Comşa E., *ăut O. Figurine antropomorfe aparținând culturii Vinča descoperite la Zorlentu Mare*.— SCIV, 1969, N 1, p. 3—15.

⁵⁴ Marinescu-Bilcu S. *Cultura Precucuteni...*, p. 91—92.

⁵⁵ Погожева А. П. Глиняная антропоморфная пластика..., с. 15—16.

с раннетрипольской пластикой, проявляющиеся в трактовке головы и нижней части туловища⁵⁶. Однако в целом пластике этой культуры присущ свой особый иконографический тип⁵⁷, выработанный уже на первой фазе (Болинтиняну) и впоследствии в несколько измененном виде переданный культуре Гумельница. С подобной пластикой мы встречаемся на гумельницких поселениях Юго-Запада СССР⁵⁸.

Пожалуй, более наглядно проявляется сходство между раннетрипольской пластикой и некоторыми статуэтками культуры Криш, обладающими подчеркнутой стеатопигией и лишенными орнамента⁵⁹. В этом плане интересна мысль Т. Бадера о живучести традиций кришской пластики⁶⁰.

Таким образом, в процессе формирования раннетрипольско-прекукутенской культуры сложились и самобытный, только этой культуре присущий стиль глиняной пластики. Унаследовав от своих предшественников и соседей культовые идеи, отраженные в пластике, трипольцы, очевидно, позаимствовали из пластики разных культур (Боян, Криш и др.) ее отдельные черты. Период поисков собственного стиля отражает

⁵⁶ Comşa E. *Istoria comunităților...*, fig. 74, 9, 10.

⁵⁷ Ibid., fig. 74—77.

⁵⁸ Бейлекчи В. С. Исследования гумельницкого поселения у с. Кокора.— В кн.: Археологические исследования в Молдавии (1972). Кишинев, 1974, с. 54, рис. 2; Субботин Л. В. Антропоморфная пластика гумельницких памятников Юго-Запада СССР.— МАСП, 1976, вып. 8, с. 21—36.

⁵⁹ Bader T. *Despre figurinele antropomorfe în cadrul culturii Criș*.— Acta Musei Napocensis, V, Cluj, 1968, p. 381—388; fig. 1, 2, 3.

⁶⁰ Ibid., p. 387.

пластика поселения Траян-Дялул Вией (фаза Прекукутени I) с ее неупорядоченностью и пестротой типов⁶¹. Но уже здесь вполне зримо проступают черты (стеатопигия, отсутствие орнамента, сидячая поза), ставшие каноническими на следующем этапе развития, представленном пластикой Бернашевки и ее аналогов.

Среди «стандартных» статуэток Бернашевки выделяются, как уже отмечалось, несколько фигурок, органически не связанных с обычной раннетрипольской пластикой (рис. 78, 16; 79, 9, 12, 14; 80). Близкая им по стилю статуэтка встречается и в Рогожанах⁶². Характерные черты этих статуэток (массивный цилиндрический постамент, мощная шея, голова с более или менее реалистически проработанными деталями, врезной и проглаженный орнамент) позволяют связывать их происхождение с более южными нео-энеолитическими культурами Балкан и Подунавья. Близкая по стилю пластика найдена, в частности, на поселениях Брибир в Югославии⁶³, Усое в Болгарии, на памятниках культуры Боян и Вэдастра⁶⁴. Любопытно, что у фигурок на поселении Усое темя ровно срезано и косо просверлено для подвешивания⁶⁵; совершенно такой же прием был использован при изготовлении

одной из бернашевских статуэток (рис. 79, 14).

Не исключено, что некоторые статуэтки этой группы являются импортом (это относится прежде всего к мужскому изображению) (рис. 80), но более вероятно подражание пластике, попавшей на Днестр откуда-то с юго-запада.

Две фигурки из Бернашевки (рис. 78, 18, 19) пополнили коллекцию крайне схематизированной пластики, почти совершенно лишенной антропоморфных признаков. Речь идет о так называемых зубчатых статуэтках, выполненных из разных материалов, имеющих разные размеры и форму, но обладающих общим признаком — зубцами (острыми или более сглаженными), оформляющими два противоположных края. Многие из них имеют сквозное отверстие для подвешивания (эти фигурки служили амулетами), некоторые снабжены несколькими отверстиями.

Почти на всех памятниках, однотипных Бернашевке, обнаружены такие статуэтки: девять целых фигурок, вырезанных из кости, и одиннадцать заготовок были найдены во Флорештах⁶⁶; две костяные статуэтки происходят из Рогожан⁶⁷ и одна глиняная из Берново (уроч. Малинки)⁶⁸. находка из Бернашевки показывает, что поделочным материалом служили и створки раковин Убио.

Среди более поздних раннетрипольских памятников такие фигурки дают

⁶¹ *Marinescu-Bilcu S. Cultura Precucuteni...*, fig. 71.

⁶² *Маркевич В. И. Исследования Молдавской неолитической экспедиции*, с. 40, рис. 6, 2.

⁶³ *Korošec J., Korošec P. Bribir i njegova okolica u prapovijesko doba.*— *Diadora*, 7. Zadar, 1974, тб. II, 5, 6.

⁶⁴ *Dumitrescu Vl. Arta preistorică...*, fig. 199, 4; 201, 1.

⁶⁵ *Годорова Х. Новая культура среднего неолита в северо-восточной Болгарии.*— *СА*, 1973, № 4, с. 27—28, рис. 10, 2.

⁶⁶ *Пассек Т. С. Костяные амулеты из Флорешт.*— *Новое в советской археологии.*— *МИА*, 1965, № 130, с. 77—83.

⁶⁷ *Маркевич В. И. Исследования Молдавской неолитической экспедиции*, с. 41; рис. 6, 1, 3.

⁶⁸ Раскопки автора в 1978 г. Материал не опубликован.

Сабатиновка II (костяная фигурка⁶⁹), Карбуна⁷⁰ (медь).

Зубчатые статуэтки из Бернашевки и ее аналогов являются древнейшими культовыми символами такого рода в энеолите Юго-Восточной Европы. Просуществовав до начала развитого Триполья (Новые Русешты⁷¹, Хабэшести⁷²), они так и не получили в местной среде более реалистического антропоморфного воплощения. Любопытно, что на других территориях весьма похожие зубчатые фигурки бытуют гораздо позже, встречаясь на неолитических поселениях Латвии (III тысячелетие до н. э.)⁷³ и даже в трансильванских кладах конца бронзового века⁷⁴, где они изготовлены из янтаря и бронзы.

По-видимому, вне связи с Трипольем эволюционируют плоские зубчатые статуэтки Подунавья, сделанные из кости; их первые образцы появляются на позднейшей (переходной к Гумельнице) фазе культуры Боян⁷⁵ и в близких культурах Болгарии (Марица, Градешница). Эта линия развития заканчивается появлением многочисленных костяных женских

фигурок с более реалистическими чертами, хорошо известных по памятникам культур Гумельница и Караново VI.

В свете вышеизложенного мысль о появлении в раннем Триполье плоских зубчатых статуэток-амулетов под влиянием культур Балкано-Дунайского круга⁷⁶, по-видимому, нуждается в пересмотре. Тем более невозможно согласиться с выводами Л. С. Клейна, сделавшего раннетрипольские зубчатые статуэтки (в частности, медные фигурки Карбунского клада) вершиной типологической пирамиды, в основание которой поставлены плоские статуэтки культур Караново VI и Гумельница⁷⁷. Эта эволюционная схема противоречит общепринятой шкале относительной хронологии основных энеолитических культур Юго-Восточной Европы.

Иные виды антропоморфной пластики из Бернашевки (стилизованные ручки ковшей, ножки-подставки горшков и т. д.) находят аналогии на многих памятниках раннего Триполья — культуры Прекукутени (Рогожаны, Флорешты, Лука-Врублевская⁷⁸, Траян-Дялул Вией, Гигоешти-Трудешти, Тырпешти и др.⁷⁹). Особняком стоит пока каменная человеческая головка из Бернашевки — уникальное произведение древнего мастера.

Зооморфная пластика наиболее ранних трипольско-прекукутенских поселений немногочисленна и сюжет-

⁶⁹ Макаревич М. Л. Среднебузьяка экспедиция..., табл. 1, 4.

⁷⁰ Сергеев Г. П. Раннетрипольский клад у с. Карбуна, рис. 9, 10; 11, 1.

⁷¹ Маркевич В. И. Многослойное поселение Новые Русешты I, рис. 15, 1; с. 68.

⁷² Dumitrescu VI. Năbășești. București, 1967, fig. 57, 1.

⁷³ Loze I. Neolithic amber ornaments in the eastern part of Latvia.— Przeglad Archeologiczny, v. 23. Wrocław — Warszawa — Kraków — Gdańsk, 1975, s. 53, fig. 2, 2; tab. II, 8, 9, 11.

⁷⁴ Клейн Л. С. О дате Карбунского клада.— В кн.: Проблемы археологии, 1968, вып. 1, с. 51.

⁷⁵ Comşa E. Istoria comunităților..., fig. 76, 13.

⁷⁶ Пассек Т. С. Костяные амулеты из Флорешт, с. 83.

⁷⁷ Клейн Л. С. О дате Карбунского клада, с. 42—52.

⁷⁸ Бибилов С. Н. Поселение Лука-Врублевская, табл. 47; 50.

⁷⁹ Marinescu-Bilcu S. Cultura Precucuteni..., fig. 81, 9, 10; 82; 83, 2.

но бедна. Это относится не только к Бернашевке, но и ко всем ее аналогам. Фигурками водоплавающих птиц изредка украшались крышки сосудов (Флорешты⁸⁰, Траян-Дялул Вией, Ларга-Жижиа, Мындришка⁸¹); на-вершие от крышки в виде головы животного (собака?) найдено в Гигоешти-Трудешти⁸²; из Ларги-Жижиа происходят фрагмент стенки сосуда с налепом в виде бычьей головы и ручка ковшика со стилизованной головкой быка на конце⁸³. В дальнейшем картина почти не меняется, что хорошо видно на материалах Луки-Врублевецкой⁸⁴, Ленковцев (где вообще не найдено зооморфных статуэток⁸⁵) и других поселений.

Нельзя не согласиться с замечанием С. Н. Бибикова о том, что резкая количественная диспропорция между антропо- и зооморфной глиняной пластикой характерна не только для Триполья, но и для многих раннеземледельческих культур Балкан и

Подунавья⁸⁶. Это обстоятельство лишний раз подтверждает тесную связь Триполья с соседними неолитическими культурами.

Менее выразительные категории глиняной пластики из Бернашевки (ножки от моделей жилищ или культовых столиков-алтарей, украшения) весьма схожи с подобными изделиями, найденными на поселениях всего ареала раннего Триполья — культуры Прекукутени.

Завершая главу о керамике и пластике Бернашевского поселения, еще раз подчеркнем, что эти массовые категории инвентаря, не зависящие от местных условий, как орудия труда из кремня, почти во всех своих аспектах повторяются на многих памятниках от Днестра на востоке и до правобережья Сирета на западе. Их генезис во многом связан с предшествующими неолитическими культурами нижнего Подунавья, Молдовы и Трансильвании. В то же время ни один из характерных признаков раннетрипольской керамики (не говоря уже о пластике) не может быть связан с керамическим комплексом местного буго-днестровского неолита. Именно этими обстоятельствами нужно руководствоваться в поисках истоков трипольской культуры.

⁸⁶ Бибиков С. Н. Поселение Лука-Врублевецкая, с. 238—243.

⁸⁰ Пассек Т. С. Результаты археологических раскопок у с. Флорешты в Молдавии. — В кн.: Материалы и исследования по археологии Юго-Запада СССР и РНР. Кияниев, 1960, с. 56, рис. 5, 1—3.

⁸¹ Marinescu-Bilcu S. Cultura Precucuteni..., fig. 83, 1, 3—5.

⁸² Ibid., fig. 83, 6.

⁸³ Ibid., fig. 84, 3, 5.

⁸⁴ Бибиков С. Н. Поселение Лука-Врублевецкая, с. 238—239.

⁸⁵ Черниш К. К. Ранньотрипільське поселення Ленківці, с. 84.

Хозяйство

Глава IV

ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ ЗАНЯТИЯ. КУЛЬТОВЫЕ ВОЗЗРЕНИЯ.

О важной роли охоты и скотоводства в экономике обитателей Бернашевского поселения свидетельствует фаунистический материал, полученный при его раскопках. Следует отметить, что костные остатки из Бернашевки (12 657 костей или 804 особи) составляют сейчас наиболее крупную коллекцию раннетрипольской фауны; для сравнения напомним, что в Луке-Врублевецкой найдены остатки 397 особей, во Флорештах — 561. О видовом составе фауны говорит табл. 4*. Из табл. 5 видно, что в каждом жилище (и в целом на поселении) преобладают костные остатки диких животных — 476 особей или 59,2% общего числа особей.

Кости диких животных принадлежат типичным представителям лесной фауны — оленю, лосю, медведю, барсуку, бобру и др.; это обстоятельство позволяет думать, что в древности описываемый район Поднестровья был занят густыми смешанными лесами, в частности дубравами.

Основным объектом охоты служил благородный олень (220 особей, или 46,2% всей дикой фауны). Судя по костным остаткам, олень был крупным и по весу почти равным домашнему быку. Реже охотились на косулю (62 особи, или почти 13% дикой фауны).

Вторым по значению объектом охоты был дикий кабан, достигавший весьма крупных размеров (137 особей или 28,8% дикой фауны). Очень много молодых особей кабана, забитых в возрасте до полугода. Гораздо реже охотились на таких крупных

* Таблица составлена по данным В. И. Вябиковой и А. А. Коваленко.

Таблица 4
Фауна поселения Бернашевка

Животные	I		II		III		IV		V		VI		Трашевы		Итого	
	К-во особей	Число особей	К-во особей	Число особей	К-во особей	Число особей	К-во особей	Число особей	К-во особей	Число особей	К-во особей	Число особей	К-во особей	Число особей	К-во особей	Число особей
Бык домашний (<i>Bos taurus</i>)	424	14	1141	23	1394	56	1589	71	346	18	637	51	278	7	5809	240
Мелкий рогатый скот (<i>Ovis aries</i> , <i>Capra hircus</i>)	—	—	6	2	16	6	57	17	8	4	20	7	2	1	109	37
Свинья домашняя (<i>Sus domestica</i>)	17	5	84	12	65	8	36	6	13	3	23	7	19	5	257	46
Собака (<i>Canis familiaris</i>)	1	1	2	1	—	—	3	1	—	—	2	1	1	1	9	5
Всего домашних:	442	20	1237	38	1475	70	1685	95	367	25	682	66	300	14	6184	328
Тур (<i>Bos primigenius elaphus</i>)	12	1	2	1	6	2	—	—	2	1	—	—	3	1	25	6
Олень благородный (<i>Cervus elaphus</i>)	456	16	614	17	1018	54	1425	66	348	15	483	45	150	7	4504	220
Косуля (<i>Capreolus capreolus</i>)	31	5	61	6	79	15	61	16	15	6	38	12	15	2	300	62
Свинья дикая (<i>Sus scrofa ferus</i>)	243	18	116	16	488	37	398	32	90	10	98	17	117	7	1550	137
Лошадь (<i>Equus caballus</i>)	—	—	—	—	2	1	2	1	—	—	—	—	1	1	5	3
Лось (<i>Alces alces</i>)	—	—	—	—	21	4	—	—	—	—	—	—	—	—	21	4
Медведь (<i>Ursus arctos</i>)	1	1	3	2	5	2	2	2	2	1	—	—	—	—	13	8
Волк (<i>Canis lupus</i>)	1	1	—	—	9	2	—	—	2	1	—	—	—	—	10	3
Лисица (<i>Vulpes vulpes</i>)	—	—	—	—	—	—	—	—	1	1	—	—	—	—	1	1
Барсук (<i>Meles meles</i>)	—	—	4	2	8	4	1	1	2	1	1	1	1	1	17	10
Куница (<i>Martes martes</i>)	—	—	1	1	1	1	—	—	1	1	—	—	—	—	3	3
Кошка лесная (<i>Felis silvestris</i>)	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	1
Выдра (<i>Lutra lutra</i>)	—	—	2	1	1	1	—	—	—	—	—	—	—	—	2	1
Байбак (<i>Marmota bobak</i>)	—	—	—	—	1	1	—	—	—	—	—	—	—	—	1	1
Заяц (<i>Lepus lepus</i>)	—	—	—	—	—	—	1	1	—	—	—	—	—	—	1	1
Бобр (<i>Castor fiber</i>)	4	3	3	2	12	10	—	—	—	—	—	—	—	—	19	15
Всего диких:	748	45	806	48	1651	134	1890	119	461	36	630	75	287	19	6473	476
Итого	1190	65	2039	86	3126	204	3575	214	828	61	1312	141	587	33	12657	804

Таблица 5

Соотношение диких и домашних животных на поселении Бернашевка (по числу особей)

Жилища	Дикие животные		Домашние животные	
	абс.	%	абс.	%
I	45	69,2	20	30,8
II	48	55,8	38	44,2
III	134	65,7	70	34,3
IV	119	55,6	95	44,4
V	36	59,0	25	41,0
VI	75	53,2	66	46,8
Трапезей	19	57,6	14	42,4
В целом по поселению	476	59,2	328	40,8

копытных, как тур (шесть особей), лось и лошадь (соответственно четыре и три особи). Следует заметить, что некоторые специалисты-палеозологи включают лошадь времени раннего Триполья в список домашней фауны¹. Однако отсутствие данных о доместикации лошади раньше второй половины IV тыс. до н. э.² и малочисленность ее в раннем Триполье (в среднем три-четыре особи на поселение) не позволяют согласиться с этой точкой зрения.

На хищников (медведь, волк, барсук и др.) и грызунов (бобр), очевидно, охотились из-за шкур и меха.

Таким образом, мясо диких животных, главным образом оленя (олень и домашний бык представлены примерно равным числом особей), играло весьма существенную роль в пищевом рационе обитателей Бернашевского поселения, а охота была одним из основных хозяйственных занятий последних.

¹ Цалкин В. И. Древнейшие домашние животные Восточной Европы.— МИА, 1970, № 161, с. 201.

² Бибикова В. I. До історії доместікації кової на південному сході Європи.— Археологія, 1969, т. 22, с. 55—67.

В домашнем стаде Бернашевского поселения доминировал крупный рогатый скот (240 особей или 74,3% всех сельскохозяйственных животных). По строению и размерам домашний бык из Бернашевки близок к своему дикому предку — туру. К такому выводу на материалах Флорешт пришел и В. И. Цалкин, рассматривавший быка и тура совокупно³. Длиннорогий крупный рогатый скот из Бернашевки морфологически также схож с современной серой степной породой, несколько уступающей последней в размерах. В древности бык не только давал значительное количество мяса, но и мог быть использован как тягловая сила, что предопределило его главенствующую роль в стаде.

Мелкий рогатый скот представлен 37 особями (11,5% стада), причем овец было очень мало (не более 10 особей). Коза по строению и размерам схожа с современными породами. Мелкий рогатый скот в основном разводился, по-видимому, для получения шерсти.

Домашняя свинья (46 особей — 14,2% стада) существенной роли в хозяйстве не играла. Так же, как и дикий кабан, она представлена на поселении преимущественно молодыми особями.

При сопоставлении фаунистических остатков из Бернашевки и других раннетрипольских поселений приходим к выводу, что во многом сходные фаунистические комплексы дают Флорешты⁴ и Рогожаны⁵, лежащие в 100 км к югу от Бернашевского поселения.

³ Цалкин В. И. Указ. соч., с. 25, 62, 78, 116.

⁴ Там же, табл. 42: 47; прил. 1.

⁵ Маркевич В. И. Исследования Молдавской неолитической экспедиции, с. 51, табл. 1.

шевки. Дикие виды (включая лошадь) составляют здесь соответственно 48 и 46% всех особей, причем основным объектом охоты также были благородный олень и кабан. Среди 274 домашних животных во Флорештах на первом месте стоит бык — 62,3% (вместе с туром), далее — свинья (27,2%) и мелкий рогатый скот (10,5%) со значительным преобладанием овец⁶. В Рогожанах бык составляет 44% всех особей, свинья и овца-коза — по 28%, однако такое распределение может быть и случайным, так как фаунистические остатки из этого поселения численно невелики (всего 25 особей домашних животных).

Для поселений, более поздних, чем Бернашевка, также характерен высокий процент дикой фауны (в среднем 50% особей, включая лошадь) — свидетельство значительной роли охоты в экономике ранних трипольцев⁷. Некоторые памятники Среднего Днестра в этом отношении почти не уступают Бернашевке: так, Лука-Врублевцевская дает 53,4% диких особей (включая лошадь)⁸, а Берново — 59,3⁹. Лишь фауна наиболее поздних раннетрипольских поселений (Новые Русешты, Карбуна) как будто отражает тенденцию к уменьшению роли охоты¹⁰.

Главным сельскохозяйственным животным раннетрипольских поселе-

ний Поднепровья и Побужья был бык (около 50% всех особей домашних животных); свинья составляла от 25 до 30% стада. Исключением является Лука-Врублевцевская, где свинья численно преобладала (53,7% всех сельскохозяйственных животных), а бык занимал второе место по количеству особей (24,3%)¹¹. Мелкий рогатый скот обычно составляет 20—25% всех особей сельскохозяйственных животных раннетрипольских поселений, причем, судя по материалам Луки-Врублевцевской¹², коз было в несколько раз больше, чем овец. Жители некоторых поселков, расположенных на стыке Лесостепи и Степи, приспосабливаясь к местным природным условиям, разводили мелкого рогатого скота больше, чем их северные соседи: так, в Карбуне овца-коза составляла 29,2% домашнего стада, а в Голерканах — 40%¹³.

Таким образом, фауна Бернашевки соответствует фауне (прежде всего, домашней) большинства раннетрипольских поселений Украины и Молдавии. Разница заключается в том, что на большинстве поселений относительно многочисленные костные остатки домашней свиньи и мелкого рогатого скота, в то время как на Бернашевке их количество невелико. По материалам Бернашевки и других раннетрипольских поселений животноводство первых энеолитических обитателей Правобережной Украины и Молдавии выглядит вполне сформировавшейся отраслью экономики, обладающей широким ассорти-

⁶ Цалкин В. И. Указ. соч., с. 171

⁷ Там же, с. 213—218.

⁸ Бибикова В. И. Фауна раннетрипольского поселения Лука-Врублевцевская. — МИА, 1953, № 33, с. 412—413, табл. 1.

⁹ Бибикова В. И. Из истории голоценовой фауны позвоночных в Восточной Европе. — Природная обстановка и фауны прошлого, 1963, вып. 1, с. 136, прил. 8.

¹⁰ Цалкин В. И. Указ. соч. с. 212, табл. 43.

¹¹ Бибикова В. И. Фауна раннетрипольского поселения..., табл. 1.

¹² Там же.

¹³ Цалкин В. И. Указ. соч., с. 268, прил. 2.

тиментом сельскохозяйственных животных. Трипольцы владели определенными навыками и приемами ведения приселенного скотоводческого хозяйства применительно к конкретным природным условиям. Формирование этих навыков, равно как и появление у трипольцев домашних животных, нельзя связывать с хозяйством предшествующих неолитических буго-днестровских племен. На Южном Буге скотоводство вообще находилось в зачаточном состоянии и не имело никакого хозяйственного значения¹⁴. Неолитическое население Поднестровья знало домашних свинью и быка, но количественно они заметно уступали дикой фауне (25—30% всех особей)¹⁵, и мясной рацион зависел прежде всего, от охоты. Кроме того, в составе неолитического стада полностью отсутствовал мелкий рогатый скот, и появление его на Днестре и Буге в раннем Триполье может быть объяснено лишь приходом нового населения, которое привело с собой овец и коз. Тезис С. Н. Бибикова о связи трипольского скотоводства с южными раннеземледельческими культурами¹⁶ по-прежнему остается в силе.

Процесс становления раннетрипольского животноводства может быть понят лишь в свете изучения остеологических коллекций ранних энеолитических памятников Подунавья, бассейнов Сирета и Прута.

¹⁴ Даниленко В. Н. Неолит Украины, с. 162, 178—180.

¹⁵ Давид А. И., Маркевич В. И. Хозяйство и фауна неолитических поселений Среднего Поднестровья.— В кн.: Фауна кайнозой Молдавии. Кишинев, 1970, с. 53—74; Маркевич В. И. Буго-днестровская культура..., с. 147—152.

¹⁶ Бибинов С. Н. Поселение Лука-Врублевская, с. 191—192.

Пока же его можно проследить в самых общих чертах.

Судя по данным таких ранних памятников Молдовы и Подунавья, как Траян-Дялул Вией (I фаза культуры Прекукутени)¹⁷ и Радовану (поздняя фаза культуры Боян)¹⁸, в хозяйстве обитателей этой зоны доминировало скотоводство; охота носила вспомогательный характер. В стаде Траяна-Дялул Вией заметно преобладал бык (72,5% особей), коза и овца составляли 20,5%, а домашняя свинья — лишь 7%¹⁹. К сожалению, нет данных по таким памятникам, как Ларга-Жижиа, — более поздним и расположенным на правом берегу Прута, — но фауна Флорешт, находящихся к востоку от Прута, уже указывает на возросшее значение охоты и уменьшение поголовья мелкого рогатого скота. В еще большей степени об этом свидетельствует фауна Бернашевки.

Таким образом, в процессе освоения новых земель оформлялась не только сама культура, но и видоизменялось хозяйство ее носителей. Новая экологическая обстановка и относительная подвижность людей увеличивали значение охоты, которая служила и целям domestikации местных диких видов — тура и, возможно, кабана. Коза-овца — представитель южных районов с сухим климатом — в новых условиях уже не играла заметной роли. Лишь после освоения трипольцами Пруто-Днестровского

¹⁷ Necrasov O., Haimovici S. Studiul resturilor de faună neolitică deshumate la șanțierul arheologic Traian.— MCA, v. IX, Bucuresti, 1970, p. 63, tb. 3.

¹⁸ Necrasov O. Studiul resturilor de faună din așezărea neolitică de la Radovanu, jud. Ilfov.— MCA, v. X, 1973, p. 39—45.

¹⁹ Necrasov O., Haimovici S. Studiul resturilor..., tb. III.

междуречья и продвижения их к югу вдоль Днестра и его притоков поголовье мелкого рогатого скота вновь начинает расти.

Аналогичные процессы проходили в это время и на соседних территориях с близкими природными условиями, в частности, в Карпатской котловине, где формировались неолитические культуры — тисская, Герпай, Лендель и др.²⁰ Как считает известный палеозоолог Ш. Бекени²¹, по составу стада указанные культуры весьма близки раннему Триполью. Это обстоятельство еще раз показывает, в каком направлении следует искать истоки животноводства у раннетрипольских племен.

О том, что жители Бернашевского поселения были также и земледельцами, свидетельствуют отпечатки злаковых на керамике и обломках глинобитного пола жилищ*. На фрагментах керамики обычно встречаются отпечатки соломин и зерновок; в глинобитной обмазке пола содержится обильная примесь колосковых и зерновых чешуй, соломин, зерновок. Растительные остатки принадлежат главным образом пленчатым пшеницам: двузернянке (*Triticum dicoccum*) и реже — спельте (*Triticum spelta*), а также, возможно, голозерной карликовой пшенице (*Triticum comrastrum*). Кроме того, зафиксировано наличие голозерного ячменя и проса (*Hordeum vulgare*, *Panicum miliaecum*).

Успешному занятию земледелием способствовало наличие больших уча-

стков плодородных пахотных земель, свободных от леса и расположенных вокруг поселения. Практически жители последнего могли использовать под поля всю широкую первую террасу Днестра и Жвана площадью не менее 150 га.

Орудия обработки земли из Бернашевки следует рассматривать в свете более общего вопроса о характере трипольского земледелия вообще и на раннем этапе культуры, в частности. Две точки зрения на эту проблему четко сформулированы исследователями. Е. Ю. Кричевский и Т. С. Пассек полагали, что земледелие у трипольцев было мотыжным, огородного типа. Это определение, как подчеркнула в своей последней книге Т. С. Пассек, прежде всего относится к раннему этапу Триполья, когда поселения преимущественно располагались на плодородных землях первой надпойменной террасы Днестра и Ю. Буга²². К этой точке зрения примкнула и Е. К. Черныш²³.

С. Н. Бибииков отрицает огородный характер трипольского земледелия, считая его полевым уже на раннем этапе. Исследователь полагает, что в это время трипольцы овладели начальными навыками обработки полей с использованием быка, запряженного в примитивную (без лемеха) соху; мотыга же служила орудием для рыхления почвы²⁴.

В последние годы тезис о мотыжном характере трипольского земледелия нашел поддержку и дальнейшее развитие в работах Г. Ф. Коробко-

²⁰ *Bökönyi S. History of domestic Mammals in Central and Eastern Europe. Budapest, 1974, p. 26—32, 59—60.*

²¹ *Ibid.*, p. 64, 84.

* Исследованые отпечатки произвела Г. А. Пашкевич.

²² *Пассек Т. С. Раннеземледельческие...*, с. 99.

²³ *Черныш К. К. Ранньотрипільське поселення Ленківці...*, с. 88—89.

²⁴ *Бибииков С. Н. Поселение Лука-Врублевская, с. 176, 282.*

вой²⁵, которая, основываясь на данных трассологического анализа, выделила в инвентаре многих памятников большое количество мотыг. Изготовив аналогичные орудия, исследовательница использовала их для обработки различных почв, смоделировав тем самым процесс земляных работ в древности. Эксперимент показал довольно высокую эффективность и производительность каменных и роговых мотыг (на целине — 5—7 м² — 1 час; после снятия дерна — 12—15 м² — 1 час; на мягкой лессовой почве — 60—100 м² — 1 час), что и позволило Г. Ф. Коробковой рассматривать их как «главное и основное землекопное орудие трипольских земледельцев при обработке посевных площадей»²⁶. Весьма важным представляется вывод об узкой дифференциации роговых мотыг с разным расположением лезвий: орудие с перпендикулярной постановкой лезвия относительно оси отверстия для рукояти было эффективным при всех видах земляных работ; мотыги же с диагональной и продольной постановкой лезвия совсем не годились для вскапывания, давая эффект лишь при рыхлении вскопанной земли²⁷.

Нельзя сомневаться в том, что некоторые роговые и каменные мотыги раннетрипольских поселений могли

применяться для вскапывания земли. Примером может служить сланцевая мотыга с поселения в с. Ожево, расположенного на правом берегу Днестра против Бернашевки (рис. 60, б)*. Вес орудия 1 кг 330 г, длина — 19,5 см; на обухе видны следы, оставленные муфтой; на обеих плоскостях — следы клиншев, дополнительно закрепляющих мотыгу в муфте. На лезвии с двух сторон заметны линейные следы, позволяющие говорить о том, что мотыга уходила в землю на 14 см. Будучи остро заточенным, это массивное орудие давало значительный эффект при первичной обработке земли.

Однако такого рода мотыги встречаются крайне редко. В Бернашевке из 20 каменных мотыг многие экземпляры имеют длину 8—10 см и ни один не превышает 15 см. Среди роговых мотыг (всего 19) орудия больших размеров встречаются чаще, хотя передки и мелкие легкие мотыжки, используемые при огородных работах. Следует отметить, однако, что лишь одним экземпляром представлена мотыга с перпендикулярной постановкой рабочего лезвия; все остальные относятся к типу орудий с продольным лезвием, т. е. не давали эффекта при вскапывании земли. Можно предположить, что в распоряжении жителей поселения были иные, не сохранившиеся земледельческие орудия. Среди таких орудий, известных многим первобытным народам, Ю. А. Краснов²⁸ называет деревянные палки для копания, палки с подножкой для упора ноги, ручные орудия для проведения борозд и т. д.

* Мотыга осмотрена под микроскопом Г. Ф. Коробковой.

²⁸ Краснов Ю. А. Раннее земледелие и животноводство в лесной полосе Восточной Европы. — МИА, 1971, № 174, с. 22—34.

²⁵ Коробкова Г. Ф. Экспериментальное изучение орудий труда трипольской культуры. — АО 1973 г. М., 1974, с. 420—424; Коробкова Г. Ф. Экспериментально-трассологическое изучение производств трипольского общества. — АО 1974 г. М., 1975, с. 439—440; Коробкова Г. Ф. Трипольские мотыги и проблема трипольского земледелия. — В кн.: 150 лет Одесскому археологическому музею АН УССР. Тез. докл. юбил. конф. К., 1975, с. 37—38.

²⁶ Коробкова Г. Ф. Трипольские мотыги..., с. 37—38.

²⁷ Там же.

Попутно заметим, что указанный автор, опираясь на большой этнографический материал по примитивному земледелию, пришел к выводу о том, что мотыга в древности не была основным почвообрабатывающим орудием, а выполняла вспомогательную роль, используя для разбивания комьев земли при рыхлении, прополке и других работах²⁹. Что касается орудий для проведения борозд, иногда называемых сохами, то наличие их у многих раннеземледельческих племен на территории Подунавья и Юго-Восточной Европы не вызывает сомнения. Достаточно вспомнить находки роговых «сох» в Деветашской пещере и других нео-энеолитических памятниках Болгарии³⁰, на поселениях Кэсчиоареле в Румынии (культура Гумельница)³¹ и, наконец, в верхнем слое трипольского поселения Новые Русешты (МССР)³².

Этими орудиями пользовались вручную, но нельзя исключить и возможность бытования в раннеземледельческих культурах более тяжелой сохи или даже примитивного рала, подобного деревянному ралу, недавно найденному в кургане ямной культуры у с. Балки Днепропетровской области³³, в которых впрягали

²⁹ Краснов Ю. А. Указ. сщ., с. 22.

³⁰ Кънчев К. Земедельски оръдия от неолита и енеолита в българските земи, с. 50—57; обр. 9; Кънчев К. За обработка и използването на костта през неолита, енеолита и бронзовата епоха.— Археология, 1973, 2, с. 11, обр. За — б.

³¹ Dumitrescu Vl., Bănăţeanu T. A 'propos d'un soc de charrue primitive, en bois de cerf, découvert dans la station néolithique de Căscioarele.— Dacia. n. s., t. IX. Bucarest, 1965, p. 59—67.

³² Маркевич В. И. Многослойное поселение Новые Русешты I, с. 66.

³³ Бидзиля В. И., Яковенко Э. В. Рало из позднеямного погребения конца III — начала II тысячелетия до н. э.— СА, 1973, № 3, с. 146—152.

быка. В этой связи привлекает внимание вывод специалистов, исследовавших кости крупного рогатого скота из поселения Вэдастра в Румынии (средний и поздний неолит). Им удалось зафиксировать изменения в скелете некоторых молодых особей, вызванные использованием этих животных в качестве тягловой силы и для переноски грузов³⁴.

Таким образом, постановка С. Н. Бибиковым вопроса о пашенном земледелии уже на раннем этапе Триполья вполне правомерна.

Возвращаясь к земледельческим орудиям из Бернашевки, назовем описанные в III главе вкладыши серпов карановского типа, с помощью которых собирали урожай, срезали дикорастущие злаки, траву, солому и т. д. Непонятным остается отсутствие зернотерок — орудий, хотя и не связанных непосредственно с процессом земледелия, но, тем не менее, сопутствующих ему. Правда, на поселении найдено несколько пестиков и растиральников для помола зерна.

В целом земледельческое хозяйство жителей Бернашевского поселения вполне отвечает общему уровню раннетрипольского земледелия, проявляющемуся, прежде всего, в наборе орудий и в ассортименте культурных растений. Так, пленчатые пшеницы — двузернянка (эммер, полба) и спельта, зафиксированные на поселении, были известны во Флорештах (двузернянка) и Рогожанах (спель-

³⁴ Ghetie B., Mateescu C. N. L'utilisations des bovins à la traction dans le Néolithique moyen.— In: Actes du VIII Congrès International des sciences préhistoriques et protohistoriques, t. II, Beograd, 1973, p. 454—461; Mateescu C. N. Remarks on cattle breeding and agriculture in the Middle and Late Neolithic on the Lower Danube.— Dacia, n. s., t. XIX. Bucarest. 1975, p. 13—18.

та), не говоря уже о более поздних памятниках — Александровке, Путинештах, Луке-Врублевцевой и др.³⁵ Правда, в Бернашевке не обнаружена однозернянка, известная древним обитателям Флорешт и Рогожан³⁶. Голозерный ячмень известен в Рогожанах, Путинештах, Луке-Врублевцевой, Карбуне³⁷. Просо, кроме Бернашевки, встречено пока в Луке-Врублевцевой и предположительно в Путинештах³⁸.

Интродукция пшениц в Пруто-Днестровское междуречье относится к началу V тысячелетия до н. э. (II фаза буго-днестровской культуры, по В. И. Маркевичу); позднее они становятся известны местным племенам культуры линейно-ленточной керамики³⁹. Следует полагать, что в это время пшеницу возделывало и неолитическое население Побужья, хотя палеоботанические данные отсюда пока отсутствуют.

По мнению З. В. Янушевич, обнаружившей остатки пленчатых пшениц на ранненеолитических памятниках Болгарии (культура Караново I), первые злаки проникли в Днестро-Дунайское междуречье с Балканского полуострова⁴⁰. Это относится и к ячменю⁴¹, но последний не был известен носителям культуры линейно-ленточной керамики и буго-днестровской⁴². Поэтому естественно предпо-

³⁵ Янушевич З. В. Культурные растения Юго-Запада СССР по палеоботаническим исследованиям. Кишинев, 1976, с. 32, 37, 59, 77.

³⁶ Там же, с. 37.

³⁷ Там же, с. 32—33.

³⁸ Там же.

³⁹ Маркевич В. И. Буго-днестровская культура..., с. 152—153; Янушевич З. В. Указ. соч., с. 26—27; 47—50, 67—68.

⁴⁰ Янушевич З. В. Указ. соч., с. 36—38, 57.

⁴¹ Там же, с. 116.

⁴² Там же, с. 32—33, 107, 199.

ложить, что весь набор культурных знаков, включая ячмень, не был заимствован трипольцами у местных неолитических предшественников. Скорее всего, истоки трипольского земледелия следует искать в Нижнем Подунавье, населению которого уже в среднем и позднем неолите были известны пшеница, ячмень и просо⁴³. Постепенно эти культуры (точно так же, как и мелкий рогатый скот) через Трансильванию и Молдову попали на левый берег Прута и далее на восток. На этом пути Бернашевское поселение является одним из наиболее ранних промежуточных пунктов.

Кроме названных выше основных отраслей хозяйства обитателей поселения (охота, скотоводство, земледелие), назовем также и вспомогательные — собирательство и рыбную ловлю. В пищу, по-видимому, шли дикорастущие злаки, отпечатки соломин которых часто встречаются на керамике поселения, и плодовые, произраставшие в окрестных лесах. Сезонный характер имел сбор моллюсков, преимущественно *Unio*, раковины которых в изобилии встречены на поселении. Рыбная ловля документирована находками костяных крючков; очевидно, на удочку рыбу ловили на Днестре. В узком и неглубоком Жване со сравнительно прозрачной водой рыбу могли добывать с помощью заголов, остроги или бредня. Следует отметить, что кости рыб на поселении встречаются очень редко.

Таким образом, экономику древних обитателей бернашевского поселения можно охарактеризовать как земледельческо-скотоводческую при сохранении большого значения охоты. Роль последней была особенно

⁴³ Mateescu C. N. Remarks on cattle breeding..., p. 17—18.

велика на начальном этапе существования поселения, когда определенная нестабильность положения заставляла добывать продукты питания простейшим путем, чему способствовала и окружающая среда.

Общая земледельческая направленность хозяйства проявляется не только в наличии культурных растений и сельскохозяйственных орудий, но и в домостроительстве, быте, культурных воззрениях обитателей поселения.

В этой связи необходимо коснуться, хотя бы бегло, вопроса о сочетании общего и частного в хозяйстве племен трипольской культуры. Недавно Г. Ф. Коробкова выдвинула весьма интересную гипотезу о вариабельности хозяйства трипольцев и выделила пять его вариантов с превалированием одной-двух отраслей⁴⁴. Критерием при выделении вариантов служило процентное соотношение «земледельческих» (серпы, мотыги) и «скотоводческо-охотничьих» (скрепки, ножи и др.) орудий, а также соотношение дикой и домашней фауны на поселениях. Исходя из этих критериев, к земледельческо-скотоводческому варианту (при доминирующем или равном значении земледелия с животноводством) Г. Ф. Коробкова относит поселения Подиванов Яр (нижний горизонт) и Усатово. Лука-Врублевецкая принадлежит, по Г. Ф. Коробковой, к скотоводческо-земледельческому варианту с доминирующим животноводством⁴⁵. Остальные поселения, материал которых был исследован

Г. Ф. Коробковой, относятся к вариантам, где земледелие не играло почти никакой роли. В результате исследовательница пришла к выводу о том, что «...трипольская группа племен больше акцентировала внимание на второй основной отрасли производящего хозяйства — скотоводстве»⁴⁶ и что «... трипольские племена могут быть охарактеризованы как общество скотоводов и мотыжных земледельцев»⁴⁷.

Заметим, прежде всего, что критерий процентного соотношения земледельческих и охотничье-скотоводческих орудий не вполне объективен, так как сфера применения последних непосредственно связана с пределами поселения и все они остаются на поселении; первые же использовались на полях, в массовом количестве ломались там и, естественно, не могут быть учтены при подсчетах.

Кроме того, особенности хозяйственного облика отдельных поселений, зависящего от многих причин, отнюдь не влияют на основную линию развития экономики носителей той или иной культуры в целом. Внимательно относясь к процентному соотношению дикой и домашней фауны, различных групп орудий труда и т. д., необходимо учитывать общий уровень археологической культуры и каждого ее памятника в отдельности. Именно поэтому весьма спорным является отнесение к охотничье-скотоводческому варианту поселения у с. Жванец⁴⁸, бывшего, как убедил

⁴⁶ Там же, с. 19.

⁴⁷ Коробкова Г. Ф. Экспериментально-трассологические исследования и познавательные возможности археологии. — В кн.: Конференция «Историзм археологии: методические проблемы». Тезисы докладов. М., 1976, с. 57—59.

⁴⁸ Коробкова Г. Ф. Локальные различия..., с. 21.

⁴⁴ Коробкова Г. Ф. Локальные различия в экономике ранних земледельческо-скотоводческих обществ. — В кн.: Успехи Среднеазийской археологии. Л., 1972, с. 19—21.

⁴⁵ Там же, с. 20.

тельно показала Т. Г. Мовша⁴⁹, крупным гончарным центром.

В свете вышеизложенного представляется верной идея С. Н. Бибикова о земледельческом характере трипольской культуры⁵⁰. Ее подтверждают и материалы Бернашевки, отражающие процесс приспособления хозяйства трипольско-прекукутских племен, продвинувшихся с юго-запада в Среднее Поднестровье, к экологическим условиям нового района. Именно эта гибкость и жизнеспособность трипольцев обеспечили им успех при дальнейшем освоении земель к востоку от Днестра.

Вопросы идеологии

Земледельческий характер хозяйства ранних трипольцев отражает их идеология, стержнем которой являлся культ плодородия в его многочисленных аспектах, сопровождающийся сложной обрядностью и символикой. Конкретные проявления этого культа, направленного в конечном счете на обеспечение щедрого урожая, приплода стада, освещены С. Н. Бибиковым⁵¹, Б. А. Рыбаковым⁵² и другими советскими исследователями на большом фактическом материале с привлечением данных этнографии. Раскопки каждого нового памятника трипольской культуры подтверждают правильность выводов указанных авторов, дополняют и уточняют их.

⁴⁹ Мовша Т. Г. Гончарный центр трипольской культуры на Днестре.— СА, 1971, № 3, с. 228—234.

⁵⁰ Бибиков С. Н. Поселение Лука-Врублевская, с. 175.

⁵¹ Там же, с. 193—275.

⁵² Рыбаков Б. А. Космогония и мифология земледельцев энеолита.— СА, 1965, № 1, с. 24—46; № 2, с. 13—33.

В полной мере это относится и к материалам Бернашевского поселения.

Основным элементом культовых воззрений древних обитателей Бернашевки являлся образ женщины, в котором она, по-видимому, объединяли мать-родительницу, дающую новую жизнь, и животворные силы природы. Воплотить этот образ были призваны прежде всего антропоморфные глиняные статуэтки, созданные специально для культовых отправлений. Круг идей, связанных с антропоморфной пластикой, был, как убедительно показал С. Н. Бибиков, весьма широк. Статуэтки выполняли роль хранительниц домашнего очага, родоначальниц, служили амулетами, вызывающими плодородность женщин и охраняющими от злых духов, отражали культ предков⁵³. Зерна пшеницы и ячменя, обнаруженные в глине фигурок из Луки-Врублевской, особенно наглядно демонстрируют связь женских изображений с культом плодородия. Об этом же свидетельствуют отпечатки зерновок проса на многих статуэтках из Бернашевки (оттиски проса на других предметах здесь встречаются очень редко). Выше уже отмечалось, что в Бернашевке и на других раннетрипольских поселениях широко представлены глиняные ложки и ковшики-черпаки, ручки которых часто оформлены в виде стилизованной женской фигуры. Такая моделировка посуды, непосредственно служившей для приема пищи, не случайна: обилие еды, по-видимому, связывалось в представлении древних земледельцев с плодоносящей силой женщины.

Эти же культовые идеи заставляли древнего гончара помещать на

⁵³ Бибиков С. Н. Поселение Лука-Врублевская, с. 258—259.

сосуды еще один символ плодородия — изображение женской груди, подчас весьма реалистическое (рис. 76, 4). Грудь, щедро истекающая молоком, должна была, по мысли первобытного земледельца, способствовать наполнению сосуда пищей. С этой же символикой могут быть связаны кухонные сосудики из Бернашевки, украшенные барботивом — коническими бугорками, сплошь покрывающими все тулово (полимастия). По мнению Б. А. Рыбакова, налпнные бугорки на трипольской керамике символизируют грудь богини неба и земли — Великой Матери всего сущего⁵⁴.

Возвращаясь к пластике, напомним весьма интересную мысль С. Н. Бибикова о том, что женские глиняные статуэтки изготавливались к зимне-весенним праздникам и использовались во время обрядового действия, связанного с идеей солнца и воскресающей растительности⁵⁵, после чего они уничтожались или выбрасывались. Помимо этой основной функции они могли принимать участие и в менее значительных каждодневных обрядах, связанных с домашним алтарем. Такой алтарь, на котором восседало более десятка статуэток, открыл М. Л. Макаревич на одном из жилищ поселения Сабатиновка II⁵⁶. Однако чаще в раннетрипольских жилищах находят небольшие глиняные модели домашних алтарей⁵⁷; обломки их (ножки) найде-

ны и в Бернашевке. О связи статуэток с моделями алтарей говорит их совместная находка на поселении Овчарово в Болгарии; культовая сцена на алтаре достоверно восстановлена Х. Тодоровой⁵⁸. Именно с такими алтариками могли быть связаны некоторые бернашевские статуэтки, в частности, те, что сидели на специально изготовленных для них глиняных креслицах.

Спинка последних, как уже отмечалось, моделирована в виде головы быка. На таких же «рогатых» креслах сидели статуэтки, найденные на глинобитном алтаре из Сабатиновки II, причем рядом с алтарем стояло большое глиняное кресло с рогами на спинке, вполне пригодное для человека⁵⁹. Эти и другие находки подчеркивают тесную связь двух культовых образов — женщины и быка, о которой неоднократно писали многие исследователи трипольской культуры. Бык предстает в верованиях раннеземледельческих племен как мужское начало и символ солнца⁶⁰, т. е. в конечном счете является важнейшим атрибутом культа плодородия. Его роль как важнейшего хозяйственного животного отражена и в раннетрипольской зооморфной пластике⁶¹. В Бернашевке, в частности, почти все зооморфные статуэтки (правда, весьма немногочисленные) изображают быка; стилизованной бычьей головкой увенчаны ручки ло-

⁵⁴ Рыбаков Б. А. Космогония и мифология..., с. 33—35.

⁵⁵ Бибиков С. Н. Поселение Лука-Врублевская, с. 252—258.

⁵⁶ Макаревич М. Л. Об идеологических представлениях у трипольских племен.— ЗООИД. Одесса. 1960, т. 1 34/, с. 290—293.

⁵⁷ Marinescu-Bilcu S. Cultura Precucuteni..., fig. 91—92,

⁵⁸ Тодорова Х. Енеолитна култова сцена.— Музеи и паметници на културата, № 4, София, 1973, с. 5—8.

⁵⁹ Макаревич М. Л. Об идеологических представлениях..., с. 291—292.

⁶⁰ Soudsky B., Pavlů I. Interprétation historique de l'ornement lineaire.— PA, č. 1. Praha, r. XVII, 1966, s. 124; Рыбаков Б. А. Космогония и мифология...— СА, № 2, с. 24.

⁶¹ Бибиков С. Н. Поселение Лука-Врублевская, с. 240.

жек и черпаков. С культовыми отправлениями связана массивная фигурка быка с корытообразным углублением на спине (возможно, туда помещались женские статуэтки).

О большой роли быка в культовых воззрениях жителей Бернашевского поселения свидетельствуют захоронения целых черепов быка и тура под жилищами — площадками. Напомним, что в юго-восточной части жилища 2 непосредственно под глинобитным полом были захоронены два черепа быка. Рядом с одним находилась «фруктовница» с цилиндрическим поддоном. Череп и кости тура, а также большие рога оленя находились под площадкой 4 у ее западного края; такой же набор костных остатков был обнаружен у восточного края этого жилища, уже за его пределами. Крупные рога тура и быка найдены под полом всех остальных жилищ.

Ритуальный смысл этих захоронений подтверждается аналогичными находками на многих раннетрипольских памятниках. Во Флорештах в землянке № 12 в слое пепла и углей обнаружен обломок черепа быка рядом с фрагментами «фруктовницы»⁶². Из жилища 5 в Луке-Врублевкой происходит череп быка с сохранившимися рогами, найденный под очагом⁶³. Широко известна находка черепа быка и лежащей рядом с ним целой женской статуэтки в землянке № 1 раннетрипольского поселения Сабатиновка II⁶⁴. Этот список можно было бы продолжить, так

как традиция культового захоронения черепа быка в жилище сохраняется вплоть до заключительного этапа трипольской культуры. Известны и ритуальные захоронения черепов других сельскохозяйственных животных, также связанных с культом плодородия. Отметим находку целого черепа овцы, захороненного у южного края жилища 5 в Бернашевке.

Весьма важную роль в культовых воззрениях ранних трипольцев играл змей, значение которого для древнего земледельца определялось его связью с землей. Появление змей из-под земли ранней весной знаменовало для трипольцев пробуждение сил природы после зимней спячки⁶⁵. Отражением культовой роли змея является спиральный орнамент раннетрипольской посуды, передающий в стилизованном виде, а иногда и в более реалистической манере образ этого пресмыкающегося, опоясывающего туловище горшка⁶⁶. По мнению Б. А. Рыбакова, на трипольской керамике изображен добрый уж — домовик, способный, в представлении древнего земледельца, вызывать с небес дождь, столь необходимый для урожая⁶⁷. В прищипке с таким истолкованием «змеиною» сюжета можно согласиться, однако оно приемлемо отнюдь не в каждом случае. Так, на бернашевской керамике изображен змей, большая голова которого снабжена парой острых выступов-рогов, а на туловище обозначены крылья; грозный облик змея допол-

⁶² Пассек Т. С. Раннеземледельческие..., с. 197.

⁶³ Вибиков С. Н. Поселение Лука-Врублевская, с. 57.

⁶⁴ Даниленко В. М., Макаревич М. Л. Дослідження на II Сабатинівському раннетрипольському поселенні в 1949 р., с. 136, рис. 1.

⁶⁵ Рыбаков Б. А. Космогония и мифология..., с. 35—36, 44—54.

⁶⁶ Кричевский Е. Ю. Орнаментация глиняных сосудов у земледельческих племен неолитической Европы.— Ученые записки ЛГУ, серия ист. наук, 1949, вып. 13, с. 86—87.

⁶⁷ Рыбаков Б. А. Космогония и мифология..., с. 36—37.

яют выпученные глаза. В. Н. Даниленко рассматривает подобные изображения на сосудах из Сабатиновки II как образ летающего небесного змея-дракона, олицетворяющего мужское начало⁶⁸. Чаще всего крылатый змей изображен на крышках и на тулове грушевидных сосудов — зерновиков 3-й группы. Змея, могущая нанести смертельный укус, очевидно, была в представлении трипольцев, грозным и надежным стражем пищевых запасов. Часто художник изображал не одного змея, а нескольких — целый клубок переплетенных змеиных тел и голов.

На начальном этапе развития раннего Триполья, представленном такими памятниками, как Бернашевка, Рогожаны, Флорешты в идеологических воззрениях трипольцев образ змея, по-видимому, еще не был связан с женским образом. Лишь позднее (Лука-Врублевепкая, Сабатиновка II и т. д.) появились женские статуэтки с врезанным спиральным узором — змеем, охраняющим чрево будущей матери⁶⁹. В этом также про-

является тесная взаимосвязь всех аспектов культа плодородия. Отражением последнего является и астральная символика (преимущественно солнечные знаки), часто встречающаяся на посуде из Бернашевки. Обычно это врезанный крест на донышках сосудов и навершиях крышек, а в одном случае — концентрические окружности с крестом внутри.

Непосредственным проявлением культа плодородия следует считать и стилизованный «колосковый» узор на кухонной посуде, не говоря уже о реалистической имитации хлебного колоса на стенках сосудов из Бернашевки.

Таким образом, мировоззрение жителей Бернашевского поселка свидетельствует о довольно высоком уровне развития земледельческой идеологии в среде первых трипольцев Пруто-Днестровского междуречья. Основные культовые идеи и обряды, возникшие в зоне древнейших цивилизаций Малой Азии, Ближнего Востока и сопредельных территорий, нашли здесь своеобразное преломление и дальнейшее развитие, предопределившее духовную жизнь населения этого региона вплоть до начала эпохи бронзы.

⁶⁸ Даниленко В. Н. Эволют Украины, с. 24.

⁶⁹ Рыбаков Б. А. Космогония и мифология..., с. 36.

Глава V

К ПРОБЛЕМЕ ПРОИСХОЖДЕНИЯ ТРИПОЛЬСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Материалы Бернашевского поселения и его авалогов (Флорешты, Рогожаны и др.) тесно связаны с памятниками II фазы культуры Прекукутени и многочисленными трипольскими поселениями Молдавии и Украины. По отношению к последним памятники типа Флорешт являются более ранними, что подтверждается не только известной стратиграфией в Извоаре, но и залегающем керамике фазы Прекукутени II в основании слоя в Тырпешти¹, материал которого в целом соответствует раннетрипольскому, происходящему, например, из Луки-Врублевецкой.

Хронологическое и территориальное положение Бернашевки предопределяет важность этого памятника для выяснения вопроса о происхождении Триполья на территории Украины. Нельзя, однако, забывать о том, что памятники Днестро-Бугского междуречья — это лишь восточная часть культуры Прекукутени — раннее Триполье, и процесс их сложения, рассмотренный изолированно от всей культуры, может дать только искаженную историческую картину. Поэтому представляется необходимым привлечение данных румынских археологов по культуре Прекукутени, что будет способствовать более широкому подходу к интересующему нас вопросу. Обзор взглядов советских и зарубежных исследователей на происхождение культуры Прекукутени — раннее Триполье поможет читателю уяснить нынешнее состояние проблемы.

Первый вклад в ее разработку внес в конце 30-х годов Е. Ю. Кричев-

¹ *Marinescu-Bîlcu S. Cultura Precucuteni...*, p. 168—169.

ский², в распоряжении которого были лишь небольшие коллекции из Озаринцев, Борисовки и Саврани. Практически одновременно указанный автор выдвинул две гипотезы. Согласно первой из них, трипольская культура «есть лишь результат дальнейшего развития «дунайской»³, т. е. культуры линейно-ленточной керамики (далее КЛЛК.— В. З.), носителей которой Е. Ю. Кричевский считал автохтонным населением, хотя и отмечал, что поселения с древнейшей линейно-ленточной керамикой неизвестны к востоку от Збруча. Увлеченный своей идеей, Е. Ю. Кричевский видел сходство раннего Триполья и КЛЛК буквально во всем,— системе хозяйства, жилищах, орудиях производства, керамике. Правда, он отмечал значительную разницу во врезанном орнаменте посуды этих культур⁴. Идея эта не нашла должного обоснования в работах Е. Ю. Кричевского. Гораздо более плодотворной была его мысль о некоторых общих чертах в керамике раннего Триполья и культуры Боян. В частности, он отмечал, что «бессарабское» Триполье (т. е. памятники Молдавии) должно быть близко культурам Нижнего Дуная⁵.

Мало обоснована и вторая гипотеза Е. Ю. Кричевского о том, что генетической подосновой Триполья в Поднестровье была местная мезоли-

тическая свидеро-гарденуазская культура — «подольское кампиньи»⁶. Мезолитические традиции исследователь видел в углубленных трипольских жилищах, ремневых изделях (скребках из Сабатиновки I, резцах из Кадиевцев); говоря о кухонной посуде, он задавался вопросом, не в ней ли кроются «переходные формы между неизвестной еще на Украине раннеолитической керамикой и керамикой трипольской культуры?»⁷. Развивая этот автохтонистский тезис, Е. Ю. Кричевский писал о том, что в окружении трипольской культуры нет ни одного комплекса, с которым ее можно было бы связать генетически; черты общности Бояня, Гумельницы, КЛЛК, культуры ямочно-гребенчатой керамики с Трипольем имеют не генетическое, а стадияльное объяснение⁸. Нетрудно заметить противоречивость построений указанного автора.

Т. С. Пассек, поддерживавшая в 40-х годах идеи Е. Ю. Кричевского и считавшая генетической подосновой раннего Триполья культуру линейно-ленточной керамики, в качестве доказательств неоднократно приводила материалы культур Тордош, Винча, Боян, Извоаре (нижний слой), а отнюдь не КЛЛК⁹. Исследовательница уже тогда справедливо отмечала, что нельзя понять пути развития трипольской культуры в Поднестровье и Поднепровье, «не обратив внимания на связи Триполья с древнейшими культурами Восточного Средиземноморья»¹⁰.

² Кричевский Е. Ю. Из истории Дунайского понизовья в неолитическую эпоху, с. 49—62; Кричевский Е. Ю. Древнее население Западной Украины в эпоху неолита и ранней бронзы.— КСИИМК, 1940, вып. 3, с. 3—13; Кричевский Е. Ю. Ранний неолит і походження трипільської культури.— В кн.: Палеоліт і неоліт України. К., 1947, т. 1, с. 323—407.

³ Кричевский Е. Ю. Из истории..., с. 50.

⁴ Там же, с. 50—55.

⁵ Там же, с. 52.

⁶ Кричевский Е. Ю. Ранній неоліт..., с. 332—379.

⁷ Там же, с. 398.

⁸ Там же.

⁹ Пассек Т. С. Периодизация трипольских поселений, с. 30 и сл.

¹⁰ Там же, с. 235.

С. Н. Бибилов, подвергнув критике автохтонистские идеи Е. Ю. Кричевского и Т. С. Пассек, предложил свою концепцию сложения раннего Триполья, учитывающую как пришлые, так и местные элементы. В материале Луки-Врублевцевкой исследователь увидел черты глубокого архаизма, уводящие в эпоху позднего палеолита и мезолита. Они нашли, по С. Н. Бибилову, отзвук в формах и технике раннетрипольского домостроительства (полуземлянки с ямами), наборе и технике обработки кремневых орудий (близкие к палеолитическим нуклеусы, пластинки со скошенным краем, проколки, сверла; большое количество скребков). К числу местных хозяйственных традиций отнесена охота на диких животных¹¹.

Ряд черт материальной и духовной культуры обитателей поселения Лука-Врублевцевка не связан, по мнению С. Н. Бибилова, с местной древней традицией, являясь достижением южных древнеземледельческих центров. Это — каменные полированные топоры-тесла, долота и сверленные топоры; раннетрипольская керамика; культивирование злаков и скотоводство; обработка меди и, наконец, — сложная система верований с культом плодородия, отраженном в пластике¹².

В результате, процесс сложения раннетрипольской культуры на Сред-

нем Днестре отразил, по мнению С. Н. Бибилова, слияние двух этнических компонентов, главными из которых были южные раннеземледельческие племена, продвинувшиеся через Малую Азию в Европу и, в частности, — в Днепро-Дунайское междуречье. В ходе этой постепенной инфильтрации они столкнулись с аборигенными охотничьими племенами, издавна заселявшими Среднее Поднестровье. Последние «... в экономике и быту сохранили целый ряд архаических черт, близко стоящих к позднепалеолитическим традициям, хотя... бытование их относится к развитому неолиту... Появление на юго-востоке Европы переселенцев из южных широт через Балканы, принесших сюда новые виды хозяйствования и скотоводство, ... завершилось ассимиляцией местного охотничьего населения пришлым земледельческо-скотоводческим»¹³.

Хорошо аргументированная точка зрения С. Н. Бибилова на важную роль пришлых южных племен в сложении раннего Триполья вскоре подтвердилась новыми источниками. Более спорным был тезис о позднепалеолитических и мезолитических традициях в раннем Триполье, так как не были известны носители этих традиций в эпоху неолита. По мнению исследователя, «... в Среднем Поднестровье нет поселений, которые можно было бы с уверенностью отнести к типичному неолиту... А если это так, то, следовательно, нет и источника для продолжения традиций»¹⁴.

В середине 50-х годов в связи с началом работ во Флорештах и систематическим изучением памятников буго-днестровского неолита круг

¹¹ Бибилов С. Н. Поселение Лука-Врублевцевка, с. 67—77, 102—106, 191—192, 279; Бибилов С. Н. Поселение в с. Лука-Врублевцевка и проблемы раннего Триполья. — В кн.: Доклады VI научной конференции Института археологии АН УССР. К., 1953, с. 247—259.

¹² Бибилов С. Н. Поселение Лука-Врублевцевка, с. 109—110, 124, 168—169, 191—192, 274.

¹³ Бибилов С. Н. Поселение Лука-Врублевцевка, с. 278—281.

¹⁴ Там же, с. 167.

культур, причастных к происхождению Триполья, заметно расширился. Уже после первого сезона раскопок во Флорештах Т. С. Пассек подчеркнула важную роль памятников с боянскими чертами в генезисе Триполья: «Культура раннетрипольских племен в Днестровском бассейне возникает на местной неолитической основе — культуре типа Боян-Джулешты. Поселение во Флорештах является, таким образом, важнейшим новым звеном в понимании сложения на Днестре культуры раннетрипольских племен»¹⁵. В дальнейшем Т. С. Пассек, опираясь на данные Е. Комши, Г. и Вл. Думитреску о последовательном продвижении боянских племен из Подунавья на северо-восток, сделала вывод о расселении этих племен в Поднепровье, а возможно, и в Южном Побужье, где под их влиянием (и частично на базе) сложилась раннетрипольская культура¹⁶. В этом процессе, по мнению Т. С. Пассек, принимали участие и местные неолитические племена буго-днестровской культуры. В докладе, прочитанном на Международном конгрессе в Риме в 1962 г., исследовательница отвела этим племенам решающую роль в генезисе Триполья при участии носителей культур Криш и Боян¹⁷, отметив также значительный вклад со стороны культур Тордош и Винча.

Подчеркивая плодотворный характер вывода Т. С. Пассек о роли куль-

¹⁵ Пассек Т. С. Некоторые итоги раскопок в Молдавии в 1955 г.—КСИИМК, 1957, вып. 70, с. 91.

¹⁶ Пассек Т. С. Новые открытия на территории СССР..., с. 46; Пассек Т. С. Раннеземледельческие..., с. 202—203; Пассек Т. С. Результаты археологических раскопок у с. Флорешты в Молдавии, с. 57—58.

¹⁷ Passek T. Relations entre l'Europe Occidentale..., p. 8.

туры Боян в сложении Триполья, следует отметить, что влияние этой культуры было опосредствованным. На территории СССР боянские памятники отсутствуют, поэтому часто встречающееся в работах исследовательницы определение «фаза Боян-Джулешты — Ларга-Жижия» (для памятников типа Флорешт) верно лишь частично. Аналогом Флорешт (Рогожан, Бернашевки и т. д.) является поселение Ларга-Жижия и другие памятники II фазы культуры Прекукутени, но не более ранние боянские памятники.

В. И. Маркевич, исследовавший памятники многих неолитических культур на территории Молдавии, считает, что раннее Триполье сформировалось здесь на базе местной буго-днестровской культуры, а также культуры Боян, носители которой, продвигнувшись с запада, ассимилировали автохтонное неолитическое население. Некоторую роль в генезисе Триполья сыграли, по мнению В. И. Маркевича, и элементы КЛЛК¹⁸.

Недавно С. Н. Бибинов, уточняя свои взгляды на сложение раннего Триполья, также отметил несомненную генетическую связь памятников типа Флорешты с культурой Боян и взаимодействие Триполья Побужья с местной неолитической культурой¹⁹.

В. Н. Даниленко с середины 50-х годов последовательно защищает в своих работах тезис о том, что генетической подосновой раннего Три-

¹⁸ Маркевич В. И. Неолит Молдавии: Автореф. канд. дис. М., 1968, с. 27—28; Маркевич В. И. Памятники эпох неолита и энеолита, с. 38; Маркевич В. И. Буго-днестровская культура..., с. 164.

¹⁹ Бибинов С. М. Ранний этап трипольской культуры.— В кн.: Археология Украинської РСР, т. I. К., 1971, с. 163—164.

полю был буго-днестровский неолит, причем «собственно трипольский этнографический массив» складывался параллельно развитию нижнедунайских культур и вне зависимости от них²⁰.

В последнее время В. Н. Даниленко, подводя итоги изучения буго-днестровской культуры, вновь вернулся к вопросу о ее взаимоотношении с Триполем²¹. Он считает, что на последней (хмельникской) фазе буго-днестровской культуры уже заметны раннетрипольские черты. «Этой фазой оканчивается трехтысячелетняя история племен буго-днестровской культуры, которая именно в это время, в обстановке культурно-исторического влияния со стороны балкано-дунайских племен трансформировалась в трипольскую культуру»²². Не уточняя характер упомянутого балкано-дунайского влияния и не определяя конкретные его проявления, В. Н. Даниленко пишет о «локальном случае перехода на особую тордошскую стадию этнокультурного развития, стимулированную усилением анатолийских связей»²³.

Появление памятников типа Флорешт заставило В. Н. Даниленко несколько пересмотреть свой старый тезис о независимом развитии Триполья и культуры Боян и выделить два ареала древнейшего Триполья — восточный (памятники Побужья)

и западный (от Быстрицы до Днестра). К последнему относятся и те памятники, которые «культурно соприкасаются с Бояном»²⁴. Исследователь замечает и большие различия в материалах поселений двух указанных ареалов²⁵, но тем не менее игнорирует памятники с боянскими чертами в качестве возможной генетической подосновы раннего Триполья. Более того, стремясь подтвердить недостаточно обоснованный тезис о генезисе Триполья на основе буго-днестровской культуры, В. Н. Даниленко выдвигает противоречащую всей сумме археологических фактов гипотезу о продвижении этой культуры на Нижний Дунай, где она стала субстратом формирования культур Дудешти, Боян и Вэдастра²⁶. В целом с положениями В. Н. Даниленко трудно согласиться.

Румынские исследователи также не имеют единой точки зрения на происхождение культуры Прекукутени. Около 30 лет назад И. Нестор высказал мысль о решающем вкладе племен КЛЛК в сложение «докукутенской фазы» на территории Молдовы²⁷. Этот слишком прямолинейный вывод не нашел сторонников среди румынских археологов, за исключением, пожалуй, А. Александреску, которая, тем не менее, отмечает и определенную роль культуры Боян в формировании Прекукутени — раннего Триполья²⁸.

²⁰ Даниленко В. М. Дослідження неолітичних пам'яток на Південному Бузі.— Археологія, 1957, т. 10, с. 36—49; Даниленко В. Н. Неолит Побужья и сложение трипольской культуры.— КСИА АН УССР, 1960, вып. 9, с. 3—9.

²¹ Даниленко В. Н. Неолит Украины, с. 154—155; 248; 223—224; Даниленко В. Н. Энеолит Украины, с. 7—29.

²² Даниленко В. Н. Неолит Украины, с. 218.

²³ Там же, с. 223.

²⁴ Там же, с. 224; Даниленко В. Н. Энеолит Украины, с. 10—18.

²⁵ Даниленко В. Н. Энеолит Украины, с. 15.

²⁶ Даниленко В. Н. Неолит Украины, с. 224; Даниленко В. Н. Энеолит Украины, с. 24—25.

²⁷ Nestor I. Ceramica liniară în Moldova.— SCIV, II, 1951, p. 22—23.

²⁸ Александреску А. Д. О второй фазе..., p. 35—36.

Изучение материалов стратифицированного поселения Извоаре привело его исследователя Р. Вульпе к выводу о том, что культура верхнего горизонта слоя Извоаре I (Извоаре I, 2 или Триполье А) сложилась на основе культуры Боян-Джулешти, представленной нижним горизонтом этого слоя (I, 1). Автор локализует зону сложения раннетрипольской культуры в пределах территории между прикарпатской Молдовой и средним течением Днестра. В сложившемся виде она распространилась, по мнению Р. Вульпе, на восток до бассейна Южного Буга²⁹.

Е. Комша также склонен рассматривать культуру Боян как решающий фактор в сложении культуры Прекукутени. Он полагает, что в процессе передвижения из придунайских областей на север племени культуры Боян (на фазе Джулешти) вошли на юго-западе Молдовы в соприкосновение с поздними носителями КЛЛК и ассимилировали последних. В результате возник комплекс Джулешти-Зенешти (впоследствии Е. Комша вслед за Вл. Думитреску назвал этот комплекс I фазой культуры Прекукутени) с явным преобладанием боянских элементов. На второй фазе (Ларга-Жижиия) наряду с боянскими уже четко вырисовываются черты культуры Прекукутени — раннее Триполье, что и позволило Е. Комше рассматривать эту фазу как переходную к фазе Извоаре, т. е. к собствен-

но раннему Триполью³⁰. Открытие буго-днестровской культуры на территории СССР побудило Е. Комшу внести некоторые изменения в предложенную им схему. Теперь он пишет о том, что фаза Прекукутени III — Триполье А формировалась между восточными Карпатами и Южным Бугом на разных основах, хотя и с многими общими элементами. В зоне Триполья А генетической подосновой была буго-днестровская культура, в зоне Прекукутени — культура Боян³¹.

Г. Думитреску, вместе с Вл. Думитреску исследовавшая поселение Траян-Дядул Вией (Зенешти), отметила в материалах этого поселения сочетание элементов культуры Боян с более древней КЛЛК. Кроме того, здесь, по мнению исследовательницы, отчетливо видны элементы южного происхождения, связанные с культурами Винча А, Тордош и даже Криш-Старчево и привнесенные культурой Боян, значение которой в рамках комплекса (культуры) Зенешти весьма велико. Культура Зенешти появилась в Молдове в сформировавшемся виде, придя сюда с запада вдоль р. Муреш и его притоков. Она, как полагает Г. Думитреску, отчасти параллельна фазе Джулешти культуры Боян, полностью отвечает выделенной Р. Вульпе фазе Извоаре I, 1 и тесно связана с последующей фазой Извоаре I, 2. Наличие промежуточных (во времени и пространстве) поселений Ларга-Жижиия и Влэдени в междуречье Серета и Прута, а также Флорешт на Реуте свидетельствует, по мнению исследовательницы, о постепенном проникновении

²⁹ *Vulpe R. Izvoare, p. 111—120.*

³⁰ *Comşa E. Studiul cercetărilor cu privire la faza Giuleşti a culturii Voian, p. 27—51; Comşa E. К вопросу об относительной хронологии и о развитии неолитических культур на юго-востоке Румынской Народной Республики и на востоке Н. Р. Болгарии.— Dacia, n. s., t. VI, 1962, p. 64; Comşa E. Istoria comunităţilor..., p. 243—244.*

³¹ *Comşa E. Culturile neolitice din zona Dunării inferioare intermediare între sud şi nord.— Apulum, 1973, XI, Alba—Julia, p. 20—21.*

прекукутенской культуры на восток³².

Вл. Думитреску впервые разделил культуру Прекукутени на три фазы, последовательно вытекающие одна из другой. Древнейшая фаза (Прекукутени I), представленная поселением Траян-Дялул Вией (Зенешти), начала свою жизнь в результате смешения нескольких элементов. Исследователь отдает приоритет местным племенам — потомкам КЛЛК в Молдове; второе место принадлежит носителям культуры Боян, на фазе Джулешти продвинувшимся на юго-запад Молдовы. Еще одним элементом, внесшим вклад в формирование I фазы культуры Прекукутени, являются, по мнению Вл. Думитреску, носители неолитической культуры южно-бугского происхождения. Наконец, некоторую роль сыграли и элементы южной культуры Хаманджи.

На второй фазе (Прекукутени II — Ларга-Жижия) культура распространилась на восток, причем, как считает исследователь, возможно, возобновились прежние контакты с носителями буго-днестровской культуры. Последняя фаза (Прекукутени III — Триполье А) целиком вытекает из двух предыдущих³³.

Следует отметить, что Вл. Думитреску не приводит никаких доводов в поддержку своего тезиса о роли буго-днестровской культуры в формировании фазы Прекукутени I и бо-

лее поздних контактах носителей этих двух культур. В последнее время его взгляд на эту проблему, видимо, несколько изменился, так как в недавнем критическом разборе книги Рут Трингем³⁴ он отвергает ее вывод о большом сходстве между керамикой буго-днестровской и прекукутенской культур и влиянии первой культуры на вторую, хотя и предполагает процесс абсорбции буго-днестровских племен племенами III фазы культуры Прекукутени³⁵.

В последние годы ряд статей и монографию, посвященные культуре Прекукутени, опубликовала С. Маринеску-Былку³⁶. Материалы, полученные исследовательницей в результате раскопок многослойного поселения Тырпешти (прикарпатская часть Молдовы), позволили ей значительно дополнить и развить идеи Г. и Вл. Думитреску о связи позднейшей КЛЛК Молдовы с пришлой культурой Боян (фаза Джулешти), на основе которых и сложилась I фаза новой культуры Прекукутени. Для характеристики этой фазы С. Маринеску-

³⁴ *Tringham R. Hunters, Fishers and Farmers of Eastern Europe 6000—3000 B. C. London. Hutchinson and Co LTD, 1971.*

³⁵ *Dumitrescu Vl. A propos d'une nouvelle synthèse concernant l'époque néo — énéolithique du Sud—Est et du Centre—Est de l'Europe.—Dacia, n. s., t. XVII. Bucarest, 1973, p. 304.*

³⁶ *Marinescu-Bilcu S. Unele probleme ale neoliticului Moldovenesc in lumina sapaturilor de la Tirpești.—SCIV, 1963, N 3, p. 395—422; Marinescu-Bilcu S. Quelques aspects du probleme de la contribution de la ceramique rubanée à la formation de la civilisation Precucuteni I.—Alba Regia, XII. Szekesfehervár, 1972, p. 162—171; Marinescu-Bilcu S. Asupra unor aspecte ale raporturilor dintre culturile Precucuteni și Hamangia.—Pontica, V. Constanța, 1972, p. 29—38; Marinescu-Bilcu S. Cultura Precucuteni...*

³² *Dumitrescu H. Contribuții la problema originii culturii Precucuteni. SCIV, VIII, 1957, p. 53—69; Dumitrescu G. К проблеме происхождения прекукутенской культуры, с. 33—47.*

³³ *Dumitrescu Vl. Complexul cultural Cucuteni.—In: Istoria României, I. București, 1960, p. 60—63; Dumitrescu Vl. Originea și evoluția culturii Cucuteni — Tripolie.—SCIV, 1963, N 1, p. 51—74.*

Былку, кроме материалов поселения Траян-Дялул-Вией, привлекла данные, полученные при изучении еще четырех малоизвестных памятников (Эрестегин и др.). Хорошее знание всех прекукутенских памятников на территории Румынии позволило исследовательнице отнести их к той или иной фазе этой культуры, а картографирование поселений показало, что носители культуры Прекукутени постепенно продвигались на восток. Свидетельством этого продвижения являются, по мнению С. Маринеску-Былку, памятники II фазы, расположенные уже не только на территории Молдовы, но и в Пруто-Днестровском междуречье. В заключение отметим, что, указывая на определенную роль культур Винча, Тордош и Хаманджия в сложении культуры Прекукутени, С. Маринеску-Былку отрицает влияние буго-днестровского неолита на генезис прекукутенско-трипольских памятников³⁷. Последний вывод сделан исследовательницей без развернутого анализа неолитических материалов Днестра и Южного Буга и сопоставления их с материалами прекукутенских и раннетрипольских поселений.

Таким образом, ознакомившись со взглядами исследователей, занимавшихся проблемой происхождения раннего Триполья и культуры Прекукутени, отмечаем, что в качестве предполагаемых основных компонентов сложения указанных культур выступают КЛЛК, буго-днестровская и боянская культуры. Рассмотрим каждый из этих компонентов более подробно.

³⁷ *Marinescu-Bilcu S. Cultura Precucuteni...*, p. 125—126.

Культура линейно-ленточной керамики

В настоящее время на территории СССР известно около 50 поселений и отдельных местонахождений КЛЛК, в основном локализованных в западной части Волыни, Верхнем Поднестровье, бассейне Реута и юго-восточной части МССР. Исследователями установлено, что они относятся к поздней фазе культуры (с так называемой потной керамикой), весьма близки памятникам КЛЛК на территории Румынии и юго-восточной Польши, откуда и проникли в более восточные районы³⁸.

Мысль об отсутствии генетической связи между КЛЛК и ранним Трипольем на территории Украины и Молдавии прочно утвердилась в литературе³⁹, однако в вопросе о хронологическом соотношении этих культур еще нет полной ясности. Так, даже после раскопок во Флорештах и Незвиско, где поселения КЛЛК стратиграфически предшествовали раннему Триполью с боянскими чертами и Триполью этапа В/1, Т. С. Пассек и Е. К. Черныш писали о частичном сосуществовании ранних три-

³⁸ *Свешников И. К.* Культура линейно-ленточной керамики на территории Верхнего Поднестровья и Западной Волыни.— *СА*, 1954, т. 20, с. 100—130; *Пассек Т. С., Черныш Е. К.* Памятники культуры линейно-ленточной керамики на территории СССР.— *САИ*, 1963; В1—11; *Захарук Ю. М.* Памятники культуры лінійно-стрічкової кераміки.— В кн.: *Археологія Української РСР*. К., 1971, т. 1, с. 96—104; *Маркевич В. И.* Памятники эпох неолита и энеолита, с. 27—37.

³⁹ *Пассек Т. С., Черныш Е. К.* Памятники..., с. 9, 38.

польцев с носителями КЛЛК и вытеснении последних трипольцами⁴⁰. Более того, Е. К. Черныш предполагала, что тип наземного глинобитного жилища из неолитического слоя Незвиско (о нем шла речь в I главе этой работы) был заимствован у трипольцев⁴¹. Этим выводам противоречат данные стратиграфии нескольких поселений на территории СССР и Румынии (Флорешты, Путинешты⁴², Тырпешти⁴³ и др.), где слой КЛЛК всегда залегает ниже остатков раннего Триполья и культуры Прекукутени (фазы II—III). Импорт керамики КЛЛК в среде буго-днестровской культуры и наоборот (Базьков остров, Сороки V, Цыра) позволили В. Н. Даниленко и В. И. Маркевичу установить, что по времени КЛЛК Поднепровья и Побужья отвечает самчанской — началу савранской фазы буго-днестровской культуры⁴⁴. На этом развитие КЛЛК на территории Украины и Молдавии, очевидно, прекращается, т. е. между ней и ранним Трипольем существует довольно значительный хронологический интервал.

Иначе обстоит дело с памятниками КЛЛК на территории румынской Молдовы, где они существуют довольно долго, пройдя через две по-

следовательные фазы развития⁴⁵. Среди материалов слоя КЛЛК в Тырпешти С. Маринеску-Былку выделена керамика, обычную для памятников типа Желизовце в Словакии, завершающих длительный период развития КЛЛК и знаменующих уже переход к энеолиту⁴⁶. Орнамент посуды из Тырпешти также заметно отличает ее от обычной «нотной» керамики. И, наконец, на некоторых сосудах здесь встречен выемчатый узор в виде прямоугольников, «шахматной доски», «волчьих зубов», обычный для культуры Боян. Все эти наблюдения позволили С. Маринеску-Былку сделать обоснованный и важный вывод о том, что в Молдове КЛЛК доживает до появления памятников культуры Боян (фаза Джулешти), т. е. памятники типа Тырпешти заполняют лауну между концом типичной «нотной» фазы КЛЛК и I фазой культуры Прекукутени⁴⁷. Таким образом, устраняется хронологическая «несовместимость», мешавшая оценить истинный вклад КЛЛК в формирование культуры Прекукутени. Дополнительным доводом в пользу приведенных хронологических сопоставлений может служить фрагмент сосуда со спиральным проглаженным орнаментом, относящийся к I фазе культуры Прекукутени и найденный вместе с керами-

⁴⁰ *Пассек Т. С., Черныш Е. К.* Памятники..., с. 9, 38; *Черныш Е. К.* К истории населения энеолитического времени..., с. 79, 82.

⁴¹ *Черныш Е. К.* К истории..., с. 82.

⁴² *Маркевич В. И.* Памятники эпох неолита и энеолита..., с. 29.

⁴³ *Marinescu-Bilcu S.* Unele probleme..., p. 395—418.

⁴⁴ *Даниленко В. Н.* Неолит Украины, с. 66, рис. 19, 1—3; *Маркевич В. И.* Памятники эпох неолита и энеолита..., с. 22; *Маркевич В. И.* Буго-днестровская культура..., с. 135.

⁴⁵ *Comşa E.* Considerații cu privire la cultura cu ceramică liniară de pe teritoriul R. P. R. și din regiunile vecine.— SCIV, 1960, N 2, p. 217—244; *Comşa E.* Quelques nouvelles données sur la culture à céramique rubanée en territoire Roumain.— Alba Regia, XII. Székesfehévár, 1972, p. 173—179.

⁴⁶ *Pavuk J.* Želiezovský typ. In: Slovensko v mladšej dobe kamennej. Bratislava, 1970, s. 43—64.

⁴⁷ *Marinescu-Bilcu S.* Quelques aspects du problème..., p. 165—169.

кой железовицкого типа в яме на поселении КЛЛК Жешув-Пястов (юго-восточная Польша)⁴⁸.

На основе анализа материалов из Траяна-Дялул Вией, Г. Думитреску⁴⁹, а затем и С. Маринеску-Былку⁵⁰ называют черты, унаследованные культурой Прекукутени от КЛЛК. Это прежде всего столовая посуда из серой, хорошо промешанной глины, а также некоторые орнаментальные мотивы: спираль; угловой узор; различные наколы и выемки, часто подчеркивающие врезанные опоясывающие линии и спираль; узкие врезанные полоски, заполненные рядом наколов; стилизованные антропоморфные изображения на сосудах. Кроме того, прекукутенцы заимствовали у носителей КЛЛК, по мнению указанных авторов, специфические каменные топоры-тесла в виде «башмачной колодки», геометрические микролиты и орудия из обсидиана.

Действительно, в материалах Траяна-Дялул Вией, Эрестегна и других памятниках фазы Прекукутени I⁵¹ угадываются черты керамики КЛЛК: орнамент в виде узких врезанных лент, заполненных точками и насечками, угловые композиции и т. д.; возможно и заимствование технологии изготовления «столовой» посуды. У носителей КЛЛК могли быть переняты геометрические микролиты и, добавим, — навыки рабо-

ты с глиной при сооружении наземных жилищ. Однако формы керамики ранних прекукутенских поселений, характер спирального орнамента, каменные орудия, пластика и другие основные черты культуры заметно отличаются от КЛЛК. На последующих фазах культуры Прекукутени и в раннем Триполье признаки КЛЛК почти совершенно отсутствуют. Далекой реминисценцией КЛЛК следует, очевидно, считать орнамент в виде врезанных двойных дуг или параллельных линий с округлыми ямками на концах, встреченный на нескольких черепках из Лука-Врублевцевкой⁵². Здесь же можно отметить узор в виде раздваивающегося на конце отрезка прямой линии, типичный для керамики фазы Прекукутени I⁵³.

Итак, нельзя отрицать определенный вклад поздних носителей КЛЛК Молдовы в формирование I фазы (и только этой фазы) культуры Прекукутени, но и не следует преувеличивать значение этого вклада. В памятниках раннего Триполья черты КЛЛК практически отсутствуют.

Буго-днестровская культура

В 50—60-х годах начала широко исследоваться местная неолитическая культура, территория распространения которой впоследствии была полностью перекрыта ранним Трипольем. Гипнотическое воздействие новой мощной предтрипольской культуры было столь велико, что многие исследователи поспешили объявить раннее Триполье прямым воспреемником буго-днестровского неолита без при-

⁵² Бибииков С. Н. Поселение Лука-Врублевцевкая, табл. 67, а; 69, в.

⁵³ Там же, табл. 67, з.

⁴⁸ Kozłowski J. K. Über die Untersuchungen der Östlichen peripherien der li-nien — handkeramik — Kultur. — Acta Archaeologica Carpathica, t. XIV. Kraków, 1974, s. 39—41, fig. 24.

⁴⁹ Dumitrescu H. Contribuții la problema originii culturii Precucuteni, p. 63.

⁵⁰ Marinescu-Bilcu S. Quelques aspects du problème..., p. 170; Marinescu-Bilcu S. Cultura Precucuteni..., p. 119—121.

⁵¹ Marinescu-Bilcu S. Cultura Precucuteni..., fig. 26—37.

ведения убедительных сопоставлений. Правда, в недавно вышедших монографиях В. Н. Даниленко и В. И. Маркевич называют черты, роднящие раннее Триполье и буго-днестровскую культуру. По В. Н. Даниленко, это: «1) хронологическая преемственность; 2) значительное совпадение территории, особенно на Востоке; 3) наличие контакта в формах земледелия и соответствующих типов обработки земли; 4) принципиальное сходство набора кремневых орудий; 5) общность ряда специфических форм костяных орудий; 6) преемственность в типах поселений и жилищ; 7) сходство ряда керамических форм; 8) сохранение основных технических приемов нанесения орнамента на глиняную посуду и сохранение всех его главных схем; 9) преемственность в системе религиозно-космогонических представлений»⁵⁴. В. И. Маркевич упоминает: «ладьевидные отжимники-ретушеры, приемы оформления и огранки нуклеусов и некоторые их типы; мелкие скребки, угловые резчики, подромбовидные микролиты; мотыги с продольно расположенным лезвием; некоторые формы грубой керамики, покрытой пальце-погтевыми защипами; орнамент, нанесенный на керамику трубчатыми и иной формы штампами, и многое другое»⁵⁵.

В предшествующих главах, анализируя основные категории предметов материальной культуры Бернашевского поселения, рассматривая хозяйственные занятия и идеологию жителей, мы пытались показать, что ни одна из важнейших, определяю-

щих черт раннего Триполья как Поднестровья, так и Побужья, не связана своим генезисом с буго-днестровской культурой. Из последней не могут быть выведены технологические группы керамики раннего Триполья, основные формы сосудов (разные горшки, «фруктовницы», тазы и миски, крышки и др.), системы и мотивы орнамента (прямоугольные оттиски гребчатого штампа, каннелюры, врезанные опоясывающие линии и «вращающаяся» спираль, выемчатый узор и т. д.), антропоморфная и зооморфная пластика, типы орудий из кремня и камня, глинобитные жилища-площадки. Такая отрасль хозяйства ранних трипольцев, как скотоводство (в частности, разведение овец и коз), также не связана с местным неолитом.

Некоторые общие черты материальной культуры, экономики или идеологии племен буго-днестровской культуры и раннего Триполья могут быть объяснены условиями окружающей среды (микролитизм кремневого инвентаря памятников Побужья, диктуемый исходным сырьем) или стадийными признаками неолита Юго-Восточной Европы (земледелие, спиральная орнаментация посуды и др.).

В связи с интересующим нас вопросом весьма важно установить хронологическое соотношение памятников буго-днестровской культуры и раннего Триполья (культуры Прекукутени). Сделать это нелегко из-за отсутствия стратифицированных поселений с материалами обеих культур, равно как и «импортов» одной культуры в среде другой. В качестве косвенных данных можно сослаться на приведенное выше соотношение: памятники самчинской (начала савранской) фазы — КЛЛК — фаза

⁵⁴ Даниленко В. Н. Энеолит Украины, с. 25.

⁵⁵ Маркевич В. И. Буго-днестровская культура..., с. 165.

Джулешти культуры Бояв. Его подтверждает и находка фрагмента керамики самчинской фазы буго-днестровской культуры на поселении культуры Боян (фаза Джулешти) в Богате (Румыния)⁵⁶. Исходя из этих данных, формирование и развитие I фазы культуры Прекукутени должно совпадать по времени с савранской (по В. Н. Даниленко) или V (по В. И. Маркевичу) фазой развития неолита на Южном Буге и Днестре. Такую же синхронизацию предлагает и Г. Думитреску, объясняющая наличие двух остродонных сосудиков в материалах поселения Траян-Дялул Вией опосредствованным влиянием буго-днестровской культуры⁵⁷.

Типологически и стратиграфически поселения савранской фазы на Южном Буге (Саврань, Миколина Брояка, Митьков остров и др.⁵⁸) и Днестре (Сороки V, Цикиновка⁵⁹) завершают развитие буго-днестровского неолита. Таким образом, насколько можно судить по сегодняшнему состоянию источников, буго-днестровская культура как археологическая реальность прекращает свое существование еще до появления поселений II—III фаз культуры Прекукутени и их аналогов на территории Молдавии и Украины.

В этой связи необходимо остановиться на так называемой хмельникской фазе, — переходной, по мнению В. Н. Даниленко, к раннему Три-

полью и, по сути дела, — единственно связывающем звене между двумя культурами. Нетрудно убедиться, что эта «фаза» представлена не поселениями или большими собраниями материала, а тремя десятками черепков, поднятых на поверхности в разных пунктах Побужья и Поднестровья (Саидраки, Перебыковцы, Гордивцы, Мукша и др.) либо извлеченных В. Н. Даниленко из известных трипольских коллекций (Лука-Врублевцевская, Сабатиновка I)⁶⁰. Этот небольшой набор фрагментов керамики, лишенных общих черт, объединен на одной таблице лишь волею исследователя. Примером могут служить обломки сосудов из Луки-Врублевцевкой, орнамент которых С. Н. Бибиков назвал нехарактерным для поселения⁶¹. Несмотря на то, что в технологическом отношении (примесь толченого шамота, подлощенная поверхность), по форме и даже отчасти по орнаменту они ничем не отличаются от остальной посуды Луки-Врублевцевкой и, несомненно, были сделаны здесь, В. Н. Даниленко отнес их к «хмельникской фазе»⁶².

Кроме Луки-Врублевцевкой и Сабатиновки I, к Триполью относятся фрагменты керамики из Наславчи (вместе с ними были найдены также типичные энеолитические наконечники стрел и дротиков с двусторонней струйчатой ретушью⁶³), из Ве-

⁵⁶ *Comşa E. Istoria comunităţilor...*, p. 244.

⁵⁷ *Dumitrescu H. Două vase de o formă deosebită descoperite în aşezărea de la Traian — Dealul Viei. — Memoria Antiquitatis, v. IV—V. Bucureşti, 1976, p. 47—53.*

⁵⁸ *Даниленко В. Н. Неолит Украины*, с. 121—142.

⁵⁹ *Маркевич В. И. Буго-днестровская культура...*, с. 129.

⁶⁰ *Даниленко В. Н. Неолит Украины*, с. 142—143, рис. 123; с. 154—155, рис. 123; *Даниленко В. Н. Энеолит Украины*, рис. 5.

⁶¹ *Бибиков С. Н. Поселение Лука-Врублевцевская*, табл. 65—69.

⁶² *Даниленко В. Н. Неолит Украины*, рис. 123, 1—10; *Даниленко В. Н. Энеолит Украины*, рис. 5, 21, 23, 24.

⁶³ *Черниш О. П. Дослідження на Дністрі в 1950—1951 рр. — АП УРСР, 1956, т. 6, с. 191, рис. II, 22.*

ликой Мукши⁶⁴ — т. е. практически все материалы «хмельнянской фазы». Вполне понятен и «тордошский» характер этих материалов, о котором пишет В. Н. Даниленко: многие фрагменты керамики из Луки-Врублевцевкой имеют прямые аналогии на поселениях дунайских культур Винча и Тиса⁶⁵. Об этом писали и другие исследователи, критикуя подход В. Н. Даниленко к материалам из Луки-Врублевцевкой⁶⁶.

Таким образом, вывод В. Н. Даниленко о наличии позднейшей фазы буго-днестровской культуры, переходной к раннему Триполью, является ошибочным. Не случайно В. И. Маркевич, с большой тщательностью исследовавший неолит Поднестровья, отрицает возможность выделения здесь этой фазы⁶⁷.

Поскольку буго-днестровская культура предшествует раннему Триполью, не исключено, что последние ее носители могли быть ассимилированы трипольцами. Однако вклад ее в формирование специфического облика раннего Триполья был незначителен; сколько-нибудь серьезные доказательства тесной генетической связи обеих культур отсутствуют. Тем более трудно говорить о роли буго-днестровской культуры в сложении культуры Прекукутени, поскольку

ку памятники буго-днестровского неолита к западу от Днестра практически неизвестны.

Культура Боян

Ее роль в формировании культуры Прекукутени трудно переоценить. Среди румынских исследователей, пожалуй, только Вл. Думитреску склонен несколько преуменьшить генетическое воздействие Бояна, полагая, что от него была унаследована лишь третья часть всех признаков, характерных для материалов фазы Прекукутени I⁶⁸. Импульс из боянской среды был столь силен, что многие черты Бояна прослеживаются не только в Прекукутени I, но и на памятниках II фазы, и в материалах наиболее ранних трипольских поселений Украины и Молдавии. Лишь на фазе Прекукутени III (на нашей территории — это памятники типа Луки-Врублевцевкой и более поздние) боянские черты почти полностью исчезают.

От Бояна прекукутениско-раннетрипольские племена унаследовали ряд керамических форм — «фруктовницы» на полых цилиндрических поддонах, крышки с грибовидной ручкой⁶⁹ и некоторые другие. С культурой Боян связан орнамент в виде канцелюр и, главное, — специфический выемчатый негативно-позитивный узор, часто заполненный белой пастой. Такие мотивы этого орнамента, как «шахматный», «волчьи зубы», треугольники и прямоугольники, спираль и др. обычны для керамики

⁶⁴ Разведочные раскопки С. Н. Бибикова и автора в 1964 г. показали наличие здесь раннетрипольского слоя и отсутствие неолитических материалов. См. отчет С. Н. Бибикова и В. Г. Збеневича в Научном архиве ИА АН УССР, № 1964—5/9.

⁶⁵ *Banner J. The Neolithic Settlement on the Kremenyák Hill, p. 1—56; pl. XIX, 1—29.*

⁶⁶ *Dumitrescu H. Două vase de o formă deosebită..., p. 52—53; Marinescu-Bîlcu S. Cultura Precucuteni..., p. 126.*

⁶⁷ *Маркевич В. И. Буго-днестровская культура..., с. 136.*

⁶⁸ *Dumitrescu Vl. Complexul cultural Cucuteni, p. 61—63.*

⁶⁹ *Dumitrescu Vl. Quelques remarques au sujet de la culture neolithique Precucuteni et de la station de Traian — Dealul Viei. — Dacia, n. s., t. XI. Bucarest, 1967, p. 39—46.*

3 группы из Бернашевки, Флорешт, Рогожан. Не встречаясь на посуде остальных нео-энеолитических культур Юго-Восточной Европы, выемчатый орнамент с присущими ему мотивами и композициями является надежным индикатором связи между культурами Боян-Джулешти, Прекукутени I—II и памятниками типа Флорешт.

К элементам, заимствованным у культуры Боян, следует отнести и некоторый, производственный инвентарь прекукутенско-раннетрипольских племен — каменные топоры и тесла, кремневые орудия (резцы, вкладыши серпов). Земледельческо-скотоводческий тип хозяйства также, по-видимому, был унаследован от боянских племен, равно как и сложная система культовых воззрений и обрядности, связанная с земледелием.

Таким образом, именно с первичным боянским воздействием следует связывать появление тех «южных» (по С. Н. Бибикову) черт, которые спустя несколько столетий будут отчетливо видны в материальной и духовной культуре раннетрипольских племен.

Некоторый вклад в формирование прекукутенско-трипольской культуры, кроме КЛЛК и Бояна, внесли и другие неолитические культуры Молдовы и Трансильвании. Здесь необходимо упомянуть культуру Криш, традиции которой нашли отражение в кухонной керамике и пластике поселений Траян-Дялул Вией, Ларга-Жижия, Флорешты, Бернашевка и т. д. Так, описанная выше керамика 1-й группы из Бернашевки, — чашевидные сосуды, горшки с цилиндрическим горлом и др., украшенные по всей поверхности зацепами, «колосковым» орнаментом (в том числе и в скорописной манере), — находит

ближайшие аналогии в кришских памятниках Молдовы (Периени⁷⁰ и др.) и Трансильвании⁷¹. Неясен пока механизм передачи кришских традиций в культуру Прекукутени, так как по существующим представлениям об относительной хронологии культуры Криш ее памятники предшествуют и КЛЛК⁷² и культуре Боян-Джулешти⁷³. Е. Комша полагает, что в целом культура Криш в Молдове отвечает по времени концу соколецкой и всей пещерской фазе буго-днестровской культуры⁷⁴. Последняя вряд ли могла передать кришские черты в культуру Прекукутени, так как ее памятники на территории Молдовы отсутствуют.

Возможно, как полагает Г. Думитреску⁷⁵, кришские черты возникли в керамике формирующейся культуры Прекукутени под воздействием трансильванской культуры Тордош, генетически связанной с Кришем.

Сама тордошская культура также, по-видимому, оказала определенное воздействие на формирование культуры Прекукутени, свидетельством чего являются ее знаменитые «письменные знаки»⁷⁶, встреченные на

⁷⁰ Petrescu-Dimbovița M. Sondajul stratigrafic de la Perieni.— MCA, III, 1957, fig. 3, 4; 4, 1—9, 5, 4.

⁷¹ Vlăsa N. Cultura Criș în Transilvania.— Acta Musei Napocensis, III, Cluj, 1966, p. 40—48.

⁷² Petrescu-Dimbovița M. Sondajul stratigrafic..., p. 65—81.

⁷³ Zaharia E. Angaben über die Boian — Giulești kultur die Siedlung von Leț.— Dacia, n. s., t. XI. Bucarest, 1967, p. 5—38.

⁷⁴ Comșa E. Unele date privind raporturile dintre culturile neolitice timpurii din estul României cu cele din sud — vestul U.R.S.S.— SCIV, 1971, N 3, p. 377—386.

⁷⁵ Думитреску Г. К проблеме происхождения докукутенской культуры, с. 38—41.

⁷⁶ Makkay J. The Late Neolithic Tordos Group of Signs.— Alba Regia, X, Székesfehérvár, 1969, p. 9—50.

керамике Эрестегина, Траяна-Дялул Вией, Ларги-Жижии, Тырпешти⁷⁷, а также Бернашевки (рис. 72, 16), Рогожая⁷⁸ и Флорешт. Типичные для культуры Тордош изображения иногда встречаются на посуде разновременных равнетрипольских и прекукутенских памятников — от Траяна-Дялул Вией⁷⁹ до Луки-Врублевецкой⁸⁰.

Наконец, отметим, что вопреки мнению Д. Берчу⁸¹ представляется минимальной роль культуры Хаманджия в сложении культуры Прекукутени. Не исключено, что, кроме статуэток в позе «мыслителя», у племен Добруджи была заимствована система накольчатого орнамента, быстро трансформировавшаяся в среде культуры Прекукутени в штамповый узор. С. Маринеску-Былку, указывая на незначительную генетическую роль Хаманджии, полагает, что эта культура (на поздних своих этапах) испытывала довольно сильное воздействие со стороны культуры Прекукутени⁸².

Перечислив как основные, так и второстепенные компоненты культуры Прекукутени — раннее Триполье, отметим, что зона стыка важнейших из них (Боян, КЛЛК, Тордош) включает юго-восточные районы Трансильвании и отчасти запад Молдовы. С продвижением в Тран-

сильванию носителей культуры Боян начинается предыстория формирования культуры Прекукутени.

Данные, приведенные в монографии Е. Комши, убедительно свидетельствуют о росте населения придунайских районов в конце неолита и вынужденном его переселении на другие территории. Так, если для ранней фазы культуры Боян (Болинтиняну) зафиксировано около тридцати поселений, расположенных, главным образом, в центре Мунтении⁸³, то на следующей фазе (Джулешти) количество памятников возрастает более чем в три раза, причем они занимают теперь всю Мунтению, подходя на востоке к Добрудже, а на северо-востоке — к югу Молдовы⁸⁴. Некоторая часть носителей культуры Боян в это же время переходит Карпаты и появляется в юго-восточной части Трансильвании, где зафиксировано более десятка поселений фазы Джулешти⁸⁵. Дальнейшее продвижение в Молдову осуществлялось либо из северной части Мунтении (по Е. Комше), либо, как отмечает С. Маринеску-Былку, из юго-восточной Трансильвании.

Румынские исследователи по-разному определяют зону тесного контакта пришельцев с местным населением (по-видимому, весьма немногочисленным) — носителями КЛЛК на ее позднейшей фазе. Е. Комша связывает эту зону с южной частью Молдовы⁸⁶. С. Маринеску-Былку более обоснованно полагает, что этнические и культурные контакты между носителями культуры Боян и аборигенным населением осуществля-

⁷⁷ *Marinescu-Bilcu S. Cultura Precucuteni...*, fig. 34, 5; 35, 1, 2; 45, 1, 3; 61, 6.

⁷⁸ *Маркевич В. И. Исследования Молдавской неолитической экспедиции*, с. 37—38, рис. 4, 2, 6, 7, 9, 10; 5, 4.

⁷⁹ *Marinescu-Bilcu S. Cultura Precucuteni...*, fig. 34, 7.

⁸⁰ *Вибиков С. Н. Поселение Лука-Врублевецкая*, табл. 65, в.

⁸¹ *Berciu D. Cultura Hamangia*, p. 33—34.

⁸² *Marinescu-Bilcu S. Cultura Precucuteni...*, p. 125; *Marinescu-Bilcu S. Asupra unor aspecte ale raporturilor dintre culturilor Precucuteni și Hamangia*, p. 29—38.

⁸³ *Comşa E. Istoria comunităților...*, p. 28—31, fig. 9.

⁸⁴ *Ibid.*, p. 32—36, fig. 10.

⁸⁵ *Ibid.*, p. 36, fig. 10.

⁸⁶ *Ibid.*, p. 244.

лись на юго-востоке Трансильвании, а также в западной и центральной частях Молдовы⁸⁷.

В результате этих контактов и, очевидно, ассимиляции остатков местного населения представителями более молодой, сильной и жизнестойкой культуры родилось новое, качественно иное культурно-этническое образование — культура Прекукутени, начавшая самостоятельный путь развития. Собственно, на I фазе она еще не выглядит самостоятельным организмом, так как слишком много черт связывают ее с материнской культурой. С. Маринеску-Былку относит к этой фазе всего 5 поселений: Эрестегин, Сфынтул Георге и Банку в юго-восточной Трансильвании; Траян-Дялул Вией и Борлешти в западной части Молдовы. Весьма ограниченно опубликованный материал первых 3-х пунктов носит заметную боянскую окраску. Это относится, в частности, к керамике из Сфынтул Георге⁸⁸ с ее типично боянским орнаментом в виде мелких проглаженных каннелюр, выемчатого узора в зигзагомеандровых композициях, врезанных треугольников и т. д. Возможно, это сходство и побудило Е. Компу отнести указанные трансильванские поселения к фазе Джулешти культуры Боян⁸⁹. Однако в формах и орнаменте некоторых сосудов (биконические горшочки из хорошей глины, украшенные чередующимися горизонтальными рядами каннелюр и врезанных линий) просматриваются характерные прекуку-

тенские черты. В еще большей степени это относится к материалам из Траян-Дялул-Вией, где новое дает себя знать не только в керамике, но и в пластике, и орудиях труда.

Процесс оформления новой культуры можно считать законченным лишь с появлением однотипных памятников II фазы — Извоаре I, 1, Гирову, Трулешти-Гигоешти, Ларга-Жижкия и др. Их характеризуют новые черты, несвойственные предшествующей фазе. Это прежде всего, наличие трех четких технологических групп керамики. Теперь две из них имеют в тесте примесь шамота вместо половецкой, характерной для керамики Траян-Дялул Вией и унаследованной в качестве отождителя от культуры Боян. На столовой посуде появляется узор, оттиснутый гребенчатым штампом. Кухонная посуда приобретает очевидные признаки керамики культуры Криш в виде пальцевых защипов и наколов, покрывающих всю поверхность сосуда и часто скомпонованных в «колосковый» рисунок. Несколько упрощается и видоизменяется типичный боянский выемчатый орнамент: вместо правильного «шахматного» узора часто встречаются наколы и насечки, нанесенные в шахматном порядке; редко встречаются зигзаго-меандровые композиции. Наряду с выемчатым орнаментом постоянно встречаются проглаженные линии в угловых или спиральных композициях. На сосудах появляется стилизованное изображение летающего змея.

Наковец, приобретает стандартный, устойчивый облик антропоморфная пластика с подчеркнутой стеатопигией женских статуэток, лишенная орнамента.

Начиная со II фазы, развитие культуры Прекукутени идет незави-

⁸⁷ *Marinescu-Bilcu S. Cultura Precucuteni...*, p. 127—128.

⁸⁸ *Székely Z. Contribuții la cunoașterea culturii Boian în Sud—Estul Transilvaniei. — Memoria Antiquitatis, II. Piatra — Neamț, 1970, p. 19—23.*

⁸⁹ *Comșa E. Istoria comunităților...*, p. 35.

симо от Бояна и по другому пути: эволюция Бояна продолжается в придунайской части Мунтении и частично в Добрудже, где эта культура впоследствии трансформировалась в культуру Гумельница. Носители культуры Прекукутени продолжают продвижение на восток. Отправным районом этой миграции стала прикарпатская часть Молдовы, в основном бассейн Быстрицы; промежуточным — правобережье Прута в его среднем течении, где ряд памятников II фазы зафиксирован на р. Жижия, Бырлад и др. Всего, судя по данным, приведенным в работе С. Маринеску-Былку, сейчас на территории Молдовы известно семь памятников II фазы культуры Прекукутени (Извоаре, Гирову, Трудешти-Гигоешти, Яссы, Ларга-Жижия, Цигэнапи, Влэдени). Кроме того, к концу II фазы относится основание поселений Тырпешти и Мындришка, датированных более поздним временем⁹⁰.

Судя по значительному сходству материалов таких памятников, как Трудешти-Гигоешти (Прикарпатье) и Ларга-Жижия (правобережье Прута) переселенцы пересекли Молдову довольно быстро. Картографирование памятников всех трех фаз культуры Прекукутени и маркировка их ареалов, проведенные С. Маринеску-Былку⁹¹, убедительно показывают, что миграция постоянно осуществлялась в северо-восточном направлении. Процесс этот, очевидно, проходил беспрепятственно, так как предшествующая по времени культура линейно-ленточной керамики уже прекратила здесь свое существование.

Продолжая расселение к востоку, носители культуры Прекукутени

переходят на левый берег Прута, где сейчас известны четыре поселения, относящиеся, судя по небольшому подъемному материалу, ко II фазе этой культуры (Фундурь I, Кетриш I, Стольничены I и Новые Скуляны⁹²). В дальнейшем, видимо, были предприняты попытки освоения Пруто-Днестровского междуречья, свидетельством чему являются неоднократно упоминаемые поселения Флорешты и Рогожаны на левом берегу Реута. Северным форпостом описанного продвижения на восток является Бернашевка — поселение, отстоящее на 100 км к северо-западу от Флорешт и расположенное в лесных дебрях любовережного Поднестровья. Не исключено, что переселение в этот район шло в более северном направлении (вдоль Прута до его излучины), однако однотипные с Бернашевкой памятники здесь пока не обнаружены.

Таким образом, на значительном пространстве от предкарпатской Молдовы на западе и до левого берега Днестра на северо-востоке сейчас известно около двадцати однотипных поселений, свидетельствующих о передвижении в восточном направлении этнических групп с территории Молдовы в начале энеолита. Даже учитывая далеко не полный объем источников, можно утверждать, что миграция эта не была значительной по своим масштабам и что исходные и промежуточные ее районы не были перенаселены. Эти обстоятельства делают передвижение носителей культуры Прекукутени в Пруто-Днестровское междуречье до некоторой степени загадочным. Конечно, экономические причины (экстенсив-

⁹⁰ *Marinescu-Bilcu S. Cultura Precucuteni...*, p. 160—165, 168—169; 174—176, 177.

⁹¹ *Ibid.*, fig. 1; 2.

⁹² *Маркевич В. И. Памятники эпох неолита и энеолита...*, с. 72, 77—78; 79, 80.

ность и низкая продуктивность сельского хозяйства) имели большое значение, но дело, видимо, не в них одних. Возможно, объяснение лежит также в труднодоступной сфере психологии, обычаев и представлений древних земледельцев и скотоводов.

По мере продвижения переселенцев на северо-восток меняющиеся природные условия и отрыв от исходных районов неминуемо должны были привести к определенным изменениям в их хозяйстве, быте, материальной культуре. Выше уже говорилось о постепенном увеличении роли охоты в экономике жителей поселений Пруто-Днестровского междуречья и об изменении состава стада в сторону уменьшения поголовья мелкого рогатого скота. Обилие кремневого сырья в Поднестровье несколько меняет характер инвентаря, делая основным орудием труда скребок на отщепе, часто выполненный весьма небрежно. В керамическом комплексе наиболее восточных памятников, прежде всего Бернашевки, заметен процесс стирания граней между технологическими группами и перенос черт одной группы на другую. Заметно вырастает в количественном отношении группа кухонной керамики за счет уменьшения числа сосудов других групп. Так, если в Ларге-Жижии первая группа составляет 30% всего комплекса, то в Бернашевке — уже 54%. Здесь возрастает также количество типично боянских форм сосудов («фруктовницы»), выполненных из грубой глины первой группы, в то время как на более западных поселениях такие сосуды относятся, как правило, к 3-й группе. Уменьшается количество кухонной посуды, сплошь украшенной защипами и насечками. Видимо, в междуречье Прута и Днестра в это время появляются и пер-

вые поселения с круговой планировкой.

Все указанные черты определяют на этой территории локальную специфику пришлой культуры и дают право применять ее старое, исторически сложившееся название — «трипольская культура раннего этапа». Самостоятельное развитие этой культуры как восточной части большой культурной общности (рис. 81) начинается именно с появления памятников типа Флорешт, поэтому вполне оправдано предложенное В. С. Титовым выделение «Флорештской фазы» раннего Триполья⁹³.

Terminus post quem для памятников типа Флорешт на территории СССР дает I фаза культуры Прекукутени, которой на территории Молдовы непосредственно предшествуют позднейшие памятники КЛЛК с железовицкими чертами. Две радиоуглеродные даты для слоя КЛЛК в Тырпешти (4200 ± 100 , 4295 ± 100)⁹⁴ подкрепляются близкими датами для объектов железовицкой фазы на поселении Ольшаница под Краковом (4350 ± 400 ; 4200 ± 210)⁹⁵. Таким образом, считаем возможным датировать позднейшие поселения КЛЛК в Молдове временем 4200 г. до н. э., а последующие памятники I и II фаз культуры Прекукутени на этой территории — концом V тыс. до н. э.

⁹³ *Titov V. S. Tripolye Culture in the chronological System of Neolithic and Copper Age cultures of South — Eastern and Central Europe. — VII Congrès International des sciences préhistoriques et protohistoriques (Belgrade, 1971). Les rapports et les communications de la délégation des archéologues de l'URSS. Moscou, 1971, p. 4.*

⁹⁴ *Marinescu-Bilcu S. Cultura Precucuteni...*, p. 140.

⁹⁵ *Milisaukas S. The Linear culture Site at Olszanica Bi in Poland. — Archaeologia Polona, v. XVI. Wrocław — Warszawa — Kraków — Gdańsk, 1975, p. 155—178.*

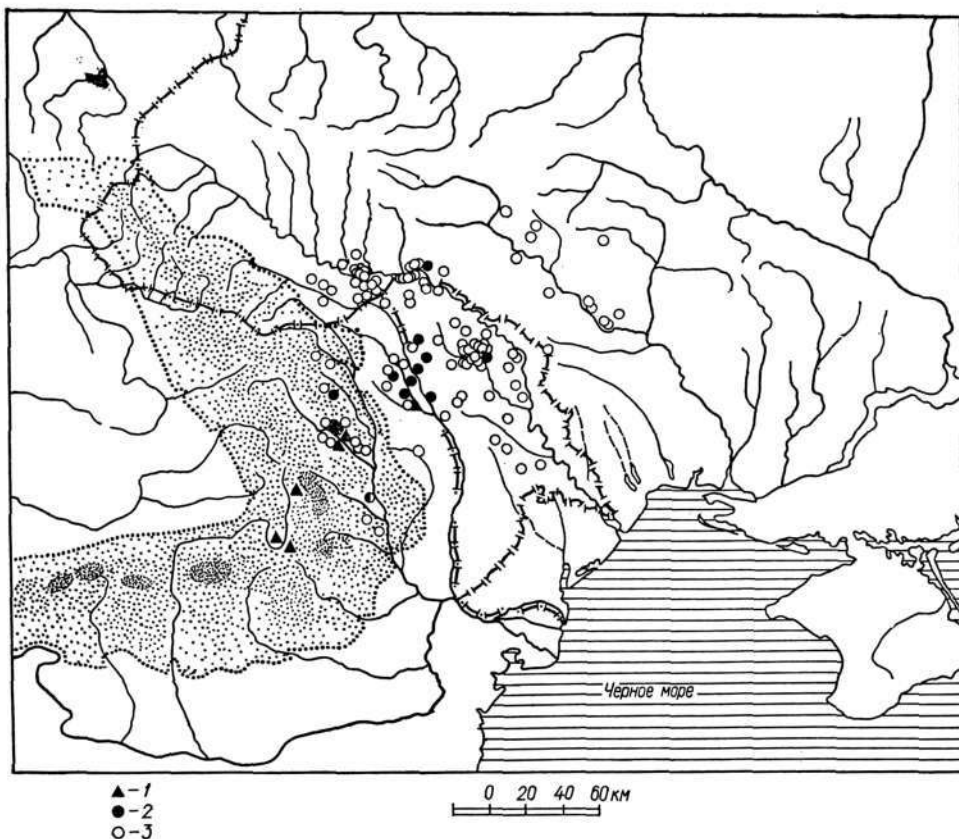

Рис. 81. Карта распространения памятников культуры Прекукутени и раннего Триполья:

1 — поселения I фазы культуры Прекукутени; 2 — поселения II фазы культуры Прекукутени и типа Флорешт; 3 — поселения III фазы культуры Прекукутени и раннего Триполья (Триполья А).

Учитывая быстроту продвижения прекукутенцев на восток, наиболее ранние трипольские памятники Пруто-Днестровского междуречья, в том числе и Бернашевку, относим к самому началу IV тыс. до н. э., т. е. к 4000—3900 гг.

Многие исследователи проводят хронологические параллели между II фазой культуры Прекукутени и памятниками типа Флорешт, с одной стороны, и фазой Видра культу-

ры Боян — с другой⁹⁶. Правильность этих сопоставлений подтверждается наличием среди материалов Бернашевки фрагментов керамики с выемчатым орнаментом в зигзаго-меанд-

⁹⁶ Comşa E. Istoria comunităților..., p. 244; Marinescu-Bilcu S. Cultura Precucuteni..., p. 139; Marinescu-Bilcu S. Relații între culturilor Precucuteni și Boian — Gumelnița. — SCIVA, 1976, N 3, p. 347—353; Titov V. S. Tripolye culture in the chronological System..., p. 4.

ровых композициях, типичных для фазы Видра. Более поздние трипольские памятники, равно как и прекукутенские поселения III фазы, в целом синхронны заключительной фазе культуры Боян (Боян IV, Боян-Спанцов), переходной к Гумельнице. Серия радиоуглеродных определений для поселения этой фазы в Кэсчиореле (Румыния) ⁹⁷ позволяет датировать его 3800 г. до н. э. Более или менее близкие даты по С¹⁴ получены и для синхронных культур Болгарии — Караново V (поселение Азмак) ⁹⁸ и Сава IV (4-й и 5-й слои теля Голямо Делчево) ⁹⁹. Нижний слой поселения Новые Русешты, относящийся к концу раннего Триполья, датируется по С¹⁴ 3615 г. до н. э. ¹⁰⁰, что позволяет считать завышенной дату 3580 ± 85, полученную для поселения в Тырпешти (фаза Прекукутени III) ¹⁰¹ с типологически более ранними материалами. Наконец, *terminus ante quem* для

раннетрипольских памятников может быть в общих чертах определен серией дат (3660 ± 55; 3535 ± 60; 3675 ± 50), полученных для поселения Мерджинени (этап Кукутени А₂ — начало раннего Триполья) ¹⁰². В целом считаем возможным датировать конец раннего Триполья на территории СССР временем 3700—3600 гг. до н. э., а весь период существования раннетрипольских памятников относим к 4000—3600 гг. до н. э. * Близкие даты для культуры Прекукутени в Румынии предложены Вл. Думитреску ¹⁰³ и С. Маринеску-Былку ¹⁰⁴.

Таким образом, конечным результатом миграции немногочисленных групп людей, начавшейся на рубеже V и IV тысячелетий до н. э., явилось формирование большой этнической группировки, всего за половину тысячелетия освоившей пространство от Прикарпатья до Южного Буга и надолго предопределившей историческое развитие этого региона.

⁹⁷ Quitta H., Kohl G. Neue Radiocarbon-daten zum Neolithikum und zur frühen Bronzezeit Südosteuropas und der Sowjetunion.— *Zeitschrift für Archäologie*, 1963, а 3. Berlin, S. 239.

⁹⁸ Ibid., S. 227.

⁹⁹ Тодорова Х. Археологическо проучване на селищната могила и некропола при Голямо Делчево, с. 12—13.

¹⁰⁰ Quitta H., Kohl G. Neue Radiocarbon-daten..., s. 249.

¹⁰¹ Marinescu-Bilcu S. Cultura Precucuteni..., p. 140—141.

¹⁰² Monah D. Datearea prin C¹⁴ a etapei Cucuteni A₂—SCIVA, 1978, t. 20, N 1, p. 33—41.

* Автор придерживается традиционных радиоуглеродных датировок без дендрохронологической поправки. С учетом последней эти даты пришлось бы углубить примерно на 800 лет. Именно к началу V тысячелетия до н. э. некоторые исследователи относят появление трипольской культуры.

¹⁰³ Dumitrescu Vl. Cronologia absolută a eneoliticului românesc în lumina datelor C¹⁴.— *Apulum*, XII, Alba-Julia, 1974, p. 23—39.

¹⁰⁴ Marinescu-Bilcu S. Cultura Precucuteni..., p. 141.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Внимание автора этой книги в основном было сосредоточено на памятниках типа Флорешт, к чему обязывал анализ материалов Бернашевского поселения. Однако логика исследования требует хотя бы в общих чертах наметить дальнейший путь развития раннего Триполья. При этом особое значение приобретает проблема периодизации памятников.

Сейчас насчитывается около 100 поселений с более или менее единым культурным обликом, традиционно относимых исследователями к Триполью А-фазе Прекукутени III. Однако в этой, казалось бы, монолитной общности выделяются не только локальные¹⁰⁶, но в хронологические группы памятников. Наиболее ранние из них непосредственно соприкасаются во времени с памятниками типа Флорешт и развиваются на их основе. Процесс эволюции последних особенно наглядно проявляется на Среднем Днестре, где сейчас известно около 30 раннетрипольских поселений, расположенных сравнительно недалеко одно от другого. Поэтому специфика их материала вызвана не локальными, а хронологическими различиями. Одним из наиболее ранних здесь является поселение у с. Окопы*, в большом керамическом комплексе которого четко выделяются те же технологические группы, формы сосудов и системы орнамента, что и в Бернашевке. Весьма показательны, в частности, тот факт, что большинство сосудов 1 группы украшено заплатами и насечками по всей поверхности. Существенное отличие

¹⁰⁶ Черныш Е. К. Основные направления путей расселения племен культуры Кукутени-Триполье в ранний период, с. 92—102.

* В 1978—1979 гг. автор исследовал в Окопах три площадки, давшие значительный вещественный материал.

заключается в том, что в Окопах заметно увеличивается число сосудов 2 группы за счет уменьшения количества кухонной керамики. Кроме того, на посуде 3 группы почти полностью исчезает специфический «боянский» выемчатый негативно-позитивный орнамент с его характерными мотивами: лишь узор примерно 20 фрагментов является отголосок четкого шахматного рисунка. В кремневом инвентаре Окопов преобладают скребки на отщепах, но в отличие от Бернашевки скребки на пластинках уже составляют третью часть этой группы орудий.

К памятникам типа Окопов в Среднем Поднестровье относится еще ряд поселений, пока представленных небольшими коллекциями (Брага¹⁰⁶, Лука-Устинская¹⁰⁷, Бабшин, Вороновица и др.). Поселения, в материалах которых сочетаются признаки, характерные для памятников типа Флорешт, и новые черты, известны также в соседних районах Молдавии (Александровка¹⁰⁸ и, очевидно, Исаково II¹⁰⁹). В румынской Молдове к этой группе памятников относится поселение Тырпешти (нижний горизонт)¹¹⁰; архаические черты заметны и в материалах поселений Алдешти, Бэдени, Мындрешка и др.¹¹¹

¹⁰⁶ Борисковский П. И. Деякі доповнення до археологічної карти Середньої Наддніпряниці.— Археологія, 1950, т. 4, с. 120—121.

¹⁰⁷ Белановская Т. Д. Раннетрипольское поселение Лука-Устинская, с. 56—58.

¹⁰⁸ Маркевич В. И. Исследования Молдавской неолитической экспедиции в 1970—1971 гг., с. 51—57.

¹⁰⁹ Бейлекчи В. С. Исследования раннетрипольского поселения Исаково II.— АО 1974 г. М., 1975, с. 436.

¹¹⁰ Marinescu-Bilcu S. Cultura Precucuteni..., p. 168—169.

¹¹¹ Ibid., p. 152, 154, 165.

Мы вправе сделать вывод о естественном и быстром перерастании Бернашевки и ее аналогов на Днестре в памятники типа Окопов без какого-либо хронологического разрыва между ними. Весьма важно отметить, что в это время началось освоение трипольцами бассейна Южного Буга. Полное отсутствие на местных поселениях керамики с боянскими чертами не случайно. Очевидно, лишь в конце второй фазы развития днестровских памятников, когда их число заметно увеличилось, часть раннетрипольского населения Среднего Поднестровья перешла на Южный Буг, где появились такие поселения, как Сабатиновка II, Гайворон и др.

Следующая фаза раннего Триполья в Поднестровье представлена такими поселениями, как Лука-Врублевецкая, Берново-Лука, Солончены, Голерканы, Кормань и др. Их материалы уже заметно отличаются от инвентаря поселений двух предшествующих фаз. Так, для посуды 1 группы становится реликвовым некогда широко распространенный защитный орнамент, покрывающий всю поверхность сосуда; лишь на поселении Берново-Лука встречены два фрагмента с таким орнаментом. Полностью исчезает и «колосковый» узор. Керамика 2 группы теперь украшена узкими (0,2—0,5 см) пролощенными каннелюрами, причем этот орнамент также как и врезанный спиральный рисунок, часто дополнен неглубокими округлыми ямками.

Наиболее характерная черта посуды 3 группы — это окончательное угасание боянской традиции, полное исчезновение выемчатого узора. Часто все тулово сосуда покрывает врезанная или проглаженная заштрихо-

ванная лента в спиральном узоре — конечная ступень стилизации образа фантастического змея-дракона, тесно связанного с керамикой более ранних поселений. Наконец, обычным элементом декора становится прокраска ленточного орнамента охрой уже после обжига сосуда.

Значительные изменения заметны и в антропоморфной пластике упомянутых поселений. Теперь часто встречаются большие статуэтки с коническим выступом — головой, плоским широким торсом и угловатыми плечами, украшенные врезанным спиральным узором, ромбами, наколами (типы «а» и «в» по А. П. Погожевой).

Касаясь производственного инвентаря, заметим, что во всех коллекциях количественно преобладают скребки на пластинках (от 56% в Луке-Врублевской до 84% в Берново-Луке).

Очевидные различия в материалах памятников типа Окопов и Луки-Врублевской заставляют сделать вывод о том, что между ними имеется хронологическая лагуна, заполнение которой — дело будущих исследований.

В других районах Луке-Врублевской и ее аналогам соответствуют такие памятники, как Извоаре 1, 2 (запад Молдовы) и Греновка (Побужье).

К наиболее поздней фазе развития раннего Триполья на Днестре, очевидно, принадлежит известное поселение Ленковцы. Некоторые его черты характерны уже для памятников начала среднего этапа культуры: местоположение на краю плато, на

высоте около 100 м (ни одно раннетрипольское поселение не находится в таких топографических условиях); наличие в землянках некоторого количества керамики из розовой хорошо отмученной глины; появление ножевидных кремневых пластин больших размеров и т. д.

В Молдавии близким аналогом Ленковцев является поселение Новые Русешты I (нижний слой), отнесенное В. И. Маркевичем к самому концу раннего Триполья — переходу к этапу В/I.

К промежуточным звеньям, маркирующим переход от раннего к развитому Триполью, очевидно, следует отнести ряд поселений, обычно рассматриваемых как раннетрипольские: Озаринцы в Поднестровье, Печеру и Борисовку в бассейне Южного Буга и др.

Нами был очерчен, разумеется, лишь самый общий абрис периодизационной схемы, так как многие причины, в первую очередь ускоренный или замедленный темп роста отдельных районов, влияли на процесс развития культуры в целом. Однако этот процесс в основных своих проявлениях проходил аналогично на всей территории от прикарпатской части Молдовы до Побужья.

К концу раннего этапа стала более отчетливо проявляться локальная специфика памятников, расположенных к востоку от Днестра, позволяющая отнести к этому времени начало формирования восточной ветви большой этнокультурной области, известной нам как собственно трипольская культура.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АО	— Археологические открытия
АП УРСР	— Археологічні пам'ятки УРСР
ЗООИД	— Записки Одесского общества истории и древностей
КСИААН СССР	— Краткие сообщения Института археологии АН СССР
КСИИМК	— Краткие сообщения Института истории материальной культуры
МАСП	— Материалы по археологии Северного Причерноморья
МИА	— Материалы и исследования по археологии СССР
МИА Ю-З СССР и РНР	— Материалы и исследования по археологии Юго-Запада СССР и Румынской Народной Республики
СА	— Советская археология
САИ	— Свод археологических источников
МСА	— Materiale și cercetări arheologice
РА	— Památky archeologicke
SCIV	— Studii și cercetări de istorie veche
SCIVA	— Studii și cercetări de istorie veche și arheologie

ОГЛАВЛЕНИЕ

3	ВВЕДЕНИЕ
8	ТОПОГРАФИЯ, СТРАТИГРАФИЯ И ПЛАНИРОВКА ПОСЕЛЕНИЯ. ЖИЛИЩА И ДРУГИЕ ОБЪЕКТЫ
66	ИЗДЕЛИЯ ИЗ КАМНЯ И КОСТИ
104	ПОСУДА И ДРУГИЕ ГЛИНЯНЫЕ ИЗДЕЛИЯ
141	ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ ЗАНЯТИЯ. КУЛЬТОВЫЕ ВОЗЗРЕНИЯ
155	К ПРОБЛЕМЕ ПРОИСХОЖДЕНИЯ ТРИПОЛЬСКОЙ КУЛЬТУРЫ
175	ЗАКЛЮЧЕНИЕ
178	СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

Владимир Гецелевич Збеневич

**ПОСЕЛЕНИЕ
БЕРНАШЕВКА
НА ДНЕСТРЕ
(к происхождению
трипольской культуры)**

*Утверждено к печати
ученым советом
Института археологии
АН УССР*

**Редактор
В. П. ЛАГОЛЗКАЯ**

**Оформление художников
В. М. ДОЗОРЦА, Е. Ф. СЕНДЗЮКА**

**Художественный редактор
С. П. КВИТКА**

**Технический редактор
И. Н. ЛУКАШЕНКО**

**Корректор
З. П. ШКОЛЬНИК**

Информ. бланк № 3736

Слово в набор 15.10.79. Подп. в печ. 02.07.80.
БФ 01077. Формат 70×90/16. Бумага типогр. № 1.
Обычн. гов. гарн. Выс. печ. Усл. печ. л. 13,75.
Физ.-печ. л. 11,25+3 вкл. Уч.-изд. л. 13,34. Ти-
раж 1000 экз. Заказ 9—2448. Цена 2 руб. 20 коп.

Издательство «Наукова думка». 252601.
Київ-601 ГСП Радива. 3.

Отпечатано с матриц республиканского про-
изводственного объединения «Полиграфкнига»
Госкомиздата УССР, 252057, Киев, ул. Дон-
женко, 3 в областной книжной типографии
Львовского облиполиграфиздата, Львов, Сте-
фаняка, 11. Зак. 3774.